

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

1/2005

Павел АМНУЭЛЬ

ТАЙНА
ШЕСТИ КАРТИН

ИСКАТЕЛЬ

2005

ДОРОГИЕ НАШИ ЧИТАТЕЛИ!

Поздравляем вас с Новым 2005 годом! Пусть для всех Год Петуха будет самым удачным и радостным.

Хотим напомнить, что текущая подписка на «Искатель» и все другие наши издания продолжается. А это значит, что вы в любой момент можете подписаться с ближайшего номера на любой интересующий вас журнал или на все сразу.

Обращаем ваше внимание, что телефоны редакции несколько изменились. Теперь вместо 285 надо набирать 685, остальные цифры остались прежними. Например, вместо 285-47-06 надо набрать 685-47-06.

В первых номерах журналов «Мир «Искателя» и «Детективы «Искателя» читайте романы Андрея Ивахненко «Последний контракт» и Елены Глинковой «Когда позовет смерть».

ПОДПИСАТЬСЯ НА ВСЕ НАШИ ЖУРНАЛЫ МОЖНО С ЛЮБОГО МЕСЯЦА

Индексы:

«Искатель» — 70424, 42785 и 40940,

«Мир «Искателя» — 40920,

«Детективы «Искателя» — 38304,

детский журнал «Колокольчик» —

79035 («Пресса России»),

26089 («Роспечать»).

**Эти издания можно приобрести в редакции
или заказать по почте.**

127015, Москва, Новодмитровская ул., 5а, офис 1607.

Телефоны: (095) 685-39-27, 285-39-27,

(095) 685-47-06, 285-47-06.

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

ежемесячный литературный журнал издается с 1961 года
1/2005

*Николай
БУЯНОВ*

3

**И ТОГДА ПОВЕЛЕЛ
МАКЕДОНСКИЙ**

детективная повесть

*Павел
АМНУЭЛЬ*

63

**ТАЙНА
ШЕСТИ КАРТИН**

детективная повесть

*Кирилл
ШАРОВ*

169

ПОБЕДИТЕЛЬ

*фантастический
рассказ*

1 (313) 2005

Главный редактор	Евгений КУЗЬМИН
Художники	Иван ЦЫГАНКОВ Александр ШАХГЕЛДЯН
Технолог	Екатерина ТРУХАНОВА
Верстка	Вячеслав КОЗЫРЕВ
Адрес редакции	127015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, офис 1607
Телефон редакции	685-4706, 285-4706
Телефоны для размещения рекламы	685-4706, 285-4706, 685-39-27, 285-39-27
Служба распространения	685-59-01, 285-59-01, 685-66-87, 285-66-87
E-mail	iskatel@orc.ru mir-iskatel@mtu.ru

Учредитель журнала
ООО «Издательский дом «ИСКАТЕЛЬ»
Издатель
ООО «Книги «ИСКАТЕЛЯ»
© «Книги «ИСКАТЕЛЯ»
ISSN 0130-66-34

Свидетельство Комитета
Российской Федерации
по печати
о регистрации журнала
№ 015090 от 18 июля 1996 г.

Распространяется во всех регионах России,
на территории СНГ и в других странах.

Подписка проводится с любого месяца

Подписные индексы:

по Объединенному каталогу
«Почта России»
(карточная система)
70424 — на полгода
42785 — на год
40940 — комплект «Искатель»
и «Мир «Искателя»

по каталогу
агентства «Роспечать»
(адресная система)
на полгода — 79029

ИСКАТЕЛЬ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Николай БУЯНОВ
**И ТОГДА
ПОВЕЛ
МАКЕДОНСКИЙ**

детективная повесть

...Экран светился призрачным голубоватым сиянием в полумраке маленькой чрезвычайно убогой комнатенки — пожалуй, столь же убогой, как и сам телевизор, даже отдаленно не напоминавший своих гордых собратьев, тех, что имели счастье родиться в странах — членах Большой Семки, детищ эпохи сверхтонких технологий, плоских экранов и встроенных игровых приставок.

Пол в комнате был древний и скрипучий — хозяйка давно привыкла к этому скрипу и различала половицы по голосам, точно мать — многочисленных детей или кошатница — многочисленных кошек. У той, к примеру, что лежала у двери в прихожую, был утробный бас, как у маньяка-растлителя в фильме «Смерть под дождем». Чтобы прилечь на кровать (такую же старую, как и все в этом доме, с облезлыми железными шишечками, вызывающими мысль о кладбищенской ограде), приходилось ступать на доску с голосом свирели из «Веселых ребят», а та, что лежала у дальней стены, отзывалась незаслуженно забытой «Пионерской зорькой». (Вовочка, пока был маленький, очень уважал эту передачу).

Стена была неровной — тот, кому взбрело бы в голову поклеить ее обоями, вскоре тихо спятил бы, подбирая полосы нужной длины... Да, впрочем, охотников на это мероприятие и не нашлось: стена была бревенчатая, и единственным ее украшением служила пожелтевшая фотография старого хозяина, сгинувшего, согласно семейному преданию, еще в империалистическую, под Варной (немцы отравили газами). Это предание не имело подтверждения: хозяина здесь никто не помнил, и никто не обращал внимания на фотографию, тем более что по цвету та удачно маскировалась под окружающий ландшафт.

Другое дело — телевизор. Вернее, то действо, что происходило на экране. Еще вернее, тот мужчина в серой тунике (на самом деле туника была пурпурной, просто теле-

визор был черно-белым), находившийся в центре этого действия — остальные, кто населял экран, не шли с ним ни в какое сравнение.

Раз за разом, каждые двадцать минут, Он появлялся в кадре, на фоне дымных развалин древнегреческого храма, в отвесах восхитительного смрадного пламени и криках многотысячного войска...

Господи боже мой, как же орали они, приветствуя Его, какой яростной, неукротимой радостью и обожанием горели их лица — даже вид целой горы трофейного золота, даже групповое изнасилование языческой жрицы не вызвало бы у них большего восторга...

Они любили Его. Они стучали мечами о щиты в знак приветствия, кричали и плакали от счастья — не все, конечно, но многие, особенно седые ветераны, успевшие вместе со своим командиром намотать на сапоги цветущие сады Египта, джунгли Юго-Восточной Азии и барханы Центральной Африки с ее причудливыми, как миражи, оазисами. Они все, все до единого, не задумываясь, отдали бы за Него жизнь, а Он шел вдоль бесконечных шеренг, гордый, величественный, беспутно красивый, словно сам Бог Войны...

Он и был для них богом — по крайней мере, сейчас, пока его войска не знали горестного слова «Поражение». Он был Победителем. А Победитель и Бог — это одно и то же.

В комнате находились четверо: двое мужчин и две женщины. Все были до крайности озабочены и старались не смотреть друг на друга, поэтому волей-неволей им приходилось глядеть на экран.

«Дерьмо, — думал первый мужчина. — Взять бы этот поганый ящик да хрястнуть молотком со всего размаха, чтобы осколки в разные стороны... То-то бы личико у старой дуры вытянулось! Нет, пусть уж смотрит: будет лишний повод объявить ее сумасшедшей. Да и завешание на дом еще не оформлено — вдруг бабулька копыта откинёт от переживаний, и останешься с носом. А Артурчик — гад еще тот, сколько денег в него вбухано, мог бы своих психов одеть в пижамы от Версаче и отправить в круиз по Средиземному морю... Ну ничего, недолго ему осталось. Скоро все кончится...»

«Дерьмо, — думал второй мужчина. — Божий одуванчик-то и впрямь выглядит дерьмово, но психическое ее состояние — это большой вопрос... И большая головная боль: незаконное содержание в спецлечебнице — дело подсудное. Ну, не подсудное (доказать ничего невозможно), но практики могут лишить, как два пальца об асфальт... Надо будет поплакаться и раскрутить бизнесмена на хорошие «бабки» — не пожалел он мне новенькую «Ниву», не пожалеет и шестисотый «Мерседес». Надо только нажать на него посильнее...»

«Дерьмо, — думала первая женщина. — Только зайдешь за порог, а впечатление такое, будто провалилась в общественный нужник с головой. Как тут люди всю жизнь живут — не пойму. И Артурчик, кобелино потасканное, строит масляные глазки, нашел тоже время... Хорошо, Вовочка занят другим: то посмотрит на затылок любимой бабушки, то на молоток в прихожей — не надо быть экстрасенсом, чтобы понять ход мыслей. Хотя мысли, черт возьми, заманчивые...»

«Дерьмо, — думала вторая женщина. — Качество ужасное и настройка совершенно никакая, полосы по всему экрану. А впрочем, это неважно. Главное — мой Сашенька со мной. Смотрит на меня, улыбается, будто подбадривает... Хорошо, что он у меня есть. Нынешние-то мужики — не приведи Господь: коли человек трезвый и приличный — то в хозяйстве негодный, либо пиликает на скрипочке, либо очки роняет над бумажками; если полезный в доме (плотник или сантехник) — то непременно пьющий, а если непьющий, богатый и не роняет — то обязательно сволочь... Зря я, дура, сболтнула про клад, теперь меня в покое не оставят. Ох, грехи наши тяжкие... Ну ничего, скоро все кончится...»

— Ну, все, — бизнесмен поднялся с табурета и оживленно хлопнул себя по колену. — Пора ехать, бабуля, машина ждет во дворе. Да ты не бойся, условия в больнице хорошие: отдельная палата, прогулки в садике, трехразовое питание, макароны по-флотски... Любишь макарончики?

— Как скажешь, миленький, — ангельски кротко отозвалась женщина. — Раз ты думаешь, что мне там будет лучше...

— Конечно, лучше, о чем базар! Процедуры поделают, витаминчиков подколят — будешь бегать, как молодая.

— Как скажешь, — повторила старушка, комкая в сухих ручках узелок с нехитрыми пожитками (больничный халат, тапочки-шлепанцы, платочек на голову, миска и жестяная кружка — старая, доставшаяся еще от матушки-покойницы, едва ли не единственное наследство и память. Внук утверждал, что все это лишнее, в больнице выдадут казенное, но бабушке не очень-то верилось). — Ты, миленький, главное помни: мой дом никому не продавай. Непростой это дом...

— Помню, бабуль, помню.

Ее вынесли едва ли не на руках, с трудом скрывая нетерпение. Машина — мощный навороченный джип, похожий издали на железнодорожный вагон, — уже сдержанно порывивал мотором за калиткой. Задняя дверца была распахнута, и роскошный пестрый петух по имени Фредди Крюгер, осторожно вытянув шею, с любопытством заглядывал внутрь салона...

Высокая полногрудая женщина, держа под мышкой таз с мокрым бельем, проводила глазами машину и спросила:

— Куда это бабу Клаву, да с таким комфортом?

— К Барвихину, — с каким-то странным напряжением отозвалась собеседница. — Упек-таки родной внучок.

— Неужто в дурдом? — охнула женщина. — Вот же ни стыда ни совести... Накатать бы на него письмо в прокуратуру! Хотя, что ему прокуратура — с такими-то деньжищами. Лучше бы в газету, чтобы, как говорится, общественность подключить. Раньше-то, при Брежневе, общественности боялись пуще КГБ... Оленька, ты в магазин не собираешься? Говорят, хлебовозка с утра приезжала...

Оленька — Ольга Григорьевна Засопецкая — покачала головой и ушла в дом. Она никогда не запирала дверь — ученики-дьяволята из сельской школы, где она преподавала русский и литературу (а также от случая к случаю математику, биологию, труд и военное дело — если требовалось кого-то подменить), давно отучили, беззастенчиво превратив дом в проходной двор. Она не обижалась и не сердилась.

На столе, на белой клеенке, со вчерашнего дня ожидала кипа непроверенных тетрадей. Она открыла одну, верхнюю, попробовала вникнуть в детские каракули и отложила. Слова соседки через улицу гвоздем засели в голове, как некое

руководство к действию. Она поразмыслила, покусывая кончик шариковой ручки, вздохнула, собираясь с духом, достала листок бумаги и вывела: «Уважаемая редакция!»

Бросила взгляд на написанное и осталась довольна. Как-никак удачное начало — половина успеха...

1

— Быть грозе.

— Разве что к вечеру будет.

«А меня уже здесь не будет, — с мрачноватым удовольствием подумал Алеша, Алексей Павлович Сурков, 22 года, собственный корреспондент областной газеты «Доброе утро!» (телепрограмма, новости в усеченном виде, реклама «памперсов», противозачаточных средств и туров на Канары и в Лейк-Плейсид, выходит раз в неделю тиражом аж 20 тысяч экземпляров). — До обеда разберусь с делами, и — домой, писать статью... если удастся накопать достаточно материала».

Электричка, как ей и положено, воняла колбасой и ядреным самогоном. Рядом, через проход, расположилась компания подвыпивших деревенских ковбоев — все как один в засаленных кепках, брюках, заправленных в сапоги, и пиджаках на голое тело. Ехали, видно, с ярмарки — насмотревшись и накупив товару, откушав водочки в вокзальном буфете и «догнавшись» местным первачом — словом, оттянувшись по полной программе, вдали от жен и ребятишек. Алеша, исконно городской человек, поначалу отворачивался и зажимал нос, но вскоре ничего, притерпелся. И даже стал тайком поглядывать на девушку, что сидела на жесткой скамейке наискосок от него, в стороне от ковбойского общества, источавшего тот самый колбасно-самогонный дух.

Девушка была чудо как хороша: зеленые русалочьи глаза, бархатная кожа, покрытая ровным загаром и легким золотистым пушком, и такое же драгоценное темно-медовое золото на голове и за спиной, собранное в роскошный хвост длиной чуть ли не до талии. Она почувствовала его взгляд и улыбнулась прелестной улыбкой — легкой, привет-

ливой и чуть ироничной. Алеша тут же покраснел и уткнулся в раскрытое письмо, что лежало у него на коленях.

Письмо пришло утром, вместе с редакционной почтой. Алексей, помнится, опоздал на работу на роковые десять минут, поэтому серой мышкой юркнул за свой стол и принял позу человека, глубоко ушедшего в творческие мысли, — словно примчался не только что, а сидел здесь, не отлучаясь, как минимум со вчерашнего вечера. Это золотое правило он усвоил еще со школы: учительница (начальница, воспитательница, коридорный надзиратель) не обратит внимания на работающего ученика, как орел-стервятник не заметит перепелку в кустах, удачно слившуюся с окружающей средой.

Однако сегодня был несчастливый день.

— Лешенька, зайди на минуту, — пророкотала из своего кабинета Ангелина Ивановна, редактор отдела «Голос читателя». Персональный селектор марки «Сибирь-12», призванный облегчить труд руководящего работника среднего звена, она высокомерно презирала.

Как только Алеша вошел, она улыбнулась ему совершенно по-матерински и протянула через стол помятый конверт.

— Милый, не в службу, а в дружбу — смотайся и разберись.

— А почему я? — мрачно спросил он, уже зная, что отвертеться не удастся.

Она пожала мощными плечами.

— А кто еще? У Иринushки ребенок, Станислав Павлович, как обычно, с утра головкой мается, Димочка (сыночек Главного)... Ну, о нем лучше все не вспоминать. Так что изучай письмо и собирай пожитки. Сам понимаешь, получили сигнал — обязаны отреагировать. Кстати, я позвонила на вокзал: ближайшая электричка через полтора часа. Успеешь и домой забежать, и в бухгалтерию — командировочные уже выписаны.

Алеша вздохнул. Ехать активно не хотелось — не хотелось даже «заскакивать» домой, где предстоял разговор с грозным родителем... Да нет (Алеша тут же поправил себя), никакой он не грозный, просто никак не может простить

отпрыску, что тот не пошел по родительским стопам: папа возглавлял кафедру в архитектурной академии и прочил сына в аспирантуру. Блудный сыночек же, мечтавший о карьере журналиста, видел себя перед кинокамерой, на фоне живописных пальм или еще более живописных пылающих развалин (близкие разрывы, крики беженцев и мужественный спокойный голос: «Я веду свой репортаж из центра боевых действий...»): Действительность оказалась куда прозаичнее.

Он заскочил домой, буркнул «Привет» и вытащил с антресолей спортивную сумку.

— В командировку? — участливо спросил Павел Игнатьевич (и ни слова упрека, черт возьми, лишь легкая усталая ирония в духе Иеронима Брехта, усмешечка в сталинские усы: великовозрастное дитя имеет право на собственные ошибки...).

— В нее, — отозвался Алеша.

— Куда на этот раз? В Акапулько или снова в Брюссель? — тон его стал еще более участливым. — Там вроде намечается большое совещание в штаб-квартире НАТО по вопросам борьбы с терроризмом — все крупнейшие журналисты Европы аккредитованы...

— В Знаменку, — вздохнул журналист, пихая в сумку бутерброды, ветровку и блокнот с ручкой. — Какая-то шизофреничка накатала письмо в редакцию.

— В Знаменку? — отец озадачился. — Не слыхал.

— Ну ты даешь. Мировой культурный и экономический центр...

Павел Игнатьевич нацепил очки и надолго прилип к карте области.

— В самом деле... Судя по кружочку, дворов десять, не меньше, — он притворно вздохнул. — Да, с работой тебе повезло. И престиж, и уважение, и в смысле мир посмотреть... А главное — денежная: аж двести рублей в месяц! С ума сойти.

Дворов в Знаменке оказалось не десять, а все пятьдесят. В окрестностях мирно окаянствовало общество с ограниченной ответственностью, стояла двухэтажная деревянная школа и психбольница — носительница главной местной

достопримечательности: мемориальной таблички над центральным входом, гласившей:

«Здесь в период с 17.02.1915 по 4.05.1918 находился на излечении русский советский писатель-мемуарист А. А. Дятел».

Письмо писала учительница. Алеша просек это, едва взглянув на почерк: старательный и крупный, каким хорошо ставить красные «неуды» и строчить в дневник гневные послания родителям. Впрочем, все я выдумываю: наверняка она добрая, близорукая, и ребяшня у нее делает что хочет.

«Уважаемая редакция! (Алеша вновь стрельнул взглядом на соседку: ту разморило от духоты, она стянула с себя кофточку, оставшись в одном сарафане, и, кажется, задремала, прикрыв пушистые ресницы.) Я преподаю в старших классах литературу и русский язык (ага, я угадал). Побеспокоить вас меня заставила судьба моей соседки, Клавдии Никаноровны Дуганиной — бабы Клавы, как ее называют у нас на селе. Когда-то она работала в совхозе, но давно вышла на пенсию. Трудилась не покладая рук и в войну, и после войны, снискала к себе всеобщее уважение, а вот с собственным внуком ей не повезло: этот двадцатипятилетний балбес из «новых русских» (т.е. денег куры не клюют) приехал из города с молодой супругой и тут же выжил бабушку из собственного ее дома. Он уже собрал документы, чтобы поместить старушку даже не в приют (что само по себе уже отвратительно), а в психбольницу, под «присмотр» доктора Барвихина (это главврач). А Барвихин, кстати, недавно купил себе машину, хотя зарплата у него, сами понимаете...»

Алеша снова вздохнул. Незнакомую бабу Клаву было жалко. Тем более что ее сумасшествие заочно выглядело не слишком убедительно: и правда, откуда деньги на машину? Ясно, что взятка...

«Очень прошу вас разобраться и не дать пропасть хорошему человеку. Думаю, что внучку не терпится прибрать к рукам дом с участком. С уважением, Засопецкая Ольга Григорьевна».

Он откинулся на спинку, без любопытства глядя в окно: поля, поля, редкие домики, грязная проселочная дорога с намертво застрявшим трактором (интересно, как психиатр собирается разъезжать на собственном авто по таким автобанам? Или внучок-бизнесмен подарил ему танк?). Мысли текли лениво, как вода в заболоченной речке: перво-наперво встретиться с Засопецкой, из первых рук получить всю информацию о бабе Клаве. Потом — с этим ублюдком внуком и с психиатром, в случае чего припугнуть их милицией... А впрочем, пока у меня никаких фактов. Вот бы добиться переосвидетельствования бабульки! А с остальным пусть разбираются налоговые органы.

Станция оказалась совсем крошечной — примерно с автобусную остановку. Электричка затормозила, лязгнув колесами на стыках. Он поднялся, выпрыгнул из вагона и сразу погрузился по колено в густую траву, горячую и пахучую, расцвеченную какими-то пушистыми желтыми шариками на длинных стеблях. Над травой гудели шмели, где-то там, в зарослях, стрекотали кузнечики, и далеко, у околицы, кто-то гремел пустыми бидонами из-под молока.

Его недавняя спутница с золотистой косой тоже вышла и легко зашагала по тропинке. Алеша задумчиво поглядел ей вслед, и вдруг его пронзил самый настоящий страх. Он подумал, что она сейчас уйдет совсем — скроется из глаз, растает в утренней дымке, заставив всю оставшуюся жизнь мучиться некой несбыточной грустью...

Ноги сами рванули с места — он догнал ее и, дивясь собственной наглости (никогда не был особенно боек с женским полом, а вот поди ж ты...), тронул девушку за плечо. Ее кожа пахла так же, как и трава: горячо и нежно. До головокружения.

— Извините, — пробормотал он, остановившись и почему-то вытянув руки по швам.

— А? — она обернулась, и в зеленых глазах вспыхнули искорки.

— Я тут... То есть мне нужен один адрес, а я здесь первый раз, я хочу сказать. А вы деревенская, то есть я имею в виду... — он окончательно запутался.

— Какой адрес?

— Вот, — он поспешно вытащил из сумки конверт.

— А, это недалеко. Я вас провожу.

Тропинка стала заметно шире, что позволило Алеше шагать рядом с девушкой. Очень хотелось взять ее за руку... Да кто он ей? Вырвется, рассмеется, бросит в лицо что-нибудь обидное... Нет, идти рядом с ней, слушать прелестный певучий голос, ловить щекочущее прикосновение медвяных волос, словом, жить — вот так, легко, радостно, безнаказанно — и не надо ничего больше. Только немного грустно: вот сейчас они дойдут до нужного места и расстанутся навсегда: мимолетный и трогательный роман на фоне родной пасторали...

— Видите дом с желтым крылечком? Ольга Григорьевна живет там.

— Спасибо, — деревянно произнес он. — Скажите, как вас зовут?

— Наташа, — она ничуть не удивилась.

— А я Алексей. Вы здесь живете?

Наташа вытянула руку.

— Вон там, возле речки. А работаю в больнице, медсестрой. Ну, до свидания, Алешенька.

— До свидания, — пробормотал он, подумав: вот и все, конец приключения. А как славно она это произнесла: «Алешенька»...

Почему-то это слово — последнее — вдруг зародило в нем уверенность, что они еще встретятся. Само путешествие, нудное вначале, теперь волшебным образом превратилось почти в сказку, а у сказки, как известно, свои законы: Золушка непременно превращается в принцессу, а случайное знакомство — в судьбу...

Он с сожалением посмотрел вслед Наташе и повернул вправо, вдоль палисадников, тонувших в зарослях акаций и желтой сирени — он и не представлял, что бывает такая: напоминающая по цвету одуванчик, но форма листьев, запах... Ну точно сирень! Алеша покрутил головой, исполненной новых впечатлений, толкнул нужную калитку, прошел

по дорожке между грядок (налево огород, направо цветник) и постучал в дверь.

Открыли сразу, будто ждали. На пороге почему-то возник мужчина лет сорока, в мятом пиджаке и голубой рубашке с распахнутым воротом. Глаза у мужчины были колющие.

— Я к Ольге Григорьевне, — слегка растерянno произнес Алеша.

— Вы родственник или знакомый?

— Я, собственно...

— Документы у вас с собой?

— Конечно. А зачем вам? — спросил Алеша и сделал шаг внутрь.

Комната была обставлена простенько и опрятно: голубые обои на стенах и голубой, в тон, торшер в углу, письменный стол, накрытый клеенкой, с возвышающейся Монбланом кипой тетрадей под настольной лампой. Телевизор, платяной шкаф и массивная деревянная кровать, в изголовье которой пирамидой были сложены вышитые подушечки — мал мала меньше, точно призванные приносить счастье семь слоников. Идеальной чистоты коврик у двери, идеальной чистоты ситцевые занавесочки на окнах (оранжевые попугайчики по бледно-зеленому полю)...

Лишь собравшиеся здесь мужчины (числом пятеро: двое в милицeйской форме, трое в штатском) со своими профессионально-угрюмыми лицами никак не вписывались в обстановку. Один из них, всклокоченный, в черном костюме, несмотря на жару, сосредоточенно щелкал фотоаппаратом, остальные бестолково толклись рядом, перебрасываясь непонятными репликами. «Черепно-мозговая, тупой предмет, предположительно молоток... Да вон он, под ножкой стола». «Тут отпечаток, осторожнее...» «Угол с лампой — крупным планом...»

За столом, над непроверенной тетрадью, уронив голову, сидела Ольга Григорьевна. Она была мертва, и белая клеенка была испачкана чем-то отвратительно бурым, уже подсохшим...

— Значит, корреспондент? — Мужчина с колючими глазами повертел в руках Алешино удостоверение и вернул владельцу. — Что ж, будем знакомы: капитан Оленин Сергей Сергеевич, из райуправления. Давно прибыли в наши пенаты?

— Только что.

Они уединились на кухоньке — такой маленькой, что там помещались лишь газовая плита, столик и две табуретки. Когда-то здесь была действующая печка, но теперь она играла некую декоративную роль: дымоход был заложен кирпичом, а внутри, за заслонкой, стояли выстроенные по ранжиру тарелки, напоминая образцово-показательную роту солдат.

— Что же ждали так долго? — укоризненно спросил Оленин. — Штемпель на конверте недельной давности.

— Ну, это вопрос не ко мне. Мало ли где письмо могло затеряться. А когда обнаружили... тело?

— Сегодня утром. Соседка через улицу. — Капитан взглянул в окно. — Уже всем растрепала, старая карга. Скоро тут будет Новгородское вече.

— И наверняка преступник тоже придет, — прошептал Алеша, воспитанный на Чандлере и Агате Кристи.

— Возможно. А возможно, он уже далеко — Ольгу Григорьевну убили вчера вечером: лампа на столе горела.

— А удар был сильный?

— Не очень. Да старушке много ли надо? — Оленин тяжело вздохнул. — Я ведь учился у нее — с четвертого по восьмой класс. Хорошая была женщина.

— И что теперь? — потерянно спросил журналист.

— Опрос свидетелей, протоколы... Обычный набор процедур. Вы подросли вовремя: дали нам зацепку. — Он стукнул кулаком в окно и крикнул: — Силин! Срочно ко мне Владимира Киреева!

Услышанная фамилия показалась смутно знакомой и ассоциировалась почему-то с дорогой колбасой, сыром «Рокфор» и не по-советски улыбочивыми продавщицами в одинаковых форменных секс-передничках.

— Киреев, — вдруг сообразил Алеша. — Это тот, у которого гастроном в городе?

— И ларьки на рынке, и мясная лавка, и еще наверняка кое-что. Я вот думаю: если Ольга Григорьевна права, то... За каким ему, спрашивается, еще и бабкина развалюха? Хотя, конечно, Ольга Григорьевна могла и напутать... Или ее обманули. А убийство не имеет к письму никакого отношения.

— Уж очень идеально они совпадают по времени, — проворкотал Алеша.

— Вот именно: *совпадают*. Скажите на милость, зачем убивать, если письмо уже написано и отправлено? Бессмыслица.

Бессмыслица, повторял про себя Алеша, подперев кулаком подбородок и глядя в крохотное кухонное окошко, откуда была видна деревенская улица (ага, окрестные бабульки подтягиваются к крылечку, капитан как в воду глядел... Правда, ничего похожего на «вече»: все стоят молча и скорбно, промокая глаза платочками...).

Бессмыслица: Клавдия Никаноровна, загадочная баба Клава, уже недели две как в психбольнице, главврач которой колесит по деревне на собственном авто, письмо лежит в редакции... Или смерть несчастной учительницы действительно не связана с ним, или...

Или — это чья-то месть. Хотя (Алеша живо припомнил несколько увиденных по телевизору криминальных триллеров) месть не выглядит так стерильно. Месть — это обязательно аффект, ярость, почти сладострастие, выплеснутое в потеках крови на полу, брызгах крови на потолке, живописной кровавой надписи на стене, на кокетливо-целомудренных обоях в голубой цветочек...

Владимир оказался в точности таким, каким его представлял Алеша, питающий к представителям предпринимательства классовую неприязнь, — типичным персонажем анекдотов о «новых русских»: стриженный затылок, маленькие хитрые глазки и подбородок, плавно переходящий в бочкообразное туловище. Златая цепь на головогрудь и перстень с печаткой на толстом безымянном пальце. Без всякого почтения высморкавшись на коврик в прихожей,

он обвел глазами собравшихся и, остановив взгляд на Оленине, неприветливо осведомился:

— Ну?

— Проходите, господин Киреев, — сказал капитан. — Вы уже знаете, что произошло?

— Ну?

— Вы были знакомы с Ольгой Григорьевной Засопецкой?

— Знать не знаю такую.

— Ну уж, — укоризненно проговорил он.

— Ну, шастала к моей бабке в гости. Косточки соседям перемыть. Какие еще у них, убогих, развлечения?

— Когда она приходила в последний раз?

— Не знаю. — Владимир кинул в рот жвачку. — Мы с Веркой вчера в городе были.

— С какой целью?

Киреев нахмурился и стал походить на озадаченного непонятной командой бульдога.

— Как «с какой»? А где я живу, по-вашему? У меня квартира на Герцена и офис на Московской. Верка может подтвердить.

— Вера — это ваша невеста?

— Жена, — с законной гордостью сообщил бизнесмен. — Расписались два месяца назад.

— Где она сейчас?

— Дома. То есть тут, по соседству. Носик пудрит. Только ее допрашивать тоже бесполезно.

Алеша, про которого, кажется, временно забыли (вот и хорошо, думал он, боясь пошевелиться, надо пользоваться моментом), рассматривал руки Владимира: толстые, в два обхвата, волосатые и мясистые. Сам бизнесмен тоже был толстым и волосатым, под стать конечностям. Ольга Григорьевна в момент смерти сидела за столом, спиной к двери (проверяла тетради — как оказалось, последний раз в жизни). Допустим, забыла закрыть замок (грустная реплика капитана Оленина: «Да не то чтобы забыла, она его никогда и не запирала. У нас в провинции нравы почти патриархальные: ни тебе домофонов, ни кодовых запоров, ни телекамер... Оказалось, зря, черт побери»). Но бизнесмен весит

центнер, половицы скрипели, когда он вошел сюда сегодня. А вчера, значит, под убийцей не скрипнули, иначе бы Засопецкая как-то отреагировала: встала бы навстречу (бывший любимый ученик заглянул на огонек — все они, и двоечники, и отличники, по прошествии времени становятся любимыми), улыбнулась, угостила бы чаем с ватрушками...

Однако она не шевельнулась: так и осталась сидеть, будто задремав перед включенной лампой, в сиреновом ласковом вечере...

— Когда вы приехали?

— Утром. Надо же за домом присматривать.

— Электричкой?

— Не, у меня джип.

— Понятно. Распишитесь здесь и здесь, — капитан ткнул пальцем в протокол. — Мы вынуждены снять ваши отпечатки пальцев.

— Это чего? — встрепнулся Владимир.

— Таков порядок. И — подписка о невыезде, само собой...

— Да ты совсем охренел, мент! — заорал он, подымаясь, как медведь на задние лапы. — При чем здесь я, если угрожали какую-то полоумную?

— Она не полоумная, — тихо и раздельно сказал Оленин, и от его голоса бизнесмен вдруг сник и разом потерял бойцовский пыл, взлелеянный на многочисленных «стрелках» с братвой. — Она почти двадцать пять лет учила детей. И меня в свое время... А какая-то мразь ударила ее по голове молотком. Молоток мы нашли, и я хочу убедиться, что на нем нет твоих отпечатков, потому что иначе... *Ты меня понял?*

Что-то проворчав насчет беззакония, Владимир скрылся в соседней комнате. Капитан закурил, выпустил дым в форточку и взглянул на Алешу.

— Вы еще здесь... Что собрались писать, драму или фельетон?

— На что потянет... — Алеша запнулся на секунду и, набравшись решимости, высказал свои соображения. Оленин выбросил сигарету и потянулся за новой.

— Да, вы правы, такая туша не может ходить бесшумно.

И силу рассчитать тоже, а убийца ударил очень аккуратно — то ли боялся, что кровь брызнет, то ли... И потом, алиби Киреева легко проверить: джип — довольно редкая штука, особенно в нашем мегаполисе. Кто-то обязательно должен запомнить.

— А если он приезжал вчера вечером на электричке?

— Проверим, само собой. — Он что-то черкнул в блокнот. — Однако, кроме зыбкого мотива, мы ничего не имеем.

— Зыбкого? — возмутился Алеша.

— Сами же сказали, о том, что он сплавил в дурдом родную бабушку, и так знает вся деревня. А также что Барвихин, главврач, разъезжает по окрестностям на новенькой «Ниве».

Дом бабы Клавды выглядел и впрямь не слишком презентабельно: покосившиеся окошки, давно не мытые, черные от времени бревенчатые стены, ушедшее в землю крылечко и подгнивший сарай посреди огорода с самодельной теплицей. По огороду важно расхаживали пестрые куры и огромный пестрый петух. Алеша невольно восхитился его внешностью: перья отливали всеми оттенками меди, латуни и червонного золота из древних пиратских кладов. Хвост напоминал алый плюмаж рыцарского шлема, а крылья обрамляла роскошная бархатно-траурная кайма.

Алеша с трудом оторвал взгляд от красавца, посмотрел вокруг и тут же заметил странную деталь: у дальнего правого угла дома виднелись контуры большой ямы — словно кто-то незнамо зачем подрывал фундамент. Потом яму спешно засыпали, но — прошли дожди, и земля осела...

— Клад искали? — светски полюбопытствовал он, увидев молодую женщину возле крыльца.

Женщина была ослепительна: этакая худущая и грациозная египетская кошка, стриженная по последней моде, с великолепными высокими скулами, длинными черными ресницами, на которые она не пожалела целого тюбика туши «Мэйбелин», длинной шеей и длинными стройными ногами, вбитыми в узкие провоцирующие джинсы, подчеркивающие упругость молодых ягодиц. Завершали облик тонкая

золотая цепочка на острых ключицах, свободная маечка с иноземной надписью и босоножки на высоком каблуке. Сощурившись, уперев руки в бока и сложив бантиком губы в перламутровой помаде, она лениво разглядывала Алешу.

— Ступай, мальчик, я убогим не подаю.

— Ну и зря, — пожал он плечами. — Благотворительность нынче в моде. Это ваш шикарный джип посреди дорожки?

— А что, он мешает проехать вашей «Тойоте»?

— «Линкольну». Вообще-то я корреспондент из газеты, и мне уже двадцать два.

Девушка зевнула.

— И что тебе нужно?

— Вы знаете, что ваша соседка убита вчера вечером?

— Наслышана, — равнодушно отозвалась «кошка». — Вся деревня в оргазме: такое событие... Кстати, ты не видел моего Вовочку?

— Капитан берет его отпечатки пальцев.

— Какие отпечатки? — удивилась она. — Мы приехали только сегодня утром.

— А яму когда закопали?

— В понедельник... Эй, ты что, шпионишь?

— Мне нужно только поговорить, — твердо сказал Алеша, дивясь собственной смелости, и со значением добавил: — Пока на вашего Вовочку не надели наручники.

— О Господи! Да о чем?

— Об убийстве. И о бабе Клаве, естественно.

Она наморщила гладкий лобик, изображая некий мыслительный процесс, потом, спустя, наверное, минуту, осторожно изрекла:

— Ладно, проходи.

Несмотря на ясный полдень, в доме было почти темно, словно в обители Бабы Яги. Алеша едва не ударился головой о притолоку. Бизнесменова супруга, напротив, двигалась легко и уверенно: видимо, успела освоиться.

На обшарпанном деревянном столе лежала закуска в пластмассовых тарелочках и стояла початая бутылка коньяка. Верочка лихо опрокинула в себя полстакана, ногтем подцепила ломтик ветчины и сказала:

— Да она же дурочка, все знают. Оттрубить сорок лет на ферме — у кого угодно крыша поедет. А Вовочка перед ней разве что танец с саблями не исполнял: и продукты возил, и телевизор подарил почти новый...

Алеша, слегка привыкнув к полумраку, обошел телевизор вокруг и с сомнением поджал губы. Черно-белый «Рекорд», густо покрытый пылью, смиренно стоял на тумбочке. Судя по виду, он был украден с ближайшей свалки радиоактивных отходов.

— Знаешь, что она смотрела? Никогда не догадаешься.

— Мексиканские сериалы? — наугад спросил Алеша, вспомнив пристрастия своей мамы.

— А вот и нет! — Верочка торжествующе посмотрела на собеседника и с хрустом смяла крабовую палочку. — Она обожала рекламные ролики! Другого ничего не признавала. Особенно этот, про банк «Империял».

И, сдвинув брови, продекламировала:

— «Войско Александра одерживало победу за победой, но, отягощенное богатой добычей, не могло двигаться дальше. И тогда повелел Македонский собрать все сокровища и сжечь в огне. И пошли они дальше, и покорились им и Персия, и Бакта, и Индия...» Тьфу, уж и сама выучила наизусть.

— Странное пристрастие, — вынужден был признать Алеша. — Почему же так?

— А она, видишь ли, вообразила себя его внучкой. Тычет грязным пальцем в экран: вон, мол, мой дед.

— И после этого вы отправили бабу Клаву...

— А что еще прикажешь? Оставлять ее на воле? Сегодня она внучка, завтра — сама Македонский, этак возьмет садовые ножницы и пойдет по деревне врагов кромсать.

— И что, уже были прецеденты?

— Пре чего? — не поняла Верочка.

— Ну, она уже бегала с садовыми ножницами?

— Не знаю, — она смутилась. — Это тебе Вовочка лучше скажет.

Она уселась рядом с Алешей на продавленную кровать и закинула ногу на ногу, демонстрируя неплохие бедра.

— Язык у людей — что помело. Это ж надо такое выду-

мать: якобы мы нарочно сдали бабу в психушку, чтобы завладеть ее домом! Тьфу! — Верочка грациозно изогнулась и экспансивно шарахнула кулачком по бревенчатой стене. Сверху посыпалась труха. — Эта избушка на курьих ножках! Этот нужник средь русских полей! — Она вдруг поникла и заметила с долей эмигрантской тоски в голосе: — Хотя, я ведь выросла в таком нужнике.

— То есть?

— Ну, не в этом конкретно, а в похожем. Село Нижние Сволочи — не приходилось бывать? Вообще-то их двое, Сволочей: Верхние и Нижние (Алеша живо представил себе карту области, что висела у него дома над столом: точно, есть такие, он еще потешался над названием). С пятнадцати лет на ферме, матери помогала за коровами ходить. А как мне шестнадцать стукнуло, местные «бравые парубки» увели меня в сарай и решили вые... Ну, это самое. Еле убежала. А утром села в электричку — и в город. Тут меня Вовик и подцепил. Пожалел, наверное.

— Понятно, — кивнул Алеша. — А теперь, значит, ностальгия замучила? Решили перебраться поближе к корням? Верочка театрально уронила руки на колени.

— Ну, типа того, — и уточнила: — Реально по жизни. Уж как Вовик упрасивал бабу этот дом продать — та ни в какую. Да ты бы видел, что она вытворяла! А сколько Барвихин из нас «бабок» выкачал!

— Он и «Ниву» купил на эти «бабки»? — осторожно спросил Алеша.

— А то! Он бы, лысый козел, Вовика и на «мерс» раскрутил, кабы...

— Ты чего мелешь, дура?

Входная дверь хлопнула, приснопамятный бизнесмен возник на пороге, разъяренный, как буйвол.

— Вот уж у кого язык без костей... Нашла с кем откровенничать!

— Вовик, милый, — Верочка резво вскочила, и на всякий случай загородилась от любимого мужа стулом. — Это журналист из газеты, он...

— Журналист?! Да это мент!

— Какой мент? — удивилась она.

— Поганий, — пояснил Вовочка. — Они вдвоем с капитаном только сейчас меня допрашивали... Ну, я с ним разберусь, с уродом...

— Что за шум, а драки нет? — Оленин, появившийся, словно японский ниндзя, непонятно откуда, вроде бы не сильно, шутя, толкнул бизнесмена плечом, да так неудачно, что тот ласточкой отлетел к стенке и там затих. В руке капитана возник молоток на длинной рукоятке, упакованный в полиэтиленовый пакет. — Гражданин Киреев, вы узнаете данный предмет?

Владимир хмуро поднял очи.

— Ну, вроде... Таких молотков, поди, сотни.

— Должен сообщить, что на рабочей части, вот здесь, были обнаружены следы крови, а тут, на рукояти, — отпечатки пальцев, сходные с вашими. Официальное заключение будет готово завтра, а пока я вынужден вас задержать.

Бизнесмен, против ожидания, нисколько не испугался — наоборот, завозился у стены, поднялся во весь немалый рост, задрал подбородок и процедил:

— Так, я звоню адвокату. Без него я тебе, ментяра, и слова не скажу. А дружинника твоего я прибью, как только выйду, помяни мое слово. Ишь, выдумал, приставать к чужим женам...

— Вовик, он меня пальцем не тронул, — прорыдала Верочка и судорожным залпом выпила стакан коньяка — будто чистую родниковую воду.

3

— Адвокат должен прибыть сегодня после обеда. Уже и телефон оборвал, — грустно сообщил Сергей Сергеевич. — Киреева придется отпустить: в общем-то, он прав — молоток валялся в незапертом сарае, любой мог прийти и взять.

— А как же мотив?

— И мотив выглядит хлипко. Доказать, что психиатр получил взятку, невозможно, а купить машину — это не преступление. Да и не верится мне, чтобы бизнесмен отдал но-

венькую «Ниву» за бабкину избушку. На что она ему? Разве что на дрова...

— А затем они яму копали? — с жаром возразил Алеша.

— Думаете, искали клад? — капитан усмехнулся. — Воображение у вас, однако.

— Надо же проверить! Пусть пришлют саперов с металлоискателем...

— ...Интерпол и команду «Альфа». — Оленин легко поднялся из-за стола. — Короче, путь у нас один, товарищ корреспондент: нанести визит доктору Барвихину.

Алеша поежился. Мысль о культпоходе к настоящим сумасшедшим (виденным до этого лишь в «Полете над гнездом кукушки») отнюдь не казалась привлекательной.

Место выглядело совсем не зловеще, даже красиво: высокие корабельные сосны — красные стволы и зеленые пушистые кроны в вышине, на голубом фоне, песчаные дорожки и ровный изумрудный газон перед главным корпусом вызвали ассоциацию скорее с привилегированным санаторием. Впечатление портили лишь бетонный забор по периметру с колючей проволокой наверху и невнятные крики — женщина ужасного вида со спутанными седыми волосами появилась в окне, но ее быстро оттащили дюжие санитары.

Вдоль забора важно, точно бабыклавин петух Фредди Крюгер, прохаживался толстенький седой мужчина с красным лицом и в розовом бумазейном халате.

— Дорогие россияне, — вещал он в пространство зычным хорошо узнаваемым голосом. — Наша страна вступает, понимаешь, в переломный момент, когда все мы, независимо от национальной принадлежности, вероисповедания и клинического диагноза, обязаны консолидироваться и сказать решительное «Нет!» безработице, преступности и беспределу, который учиняют санитары и вспомогательный персонал вверенной нам лечебницы. Я твердо обещаю вам, дорогие россияне, что уже в следующем, понимаешь, столетии...

На него традиционно не обращали внимания: даже могучий охранник с дебелым лицом, поигрывая резиновой дубинкой, равнодушно сплюнув, прошествовал мимо. Тихо-помешанные (легкие, даже воздушные, точно мотыльки на

заре, разноцветные пижамы и халаты) чинно прогуливались вокруг, резвились, валялись на травке и играли в «пристенки» на щелбаны.

— Ну, — весело сказал капитан. — Вперед, к тигру в пасть?

Алеша судорожно кивнул, стараясь унять дрожь.

За столом дежурной его ждал сюрприз. Златокудрая девушка, его недавняя спутница, сидела на стуле и, подперев кулачком голову, читала книжку в яркой обложке. На этот раз Наташа была в милом белом халатике и белой шапочке, из-под которой выбивалась непослушная прядь. Алеша улыбнулся от радости, подошел сзади и, заглянув в книгу, спросил:

— Так какая же сволочь убила Лору Палмер?

Она опять не удивилась.

— Грешат на отца, но мне что-то не верится... Знаете, я так и думала, что мы встретимся снова. Что вас привело?

— Беда, Наташенька, — сказал он.

И неожиданно для себя поверил ей все, всю историю, начиная с того момента, как взял в руки конверт с письмом — простеньким листком, вырванным из ученической тетради в клеточку.

...Она выслушала молча, лишь прекрасные зеленые глаза вдруг потухли, будто их кто-то выключил.

— Ольга Григорьевна, — прошептала она. — Никогда бы не подумала...

— Она вас учила?

— Она всех учила. И никогда не ругала нас, а мы, бывало, хулиганили, не без этого. Даже с уроков удирали. А в шестом классе я заболела воспалением легких, лежала в городской больнице. Ольга Григорьевна навещала меня почти каждый день... А убийцу нашли?

— Нашли, но... — он запнулся. — Словом, есть некоторые невыясненные моменты. Нужно поговорить с Клавдией Никаноровной.

— С бабой Клавой? — Наташа изумилась. — При чем здесь она? Тихая безобидная старушка. По-моему, очень несчастная.

— Вот и мне хотелось бы знать, при чем здесь она, — за-

думчиво произнес Алеша, нехотая вспомнив засыпанную яму возле старого дома. И откровенный испуг в глазах Верочки, когда он спросил в шутку: «Клад ищете?»

— Дуганина? — Главный психиатр снял очки, протер их и снова водрузил на нос. — Есть такая. Диагноз — прогрессирующая шизофрения и маниакально-депрессивный психоз в острой форме. Возможно — старческое слабоумие, что в ее возрасте неудивительно. Чем она заинтересовала органы, позвольте спросить?

У него был бритый череп исключительно благородной формы (медсестры млеют, поди), хищный профиль птеродактиля и золотая коронка на переднем зубе. Белый халат, демократичные джинсы и ботинки «Nagel» за 150 долларов. Наверное, все как одна партнерши по сексу просят его не снимать этих ботинок во время экстремального траха на кушетке в процедурной...

— С ней можно поговорить?

— Исключено. Она под воздействием успокоительного. Приступ только-только удалось купировать, а тут вы с разговорами об убийстве...

— Но убита ее соседка.

— И что с того? Она у нас уже две недели, это стопроцентное алиби.

— Да разве ее кто-нибудь обвиняет?

Оленин поджал губы, прошел по кабинету и сел на стул, напротив доктора. Алеша примостился в уголке.

— Расскажите о ней поподробнее. Только без латинских терминов.

— Без терминов... — Барвихин степенно сложил руки на животе. — Доставили родственники, кажется, внук с супругой. Состояние было плохое: крики, слезы, подозрение на всемирный заговор против нее и так далее. Вкололи нитразепам в щадящей дозе, на следующий день наступила относительная регрессия.

— То есть?

— Головой о стенку не билась, если вы это имеете в виду.

— На что-нибудь жалуется?

— Нет, только требует телевизор в палату. Хочет посмотреть на своего деда, полководца Александра Македонского. Надо думать, воображает себя его внучкой. Кстати, не самый выдающийся случай. Маниакальные идеи, если брать их за какой-то конкретный период, часто повторяются: фантазии у наших больных... гм, не отличаются разнообразием. Было время, когда в каждой палате лежало по Наполеону (один лежит и сейчас — агроном из соседнего АО. Его часто навещает жена, он упорно зовет ее Жозефиной). Теперь потоком пошли Ельцины и Жириновские. Масса народу сдвинулась на почве рекламы: в двенадцатой палате лежат сразу три Лени Голубковых (помните, небось, такой персонаж?), в пятой — два белых Чау-чау, ну, те, которые на эмблеме концерна «Тибет». А уж гигиенические прокладки рекламируют вообще через одного — не дурдом, а канал ОРТ, ей-богу.

— Как она себя чувствует вообще?

Психиатр замолк, разом оборвав лекцию, и пожал плечами.

— Вы о Дуганиной? Особых отклонений от нормы нет. Передвигается довольно шустро... Психически больные люди сплошь и рядом отличаются отменным физическим здоровьем.

— Скажите, — подал голос Алеша, — она не упоминала о каких-нибудь принадлежащих ей ценностях? Например, будто под ее домом зарыт клад?

Барвихин рассмеялся.

— Нет, о кладе разговора не было.

— Вы не получали от ее родственников никакой... гм... материальной компенсации?

Психиатр хлопнул ладонью по столу.

— Нет, вы меня достали. О чем речь? О машине, про которую судачит вся деревня? Да, некоторую сумму клиника получила: внук подкинул от щедрот своих. Мы всегда горячо приветствуем спонсорскую помощь. А что, надо было гордо отказаться? А больных, простите, чем кормить? Психи тоже хотят жрать три раза в день.

— Хорошо, это мы проверим. Так когда можно будет поговорить с пациенткой?

— Без понятия, — мстительно сказал доктор. — Загляните месяца через два, посмотрим, что можно будет сделать.

— Через два месяца?! — в один голос вскричали Алеша и Сергей Сергеевич.

— А что вы хотели? Учитывая ее состояние, возраст... Впрочем, извольте: если получите санкцию своего руководства, можете забрать ее хоть сейчас. Только почему-то мне кажется, что руководство вам откажет. — Психиатр приподнялся, давая понять, что высочайшая аудиенция окончена. — А сейчас извините, дел невпроворот.

Они выкатились из кабинета: капитан — сконфуженный, Алеша — дрожащий от ярости.

— Почему вы его не окоротили? — набросился он на Оленина. — Он разговаривал с нами, как со щенятами! А вы...

— А ну, тихо! — вдруг прошипел тот, подкрался к двери кабинета и приложил к ней ухо. — Постой-ка на шухере, парень.

Нехорошая улыбка появилась у него на лице. Алеша и сам вскоре расслышал сквозь дверь, хотя она была толстая, из добротного материала...

Сначала была тишина — Алексей будто воочию увидел, как психиатр в глубокой задумчивости сидит за столом, глядя в пустой угол и со скрипом ворочая мозговыми шестеренками, спрятанными в идеальной формы бритой черепной коробке. Потом послышалась невнятная ругань (Оленин предостерегающе поднял указательный палец), затем характерное шуршание телефонного диска: эскулап набирал номер.

— Это я, — сказал он. — Плохие новости: ко мне приходили из милиции. Капитан из райуправления и с ним какой-то юный придурок... Я не знаю, кто он, журналист или дружинник. Только он задал вопрос, не упоминала ли баба Клава о ценностях, закопанных под домом. Так что делайте выводы. И не советую держать меня за дурачка... Это значит, что мой процент со сделки повышается. Я не сука, я кобель... И материться можешь сколько угодно, я свое слово сказал. Иначе, если я погорю синим пламенем, то не в одиночку. Оревуар.

И бросил трубку, едва не расколов ни в чем не повинный аппарат.

4

Улица, заканчивающаяся у добротного дома-пятистенка за крепким забором без единой щели, привела к старой монастырской стене с воротами, на которых красовалась облезлая вывеска «Автобаза №2». Алексей с Наташей прошли вдоль стены и увидели небольшой базар. Близился вечер, и базар был почти пуст, только в тени, где стена нависала над лужайкой, сидела сонная баба в синем платке. Перед ней на мешковине лежали стеклянные блюда, старые ходики, мясорубка, глиняная собачка и книги: потрепанные «Хождение по мукам», «Поваренная книга» и роман Обручева «Плутония». Томик был потертый, с облезлым золотым орнаментом, в который сверху было вписано название серии: «Библиотека приключений». Алешин папа Павел Игнатьевич души не чаял в таких книжках — знакомых с детства послевоенных изданиях.

— Читала такую? — спросил Алексей.

Наташа покачала головой.

— Я у Обручева знаю только «Землю Санникова». Лучше всякой Лоры Палмер... Хочешь купить?

— Отцу в подарок, — пробормотал он, расплачиваясь. — Идем дальше?

— А куда?

— Куда получится. Так ведь интереснее, верно?

Они шли рядышком по тропинке вдоль тихой речушки с темной водой, ласковой в предвечерних сумерках. Наташа снова была в давнишнем сарафане. Алеша, действуя по канонам классики, накинул ей на плечи свою ветровку. Девушка благодарно улыбнулась: с реки тянуло прохладой.

— Вот так, — сказал он. — Я уверен: бабу Клаву держат в лечебнице незаконно, за что Киреев дал врачу крупную взятку. Нас к ней не пустили, иначе мы бы поняли, что «больная» она такая же, как мы с тобой.

Она горестно покачала головой:

— Неужели все это из-за дома?

— Не знаю. Мне кажется, непростой это дом.

— Думаешь, там и вправду клад? — она слегка улыбнулась. — Выдумщик ты, Алешенька. Так бывает только в романах.

— Но зачем-то Владимир копал под дальним углом, — возразил он. — Уж его легковверным никак не назовешь. Словом, мне необходимо поговорить с бабой Клавой. Любым способом, — он испытующе посмотрел на нее. — Сможешь помочь?

Она поехала, будто от холода. И вдруг прижалась к нему, словно в поисках защиты.

— Я боюсь за тебя. Зачем ты в это ввязался, а?

— Не знаю, — честно сказал он. — Только отступить все равно поздно. Да и не хочется.

Он помолчал и тихо рассмеялся.

— Вот уж не думал, что когда-нибудь придется заняться кладоискательством. Хотя, кажется, свой главный клад я уже нашел.

Он хотел сказать это шутливо, а получилось серьезно. И она поняла: встала на цыпочки, притянула Алешу к себе и легко поцеловала в щеку, заставив моментально покраснеть, как давеча в электричке, и блаженно замереть на месте...

— Алло, папа?

На том конце заскреблись электрические шорохи.

— Вам кого?

— Суркова Павла Игнатьевича... Пап, это я, не узнал?

— А, блудный сын. Как там твоя склочница, которая любит писать письма?

— Темная история, — не стал скрывать правду Алеша. — Наверное, мне придется задержаться дня на два или на три.

— А где будешь ночевать?

— Обещал приютить один хороший человек.

— Ты звонишь от него?

— Нет, из милиции.

— Тебя арестовали? — всполошился родитель.

— Вот еще. Просто тот человек — милиционер. Пап, я здесь встретил девушку...

— Поздравляю. Надеюсь, перед свадьбой заглянешь к старикам?

— Я вас познакомлю. Ее зовут Наташа, она работает медсестрой в психиатрической клинике.

— А, ну тогда я за всех нас спокоен. В случае чего помощь подоспеет вовремя. — Родитель сделал паузу и уже совсем другим тоном добавил: — Если задержишься, звони почаще. Мы с матерью волнуемся.

— Ладно, — тепло откликнулся Алеша. — Буду звонить и докладывать.

Они сидели в помещении районного управления. Сергей Сергеевич с удовольствием и даже некоторой гордостью продемонстрировал свой кабинет (небольшой, зато отдельный), снабженный двумя телефонами — местным и городским, переговорным устройством, темно-зеленым сейфом и огромным красным огнетушителем. Рядом с огнетушителем на стене висели треугольный выпел и почетная грамота «За отличие в охране общественного порядка».

Попили чай с бубликами и вкуснейшим вишневым вареньем. Потом Сергей Сергеевич потянулся до хруста в костях и хлопнул юношу по плечу.

— Ну что, поехали, покажу тебе свой дворец.

— Не надо, — смущенно сказал Алексей. — Лучше скажите адрес, я доберусь сам... Попозже.

Капитан взглянул с некоторой грустью.

— Эх, молодо-зелено. Увезешь из села последнюю красивую девку. У нас и так молодежи не осталось, одни старики да старухи.

Алеша счастливо улыбнулся. И подумал: «А что? И увезу. Подальше от того лысого хмыря в белом халате».

Это была самая обыкновенная дыра в заборе. Судя по проложенной тут тропинке, о дыре знали все, кроме тех, кому положено по долгу службы. Через нее больные выбирались с охраняемой территории, дабы вкусить воздух свободы. Впрочем, дисциплина среди параноиков и шизофреников поддерживалась строгая: никто надолго не отлучался — так, добежать до родной деревни, навестить родственников

и знакомых, и — назад, до обхода. Иначе дыру быстро бы законопатили. Алеша был здесь второй раз в жизни и впервые — ночью, поэтому чувствовал себя немного не в своей тарелке. Сосны шумели над головой, а ему казалось, что он слышит вопли сумасшедших, клацанье затворов у охраны и вой служебных овчарок, натасканных на человека...

Наташа появилась точно в назначенное время (час Крысы: стража в замке Сегуна уснула, и коварные ниндзя бесшумно переплывают ров с водой). Она тихонько вышла из мрака — в темных брючках и темной водолазке, с заколотыми волосами, лишь одна прядь — та самая, непослушная, — все равно своенравно спускалась вниз по щеке.

— Ты готов? — прошептала она.

— А? — вздрогнул Алеша, засмотревшийся на девушку. — Всегда готов.

— Тогда пошли.

Она скользнула в проем, Алеша, чуть замешкавшись, — следом. Знакомая песчаная дорожка, поворот, еще поворот, скрипучая дверь главного корпуса, каменная лестница... Он не запомнил дороги: все его помыслы были направлены на то, чтобы не оступиться в темноте и не загрéметь. Мимо стола с включенной лампой, под гордой табличкой «Пост №1» они пробирались едва ли не ползком.

— А я думал, ты сегодня дежуришь, — прошептал Алеша.

— Нет, сейчас Валина очередь, это моя подружка. Наверное, спит в дежурке, как обычно.

Снова бесконечный коридор в полосах лунного света, и закрытые двери палат с маленькими окошечками, будто в тюрьме.

— Здесь, — тихо сказала Наташа и завозилась с ключами.

Чертов бизнесмен и тут обманул, обещав родной бабушке отдельную палату. Комната была на четверых: на двух кроватях мирно спали, с третьей — той, что стояла возле зарешеченного окна, — мигом вскочила полная пожилая женщина и, взволнованно поблескивая очками, затараторила:

— Однажды подруга пригласила меня кататься на роликах. «Не могу, — сказала я. — Сегодня у меня критический день». — «А чем ты пользуешься?» — спросила она. «Я поль-

зуюсь прокладками «Олвис» с удлиняющими крылышками и суперслоем». — «Херня все это, милая, — сказала подруга. — Лучшее средство — это матрасная вата Высшего военно-политического училища города Ярославля...» Запомните, девушка: только матрасная вата... — Тут она узрела Алешу, сказала «Пардон» и живо юркнула назад под одеяло.

Баба Клава лежала, свернувшись калачиком, и улыбалась во сне. Алеша почувствовал ком в горле, глядя на лицо в мелких морщинах и руки, похожие на птичьи лапки. Он немного поколебался и несмело потряс спящую за плечо. Та что-то пробормотала, повернулась на спину и вдруг открыла глаза.

— Это я, Клавдия Никаноровна, — проговорила Наташа. — Вы меня узнаете?

Баба Клава улыбнулась.

— Наташенька... Что, пора делать укол?

— Нет, нет, лежите. Баба Клава, я привела с собой одного человека. Он добрый, не бойтесь его.

Старушка перевела взгляд на Алешу и подтвердила:

— Добрый. У него глаза добрые... Вы доктор?

— Нет, — признался Алеша. — Я журналист из газеты.

— Вон оно что... — Она завожилась и села, обхватив себя за худенькие плечи. — А что ж вы ночью-то? Хотя днем ко мне никого не пускают, будто я заразная. Даже на прогулки не водят.

— Клавдия Никаноровна...

Она махнула рукой.

— Зови меня бабой Клавой, это проще. Никаноровна — не сразу и выговоришь. Батюшку моего звали Никанором Митрофановичем, царство ему небесное. Пока молодой был, еще до войны, все золото искал в Сибири, на Ардыбаше.

Они переглянулись.

— Нашел? — хрипло спросил Алеша.

— Золото? Не знаю, милый. Он году в тридцатом подался за границу. Здесь оставаться было опасно: еще чуть-чуть, и попал бы под раскулачивание... Хотя какой из него кулак... Крепкий хозяин был — это да, но ведь все сам, батраков не нанимал... — Она вздохнула. — Приехал сюда, по-

целовал нас с матерью и уехал. Обещал нас вызвать, как устроится. Так и не вызвал... А как ты меня отыскал-то?

— Ваша соседка Ольга Григорьевна написала письмо в редакцию.

Лицо старушки просияло.

— Оленька — хорошая женщина. Жаль, не может меня поведать, а я одна да одна... Даже Володеньку ко мне не пускают. Володенька — это мой внук. Вы ведь знакомы?

— Знакомы.

— Миленький, ты скажи ему, чтобы за меня не волновался. Здесь хорошо: и уход, и кормят три раза, и процедуры...

— А как вы себя чувствуете после них?

— После процедур-то? Плохо. Косточки болят, тошнит, голова идет кругом. Наташенька, может, мне их отменят совсем, а? Помру ведь, а вам неприятности.

— Ладно, баба Клава, — Наташа ободряюще взяла ее за руку. — Скоро вас отпустят домой, я вам обещаю.

— Вот и ладно, — обрадовалась старушка. — А то Володенька мой, поди, истосковался...

— Это точно, — мрачно сказал Алеша, поклявшись себе при первой же встрече набить бизнесмену морду.

И задал главный вопрос, ради которого, собственно, и пробрался сюда:

— Баба Клава, скажите, вы смотрите телевизор?

— Депутатов-то этих? Ну их, врут они все. И говорят непонятно. Володенька мне привез телевизор из города, в подарок. Хороший телевизор, почти новый. Только не заладилось что-то: хрипит, сипит, а экран не показывает.

— Понятно. — Алеша присел на кровати, привинченной к полу, и осторожно спросил: — Баба Клава, кто такой Македонский?

— Македонский? — она явно удивилась.

— Полководец, — подсказал он.

Старушка пожевала бескровными губами.

— Жукова знаю. Рокоссовского, Говорова... Мы ведь в войну ни одной сводки не пропускали. А Македонского... Нет, милый. Ты у Оленьки спроси, она ведь учительница в школе, образованная, не то что я.

— А про клад под своим домом вы когда-нибудь слышали?

— Клад? — Она мелко рассмеялась, будто горох рассыпался по полю. — Откуда у меня клад? Разве что с пенсии. А раньше, в колхозе, вовсе за палочки работали. Трудодни назывались.

— Может, отец или дед вам что-нибудь оставили?

Она покачала головой.

— Отец так и сгинул за границей, а дед погиб в четырнадцатом, под Варной. Немцы отравили газами. У меня в альбоме есть его фотография, я вам покажу, когда домой отпустят.

Яркий свет залил палату — все трое инстинктивно зажмурились, Наташа испуганно вскрикнула, толстуха, что смиренно лежала возле окна, быстрым движением скинула одеяло и провозгласила:

— Только матрасная вата Высшего военно-политического училища города Ярославля!

— Заткнись, — цыкнул на нее красный от злости Барвихин, стоя в дверях и засунув руки в карманы. — Так, — угрожающе проговорил он. — Налицо проникновение на охраняемую территорию, нарушение режима спецбольницы... Вам, молодой человек, — он ткнул пальцем в грудь Алеши, — светят крупные неприятности. Просто огромные неприятности. А вы, леди, с завтрашнего дня уволены. И уж я постараюсь, чтобы ни одна больница, включая ветеринарную службу, не взяла вас на работу. Даже сортиры вычищать.

— Не рановато ли грозиться? — тихо спросил Алеша.

— Что?! — опешил психиатр.

Клокоча от ярости, Алексей поднялся и указал на бабу Клаву.

— Это ваша опасная сумасшедшая? Буйная шизофреничка с маниакальным психозом? Да любая комиссия — любая! — признает ее абсолютно нормальной. А потом (уж это я постараюсь) за вас возьмутся официальные органы. И быстро установят, что вы пичкали стероидами здорового человека, держали его взаперти, как преступника. И получали за это взятки в крупных размерах.

— Ах ты, сучонок, — задохнулся Барвихин.

Алеша приблизился к нему и отчеканил прямо в лицо:

— Твой клоповник прикроют. Самого тебя, возможно, к уголовной ответственности не привлекут (я не специалист по праву), но разговор с Вовочкой Киреевым тебе предстоит тяжелый. Он ведь бизнесмен, акула капитализма, для него главное — прибавочная стоимость. Ты взял его деньги, а доверия не оправдал. Знаешь, что за такое бывает? Пойдем, Наташа. Ничего он тебе не сделает, — он решительно взял ее за руку.

Уже в дверях он обернулся.

— И не дай тебе бог, если с бабой Клавой что-нибудь случится. Из-под земли достану.

Вдоль стен в коридоре стояли два оторопевших санитара: Барвихин, оказывается, вызвал собственную «службу охраны». Лица у них были такие, что невольно закрадывалось подозрение, будто в недавнем прошлом санитары сами были пациентами вверенной им клиники. Алексей с Наташей прошли мимо них, как мимо мебели.

Вчера (вернее, уже сегодня утром — ночь постепенно таяла, до рассвета было еще далеко, но на востоке нежно и несколько смущенно засветилась розовато-серая полоска) Алеша, проводив Наташу до дома, добрался до вотчины капитана Оленина и постучал в дверь.

Дверь открыли тут же — похоже, Сергей Сергеевич ждал гостя.

— Входи, — буркнул он, впрочем, не особенно ласково. — Я тебе на диване постелил, уж извини.

Алеша благодарно улыбнулся в темноте, живо разделся и нырнул под одеяло в прохладном накрахмаленном (ого!) пододеяльнике. Ноги отчетливо гудели, по телу разливалась приятная истома пополам с немим восторгом от всего — от этого удивительного деревенского воздуха с его густыми травяными запахами (Алеша влюбился в них со всем пылом исконно городского жителя), от захватывающего приключения (мелькнула запоздалая мысль: а ведь Барвихин вполне мог пустить своих «секьюрити» по следу, что ему: закон — тайга, медведь — прокурор... Однако все обошлось), а глав-

ное — от встречи с лучшей девушкой на Земле. Да что на Земле, во всей Вселенной...

Никогда ему еще не спалось так сладко. Он проснулся от того, что капитанов кот прыгнул к нему на кровать и замурлыкал, требуя, чтобы его погладили. Кот был знатный: черный (кроме одетых в белые носочки лап и кончика хвоста) и с таинственным взглядом агента внешней разведки. Ярый фанат сериала «Секретные материалы», капитан Оленин нарек своего любимца Малдером. Сам хозяин, ругаясь вполголоса, прятал пистолет в наплечную кобуру. Алеша сел в кровати и спросил:

— Который час?

— Половина восьмого, — почему-то зло ответил Сергей Сергеевич. — Царство божье проспишь. Где гулял всю ночь?

— Да так, осматривал достопримечательности. — Алеша зевнул. — Куда вы собрались в такую рань?

— В дурдом, — не стал скрывать капитан. — Похоже, мне там самое место.

— Что случилось-то? — крикнул Алеша, чувствуя, как по спине ползет липкий холодок.

— Баба Клава исчезла.

— Исчезла?! — Он болезненно поморщился. — Сергей Сергеевич, я разговаривал с ней вчера. Она совершенно нормальна, как мы и предполагали...

— Так... — Оленин круто развернулся к Алексею, который прыгал на одной ножке, пытаясь попасть в штаны. — С кем еще ты говорил? Ну, быстро!

— Еще — с Барвихиным. Он наорал на меня, я ответил... Словом, повздорили. Послушайте, он наверняка испугался и решил спрятать бабу Клаву подальше от посторонних глаз. Надо ехать к нему, немедленно! Пока он не придумал какой-нибудь гадости...

— Уже придумал.

Сказано это было таким тоном, что Алеша побледнел и ошупью опустил на табуретку.

— Что?

— Он убит сегодня утром. В своем кабинете.

— Как убит? — закричал он.

— Господина журналиста интересуют подробности? — Капитан смачно плюнул на чистый пол. — Удар сзади по голове. Тупым предметом.

5

Пока тряслись в оперативном «уазике», все напряженно молчали, и Алеша, на которого никто не смотрел, отчего-то чувствовал себя виноватым.

И сейчас, в знакомых (второй раз виденных) стенах, напоминавших приемную какого-нибудь зажавшегося депутата средней руки (впечатление портили лишь приснопамятные решетки на окнах... Впрочем, несколько не похожие на тюремные — наоборот, красивое и тонкое литье, нежно-бежевая красочка...), его вновь охватила неприятная дрожь: «А ведь это из-за меня... Из-за моих двух непрошенных визитов — совместного с капитаном, в качестве «то ли журналиста, то ли дружинника», и ночного, который мог закончиться для меня плачевно... Если неизвестный мне злодей захотел избавиться от назойливого и бестолкового сыщика. Однако он предпочел избавиться от не слишком надежного сообщника...»

Дикое ощущение дежа вю возникло, едва они переступили порог кабинета, — чувство, что они уже наблюдали нечто подобное... даже не подобное, а точно повторяющее картину сегодняшнюю. Широкий письменный стол (правда, без клеенки и «лицом» к двери), кипа бумаг, разбитые очки и опрокинутый стаканчик с карандашами...

Артур Львович Барвихин умер в точности так же, как и Ольга Григорьевна: сидя за столом, уронив голову на скрещенные руки. Аккуратно пробитый затылок и — совсем немножко крови на разложенных бумагах, так и не дождавшихся подписи. Молоток валялся на полу, под ножкой стула. Медэксперт, осматривавший тело, начал что-то говорить, капитан лишь махнул рукой: заткнись, мол, и без тебя тошно. Он обошел вокруг тела, приблизился к Алексею и сказал без всякого выражения:

— Знаете, юноша, у меня просто руки чешутся вас арестовать.

— Почему? — растерянно спросил тот.

— Потому что во всей этой истории вы не нравитесь мне больше всех. — И вдруг заорал так, что все в комнате обернулись с некоторым испугом: — Ты здесь только второй день, мать твою, а у меня на руках уже два трупа, а может, и три (неизвестно, жива ли баба Клава). И где? *В моей родной Знаменке*, мать ее, где самым страшным бандитом во все времена был Семка-тракторист, который регулярно ломал плетень у бабки Салтычихи. Он, как напьется, все шастает к себе домой через ее огород: срезает угол, понимаешь...

Он сел на стол, нимало не смущаясь соседством с покойником, и жалобно добавил:

— Ну, не Шерлок Холмс я, что поделаешь. Опыта в таких делах у меня — кот наплакал. Глупо все, нелепо... Я понимаю, что этот Айболит замазан по самые уши, но мотив для его убийства... Самый реальный подозреваемый, Владимир Киреев, по идее, должен был с него пылинки сдуть, как с молодой любовницы, а других кандидатов я не вижу.

— Киреев? — удивился Алеша. — Разве он не в камере?

— Отпустили. Сегодня, в десять утра. Прикатил адвокат на собственном «Вольво» с шофером, Плевако хренов, привез тонну устрашающих бумаг... Оказалось, сам же все изгадил: теперь у внука нет алиби. Впрочем, нет также ни улики, ни мотива. Молоток взят из здешней подсобки, рукоятка протерта вон той шторой — там еще следы остались. Как полагаешь, не могла все это учинить сама баба Клава? — неожиданно спросил он.

— Сергей Сергеевич, — укоризненно сказал Алеша. Тот вздохнул.

— Да знаю, знаю. Как она очутилась в кабинете, как смогла подойти сзади так, что Айболит даже головы не повернул... Как кто-то *вообще* сумел подойти к нему со спины и это выглядело естественным?

— Ну, например... — бодро начал Алеша и запнулся.

— Вот именно. Представь: ты сидишь за столом. Сзади тебя только глухая стена, — капитан для наглядности стук-

нул по ней кулаком. — Вдруг входит некто, огибает тебя, встает сзади... Что ты сделаешь?

— Обернись, — пробормотал журналист. — Черт возьми, Сергей Сергеевич...

— Так-то, — Оленин сник. — Масса этих самых «как» да «почему»... Силин! — крикнул он в глубину коридора. — Давай сюда дежурных санитаров!

...Алеша моментально узнал их, едва они переступили порог, — словно и не расставались с ночи. Два брата-акробата, два упыря-тяжеловеса с одинаковыми одутловатыми бабьими лицами и расплывшимися фигурами, — те самые, которых покойный психиатр вызвал к палате бабы Клавы на «охраняемой территории», чтобы начистить морду надоедливому журналисту. Звались они кондовыми русскими именами Илья и Никита. У того, что стоял справа, Алеша разглядел крошечную татуировку — точку над серединой брови. Ее обладатель, надо думать, имел в недалеком прошлом сногшибательный успех среди уголовной братвы.

— Охраннички, мать вашу, — процедил сквозь зубы Сергей Сергеевич. — Не уберегли босса?

— Дык кто же знал-то? — буркнул один, глядя в пол, точно провинившийся школьник в кабинете директора.

— Он сам велел, — подтвердил второй, глядя в потолок. — Позвонил на пост, спросил, мол, тачка на ходу?

— Тачка?

— Ну, машина «Скорой помощи». Я говорю: на ходу. Тогда, мол, захвати своего приятеля и бегом ко мне в кабинет.

— В котором часу это было?

— Утром, часов в шесть. Я еще подумал, чего это он спозаранок...

— Дальше.

Упыри переглянулись.

— Все. Мы постучались, вошли — шеф мертвый, рядом молоток. Я говорю Илюхе: побегу в ментовку, а ты стереги труп. А он говорит, сам стереги, я жмуриков боюсь. И вообще, можно позвонить прямо отсюда...

— Мудаки, — пробормотал капитан. — В кабинете что-нибудь трогали?

— Телефон...

— А еще? Молоток, например?

— Нет, — возмутился один.

— Мы ж с понятием, не сявки, — подтвердил второй.

— А тело?

215

— Нет. Илюха подошел сзади, посмотрел на затылок — все, говорит, амбец. Я ему говорю, побегу, мол, в ментовку, а ты стереги труп. А он...

— Это я уже слышал, — вздохнул Оленин и вдруг рявкнул, грохнув кулаком по столу: — Куда увезли бабу Клаву, сукины дети? Ну, быстро! Самый сообразительный пойдет «паровозом», ну а тот, кто опоздает, — главарем и организатором. Считаю до трех...

Санитары недоуменно переглянулись, потом разом занунили:

— Да вы что, гражданин начальник? Какая баба Клава? Никого мы никауда...

— Не врать!

— Падлами будем!

Алеша, праздно теребивший край казенной занавески, мазнул взглядом по «секьюрити» и с неудовольствием подумал: похоже, не врут. На мордах — ничего, кроме тупой растерянности и испуга, такое сыграть им явно не по силам...

— Барвихин вызвал вас к себе в кабинет, — гнул свое капитан, — и приказал вывезти из больницы пациентку из девятой палаты, Дуганину Клавдию Никаноровну. Вы вывели ее через служебный вход, минуя пост медсестры, погрузили в «Скорую помощь»...

— Да не было этого!!! Мы же говорили: вошли, а шеф мертвый... И тачка не работала: Вадька-шофер, сука, спяну тормозную жидкость вылил на землю. Доехали бы до первого столба...

— Ладно, — вздохнул Сергей Сергеевич, разочарованный, как и Алеша. — Проверим. Но имейте в виду: пока вы двое — основные подозреваемые.

В их взглядах появилась подозрительность: они разом нахмурили брови и шмыгнули носами.

— Что значит «подозреваемые»? В чем это нас подозревают?

— Как — в чем? То, что вы не получали никакого распоряжения относительно бабы Клавы, известно только с ваших слов. Как и то, что вы обнаружили главврача уже мертвым. На деле кто-то из вас (или оба) мог войти, предварительно украв в подсобке молоток, подкрасться сзади...

Верховодил в их дуэте явно Никита, как обладающий более высоким ай-кью. Именно он, поразмыслив, покачал головой и вдруг выдал свежую мысль:

— Пургу гонишь, гражданин начальник. Ни я, ни Илюха сзади стола не пролезли бы. Комплекция не та.

— Почему? — удивился Сергей Сергеевич. — Там полно места.

— Так то сейчас, когда мы шкаф передвинули.

— Какой шкаф?

— С историями болезней, — он показал на полированную этажерку, стоявшую у противоположной стены. — Раньше-то он за спиной у шефа был. А когда Илья захотел осмотреть рану на затылке, пришлось отодвинуть.

В комнате вдруг повисла густая тишина. Алеша взглянул на капитана — затылок у того неожиданно напрягся, словно у фокстерьера, почуявшего лисицу.

Он медленно поднялся, обогнул стол, подошел к шкафу с историями болезней, задумчиво провел пальцем по корешкам, стряхивая пыль. Какая-то мысль родилась у него в голове... Алеша недоуменно проводил его взглядом — и вдруг словно некая электрическая цепь замкнулась в мозгу. *Он понял. А поняв, прошептал:*

— Нет, Сергей Сергеевич. Нет, пожалуйста!

— А как еще убийца мог *мотивированно* подойти сзади? — так же тихо проговорил капитан. — Вот тебе ответ: чтобы якобы взять историю болезни из шкафчика. Иначе говоря, *медсестра*.

— Нет...

— Ты вроде упоминал, будто Айболит угрожал Наташе увольнением?

Ее допрашивали уже сорок минут. И все сорок минут Алеша ходил из угла в угол, как тигр в клетке, изнывая перед наглухо запертой дверью в маленький казенный кабинет с решетками на окнах. Там, в кабинете начальника райотдела, находились двое: Наташа и капитан Оленин. Этого не может быть, твердил юноша, как заклинание. Этого не может быть, не может быть...

Наконец экзекуция закончилась. Появилась Наташа: совершенно чужое лицо, отрешенное, в незнакомых морщинах, потухшие глаза неопределенного цвета... Алеша подскочил к ней, хотел обнять... Она остановилась и медленно произнесла:

— Я думала, что отправлюсь отсюда прямо в камеру. Но с меня только взяли подписку о невыезде.

— Наташенька, милая...

— Ты тоже считаешь меня убийцей? — спросила девушка и ушла, прежде чем он успел сказать что-то в ответ.

Зато уж на Оленина, вышедшего следом, Алеша набросился со всем юным пылом.

— Как вы с ней разговаривали, черт возьми! Здесь что, гестапо? Или Наташа теперь — единственная подозреваемая? Сколько в этой клинике медсестер? А санитаров, а нянечек?

— Санитары и нянечки не имеют доступа к историям болезней, — устало произнес Сергей Сергеевич. — Дежурную сестру Валентину Коробову мы уже допросили (правда, больше для проформы). А Наташа... Как бы я к ней ни относился — ты прав, она единственная, кто втянут... Точнее, кого *ты втянул* в эту историю. Если бы тебе не втемяшилось проникнуть ночью на территорию лечебницы (кстати, это уголовно наказуемо)...

— Зато я узнал нечто важное, — вспомнил Алеша.

...Капитан выслушал новости, склонив голову набок и оттого живо напоминая большую мудрую собаку. Потом проникновенно сказал:

— Знал бы я, сколько от тебя будет головной боли, самолично пустил бы под откос электричку, на которой ты приехал. Получается, клад под домом вполне мог иметь место: батюшка незабвенной бабы Клавы намыл его на Ар-

дыбаше и спрятал здесь, под фундаментом, в один из последних приездов. Хотел вывезти его за границу, но — не судьба... Как же внук с невесткой пронюхали?

— Может, сама Клавдия Никаноровна проболталась? — пробормотал Алеша и заговорил сбивчиво, словно под гипнозом: — Но на кой черт красть ее из лечебницы? Не пойму, не пойму, не складывается...

Оленин махнул рукой.

— Не стоит усложнять, юноша. Прижмем этих сиамских близнецов посильнее — наверняка все выложат и про убийство психиатра, и про похищение бабы Клавы... Только бы не опоздать: вдруг она еще жива...

Неким могильным холодком повеяло от этих слов (Алеша невольно поежился). Представилась несчастная старушка — сухое скрюченное тельце в сыром темном овраге, скрытое ломким хворостом и сосновыми лапами... А ну брось, сердито приказал он самому себе. Не смей хоронить человека раньше смерти.

— Все равно: зачем им убивать Барвихина? А если убили действительно они (предположим, узнали о кладе под домом и решили убрать конкурента... да мало ли), то зачем упомянули о машине «Скорой помощи» — за язык-то никто не тянул... А главное: почему Айболит ждал так долго? — Алексей вскочил и в волнении забежал по кабинету. — Ну, допустим, испугался моего ночного визита (я пригрозил ему... Хотя, чем серьезным я мог пригрозить? Доказательств все равно никаких), допустим, приказал своим упырям срочно избавиться от свидетельницы — *почему он сделал это только в шесть утра?* Почему не отдал приказ сразу, ночью, чего он ждал?

— И чего же? — с интересом спросил Оленин.

— Я думаю, телефонного звонка, — серьезно ответил Алеша. — Как и в тот, первый раз (мы еще подслушивали под дверь), он попал в трудную ситуацию, решил посоветоваться, получить инструкции...

— Он говорил не с бизнесменом, — заметил Сергей Сергеевич. — Тот в это время сидел в камере.

— А его мобильник?

— Лежал в сейфе у дежурного — мы конфисковали его при задержании. — Капитан усмехнулся уголком рта и посмотрел на собеседника недоверчиво, но с определенным уважением. — Ты всерьез полагаешь, что за ними — бизнесменом с супругой и психиатром — стоит кто-то еще? Четвертый? Главарь?

Алеша с размаха плюхнулся на табурет и с отчаянием сжал ладонями виски.

— Верочка на главаря не тянет — мозги не те. Наташа... Ерунда какая! — он рассердился. — Сергей Сергеевич, нужно немедленно вызвать саперов из области! Если клад под домом действительно существует...

— Честно говоря, меня сейчас больше всяких кладов волнует судьба Клавдии Никаноровны, — признался Оленин, и Алеше вдруг стало стыдно: он совсем забыл о ней за последними событиями.

С утра в ее поисках были задействованы силы, находившиеся в подчинении капитана. К вечеру к ним присоединилась мало не вся деревня — за исключением вовсе уж немощных и, как ни странно, любящего внука с супругой, которые с наступлением сумерек вооружились лопатами и опять занялись кладоискательством на своем участке.

Несколько раз Алеша нарочно прохаживался мимо их забора, где меж двух старых яблонь сушились Верочкины пляжные принадлежности: купальник, белая косынка с козырьком, цветастая рубашка (подделка под гавайскую), еще какие-то тряпки... Ты смотри, удивился «сыщик», дамочка-то, оказывается, и стирать умеет, не только коньяк глущить. В конце концов нервы у бизнесмена не выдержали, он выбрался из незавершенной ямы и, взяв лопату наперевес, угрожающе двинулся к калитке.

— Тебе чего надо, мент? Меня уже отпустили, не видишь?

— Я не мент, а журналист. И, между прочим, занят поисками *вашей* ближайшей родственницы.

— Занят поисками? Так здесь ее нет, можешь войти и убедиться, — он рывком распахнул калитку.

Алеша пожал плечами. Раз приглашают, отказываться неудобно.

Горница, как и ожидалось, была пуста, только толстые мухи бились башками в давно не мытое оконное стекло.

— Ну? — презрительно сказал внук. — Посмотрел, и проваливай. Никуда бабка не денется: без денег, без документов, к тому же чокнутая...

— Чокнутая? — зло спросил Алеша, подошел к телевизору и щелкнул выключателем. «Ящик» высокомерно фыркнул, издал звук, схожий с бормотанием унитаза в ночной тиши, и стих. — Говоришь, баба Клава любила смотреть на своего деда Александра Македонского? По *этому телевизору?*

— Ничего не понимаю, — растерянно проговорил бизнесмен. — Работал же до этого...

Он в раздражении стукнул кулаком по корпусу (тот крикнул, но выдержал), а потом, потеряв остатки терпения, изо всех сил шарахнул кроссовкой сорок шестого размера по тумбочке.

Рассохшиеся от времени дверцы с готовностью распахнулись, и на пол, словно людские несчастья из ящика Пандоры, хлынула всякая всячина: сломанный будильник со звонками-чашечками, старая сморщенная кукла без одежды, грязная чашка с пятнами засохшей заварки на дне, какие-то пожелтевшие квитанции о сдаче молока на приемный пункт, две книги в потрепанных обложках, давно потерявших свой изначальный цвет...

Алеша поднял одну.

— «Учебник психиатрии для вузов, — прочитал он. — Первый курс, общая редакция академика Ю. М. Наливайко. Киевнауцкнига, 1970 год». Штамп районной библиотеки. Самообразованием балуетесь на досуге?

— Вот еще, — недовольно рыкнул Киреев. — Свой домашний «лепила» есть, а я буду...

— Вовик, — защелкала Верочка, влетев в сени, словно весенняя ласточка. — Я уже до фундамента докопалась, а там ничего...

— Пошла вон, дура! — заорал Вовик, таращась на слепой экран. — Нет, ну точно работал!

К ночи было обыскано все: каждый дом от чердака до погреба, рощица, два оврага и дачный поселок, обнесённый двумя рядами «колючки». Были опрошены все совхозные водители, автобусные кондукторы и контролеры в электричках. Баба Клава как в воду канула.

Споткнувшись в темноте о пустое ведро, Оленин громко выругался и распахнул дверь своего дома.

— Заходите, гости дорогие.

Наташа и Алексей робко вошли. Красавец Малдер, почуввав свободу, скользнул мимо них в открытую дверь и сгинул без следа, как и положено секретному агенту.

— Сейчас перекусим чем бог послал, — сказал Сергей Сергеевич. — Я консервов купил в магазине.

— Вот еще, — возразила Наташа и по-хозяйски прошла на кухню. — Я сейчас горячего приготовлю, вам силы еще понадобятся.

И опять Алеша невольно улыбнулся, философски подумав: в каждом несчастье есть своя доля счастья. Оленин ножом вскрыл баночку со шпротами и хмуро проговорил:

— Завтра прочедем все еще раз. Бизнесмен прав в одном: баба Клава исчезла в больничной одежде и без копейки. Вряд ли она сумела добраться до города. Нет, я нюхом чую: она где-то здесь, рядом. Вопрос только, живая или...

— Типун вам! — искренне сказал Алеша. — А мы точно проверили все дома в округе?

— Все, кроме одного — где жила покойная Ольга Григорьевна. Но я его осматривал снаружи: окна заперты, дверь опечатана. Не в дымоход же баба Клава влетела. Да и нет там дымохода.

Вошла Наташа, поставила на стол дымящийся чугунок со щами. От чугунка шел такой аромат, что у Алеши закружилась голова. Малдер прыгнул на колени, заурчал и потянулся к консервам.

— Очень уважает шпроты, — пояснил капитан и поставил на пол ополовиненную баночку. — Кис, кис, иди жри, прорва с ушами.

Кот деликатно вытащил оттуда рыбину и уволок в сени,

подальше от возможных конкурентов. Алеша проводил его взглядом и озадаченно спросил:

— Как он здесь оказался? Я же запер дверь за собой.

Оленин пожал плечами.

— Через чердак, наверное. У меня там лестница снаружи!

— Через чердак можно попасть в дом?

Капитан усмехнулся.

— Эх ты, городской человек. Если есть внутренняя лестница — вполне. Некоторые даже устраивают наверху комнаты — нечто вроде мезонина. У меня, правда, ничего такого...

Алеша едва не поперхнулся щами. Он медленно встал из-за стола и направился к двери.

— Я сейчас, — проговорил он и бросился в темноту.

6

В зыбком мерцании луны среди туч деревенская улица утратила свою былую привлекательность и казалась Алеше чем-то вроде зловещих декораций к гоголевскому «Вию». Не светилося ни одного окошка, и взбесившийся вдруг ветер раскачивал такую ласковую и приветливую днем желтую сирень, напоминавшую теперь щупальца жуткого чудовища.

Дом Ольги Григорьевны почему-то вызвал мысль о мавзолее: казалось, он до сих пор хранит ауру умершей хозяйки. Алеша подошел к двери (вот она, печать, цела-целехонька) и забарабанил в нее кулаком.

— Клавдия Никаноровна! Баба Клава, откройте! Это Алеша Сурков, я приходил к вам в больницу, помните?

Тишина, тьма и цикады с их полуночными трелями. Он резво обежал дом вокруг и тут же нашел, что искал: вполне удобная лестница, прислоненная к торцу крыши. Он без колебаний поднялся по ней, отворил дверцу и очутился на чердаке, среди прогнивших досок, каких-то тряпок и бельевых веревок, которыми давно никто не пользовался. Он очень боялся крыс (в его воспаленном воображении они представлялись большими, размером со среднюю собаку). Но крысами здесь и не пахло. Зато в противоположном

конце отыскался откинутый люк. Алеша присел, спустил туда ноги...

И через минуту уже стоял посреди знакомой комнаты, оклеенной голубыми обоями.

— Баба Клава, вы здесь? — тихонько позвал он, ощупью пробрался в сени и щелкнул выключателем. Вспыхнул свет.

Ему пришлось дважды обойти комнатенку по периметру, прежде чем он нашел ее.

Старушка забилась в узенькую щель между стеной и спинкой кровати. При приближении Алеши она вздрогнула (у того отлегло от сердца: жива, слава Богу!) и сделала попытку защитить руками голову.

— Это я, баба Клава, — успокаивающе сказал он и присел перед старушкой на корточки. — Не бойтесь, теперь-то уж вас никто тронуть не посмеет.

Она осторожно взглянула на него и — узнала. И прошептала сквозь слезы:

— Алешенька, внучек... Я уж думала, мне конец. Ты знаешь, они хотели меня убить.

— Говорите, говорите! Кто?

— Не знаю. Утром уже, после вашего ухода... — Она снова задрожала, переживая прошедшие ужасы; и Алеша, успокаивая, обнял сухонькое тельце, закутанное в какое-то старое рваньё, найденное, вероятно, на чердаке. — Я задремала, вдруг мне рот зажали, поволокли куда-то вниз по лестнице — ни вздохнуть, ни крикнуть...

— Они выкрали вас из палаты?

— Да, да... Вытащили во двор, потом забросили в машину, как куль с песком, — я едва успела голову спрятать, иначе бы расшибла о сиденье...

— «Скорая помощь»? — стиснув зубы, спросил Алеша. — Это была «Скорая помощь»?

— Да, белая, с крестом... Они, ироды, уж и мотор завели, главный велел: отвезите, мол, подальше, за трассу, а там...

— Кто? — проговорил Алеша севшим от волнения голосом, всей кожей ощущая близость разгадки. — Вы его разглядели — того, кто приказывал?

Старушка виновато вздохнула.

— Они мне голову к земле пригнули. Я только ботинки и успела рассмотреть.

— Ботинки?

— Большие такие, лаковые, на толстой подошве. У нас в деревне в таких и не ходят.

Один человек ходит; подумал Алеша с усталой ненавистью. Вернее, *ходил* — при жизни он, наверное, обожал дорогую обувь ведущих европейских фирм — «Nagel», к примеру...

— Как же вы спаслись?

— Сама не знаю. Что-то там они не могли поделить. Пока спорили, я выбралась — и бежать. Там недалеко была дыра в заборе... Подумала: где схорониться? Решила к Оленьке — может, не прогонит. Только ее нет второй день, должно быть, к родственникам уехала, в город.

Алеша вздохнул. Бабе Клавде еще не было известно, что ее соседка мертва.

— Куда это Лешенька убежал? — спросила Наташа. — У меня самовар как раз поспел.

Сергей Сергеевич задумчиво взглянул на довольного кота. Потом вдруг застонал, как от зубной боли, и изо всех сил хлопнул себя по лбу.

— Балбес. Господи, какой же я балбес!!!

Дверь от удара едва не слетела с петель. Громадная черная фигура выросла на черном фоне, сделала шаг вперед и попала в полосу света.

— Ну все, журналист, — тяжело проговорил бизнесмен, шаря рукой позади себя. — Смерть твоя пришла.

На нем была облезлая майка, обтягивающая пухлый животик, тренировочные штаны с пузырями на коленях и домашние шлепанцы. Дополняла вечерний туалет массивная золотая цепь, обмотанная вокруг шеи. Алеша увидел в его ладони мотыгу на короткой ручке (покойная Ольга Григорьевна подогнала ее под свой рост). От неожиданности «сыщик» поскользнулся, сел на пол, пребольно ударившись копчиком, и неуверенно сказал:

— Предупреждаю, у меня черный пояс. По каратэ...

— Вот и хорошо, — успокоил его бизнесмен. — Будет в чем тебя похоронить.

Он медленно, как в дурном сне, поднял свое оружие над головой. Алеша зажмурился... Отрешенно, будто о чем-то несущественном, подумал: вот и все. Конец приключению, конец неразгаданной тайне — впрочем, для остального человечества она так и останется неразгаданной: что толку, что я разгадал наконец всю цепочку, до последнего звена...

Однако Вовочка почему-то не спешил с исполнением приговора. За его спиной что-то глухо шлепнуло, и бизнесмен, секунду назад казавшийся страшным и неотвратимым, как волна-убийца цунами, вдруг утробно икнул, подогнул колени и оглушительно грохнулся на пол.

Сзади показался капитан, потиравший ушибленное ребро ладони. Взглянув на Алешу, он с уважением спросил:

— Черный пояс, говоришь? Потренируешь меня как-нибудь? А то я совсем из формы вышел.

Бизнесмен слабо, больше для порядка, завозился на половичке, узрел наручники на своих запястьях и процедил:

— Ну, ментяра, ты у меня...

— Это я уже слышал, — спокойно сказал Оленин. — Я задерживаю вас, гражданин Киреев. Вы обвиняетесь в покушении на гражданина Алексея Суркова, а также в убийстве гражданки Засопецкой и главврача психиатрической клиники Артура Львовича Барвихина. Вы имеете право хранить молчание, все, что вы скажете, может быть использовано против вас...

— Это не он, — слабым голосом сказал Алеша. — Это не он убил Барвихина.

— А кто же? — растерялся капитан.

— Верочка. Его жена.

Допрос

«— Гражданка Киреева, вы признаете себя виновной в убийстве гражданина Барвихина Артура Львовича?

— Он сам виноват. Сам виноват, Айболит чертов! Он подозревал, что дело нечисто. Смешно, но он стал подозре-

вать нас, как только получил от Вовика ключи от «Нивы». Представляете, он, сука, вместо благодарности позвонил и назначил встречу...

— Что было потом?

— Потом он заявил, что не желает быть использованным втемную. И потребовал себе долю. С какой стати, позвольте спросить?!

— Вы платили ему за то, что он держал в клинике Клавдию Никаноровну Дуганину?

— Да. Мы с мужем хотели получить ее дом: баба Клава как-то упомянула, что под фундаментом зарыты ценности. А Вовочка задолжал своей «крыше» приличную сумму в валюте, его уже и на счетчик поставили... Господи, если бы не этот дурак Артур!

— Он тоже знал о кладе?

— Бабка ему проговорила: якобы ее отец, перед тем как дернуть за границу, в тридцатом, закопал здесь золото, которое намыл на Ардыбаше.

— Продолжайте.

Пауза.

— Ну, что... Я надела белый халат и косынку — чтобы быть похожей на медсестру. Дождалась ночи, хотела пробраться в больницу (он обожал оставаться на ночь в своем гадюшнике — можно было свободно завалить на койку дежурную сестричку). Ей-богу, я собиралась просто поговорить, уломать его как-нибудь...

— Вы были любовниками?

— Вам-то что?

— Ничего, вы правы. Итак, вы пришли к зданию больницы...

— Пришла, села «в засаду», возле дырки в заборе. Вдруг вижу — народный дружинник со своей подружкой... Черт их принес — пришлось ждать, иначе бы мы столкнулись нос к носу. Потом, как они отбыли, вошла в дыру, поднялась по лестнице, вошла в кабинет... Артурчик даже головы не поднял от своих бумажек. Я прощebetала, что мне понадобилась одна из историй болезни. Он кивнул, я подошла сзади. И ударила молотком.

— В тот день, когда Владимира задержали, Барвихин звонил по телефону. Он звонил вам?

— Да, на мобильный. Предупредил, что вы вместе с дружинником были у него, учинили допрос, упомянули о кладе под домом. Ну и выразился в том смысле, что, если его прижмут, отдуваться за всю компанию он не намерен.

— Но телефон вашего мужа мы конфисковали...

— Вот проблема-то. У меня есть свой.

— В самом деле? Я об этом не подумал... Хорошо, теперь расскажите об убийстве Ольги Григорьевны Засопецкой.

Изумление в глазах.

— Это не я. Клянусь, не я! Мне чужого не надо! Да и за что мне ее убивать?

— За то, что она написала письмо в редакцию.

— Ну и что с того?

— Однако эти два преступления в точности повторяют друг друга. Чем вы это объясните?

— Да ведь я нарочно! Когда я узнала, что Вовика подозревают...

Пауза.

— Что же вы замолчали? Когда вы узнали, что вашего мужа подозревают в первом убийстве, вы решили поддаться под него, полностью воспроизвести сценарий, я прав? Чтобы расправиться сразу и с мужем, и с любовником. С ними обоими нужно было делиться, а делиться вам не хотелось.

Всхлип.

— Только Вовику не говорите, ладно? Он меня прибьет, если узнает.

— Ну, этого как раз можете не опасаться. Отныне вы будете под надежной охраной. Кстати, хочу сообщить вам еще одну новость: мы вызвали саперов из области. Они со специальным оборудованием обыскали весь дом и участок. Никакого клада там нет и не было.

— Как? Как не было? Значит, плохо искали!

— Хорошо, Вера Степановна. Несколько раз, вдоль и поперек, используя мощный детектор металла.

Пауза.

— Боже мой... Неужели обманула старая карга? Всех: меня, Вовочку, Артура... — Она вдруг истерично заорала в пространство: — Значит, куча «бабок» в валюте, новенькая «Нива», два трупa, тюрьма для нас с Вовиком... И все — за гнилую развалюху?! Mamочка моя!!!

— Гражданка Киреева! Вера Степановна, вам плохо? Силин! Силин, воды сюда, немедленно!..»

7

Времени пролетело всего-то чуть-чуть, а казалось, что «деревенские приключения» (так про себя назвал их Алеша) канули в Лету и вспоминались с трудом, как легкий сон после обеда. Он с неожиданным удовольствием оглядел высокие потолки в гостиной, светлый палас под ногами, «стенку» и папин письменный стол и подумал: хорошо дома, черт возьми.

В деревне ему устроили пышные проводы — так в былые времена чествовали, наверное, лишь космонавтов и освобожденных партийных секретарей, прибывших для ознакомления с ходом уборочной страды. Вся Знаменка искренне считала его кем-то вроде национального героя и потому собрала ему в дорогу полный рюкзак продуктов. Капитан Оленин, в парадном кителе и фуражке с гербом (таким Алеша видел его впервые), доставил его на милицейском «УАЗе» прямо к вагону электрички и даже крепко пожал руку на прощание.

— Счастливо тебе, «дружинник», — сказал он и хмыкнул: — Будут проблемы с законом — обращайся. Пришлю тебе напильник в буханке хлеба.

А Наташа... С Наташей он скоро встретится. И — он надеялся — уже никогда не будет расставаться.

Он лежал на диване, закинув ногу на ногу, и снисходительно наблюдал за грозным родителем (впрочем, сейчас ласковым и умиротворенным) — тот по пятому разу перечитывал статью в «Добром утре», хотя мог, наверное, воспроизвести ее наизусть вплоть до последней запятой. В конце статьи стояла гордая подпись: *«А. Сурков, наш специальный корреспондент».*

— «Узница доктора Барвихина», — хмыкнул Павел Игнатьевич, поправляя очки на носу. — Сам придумал?

— А то кто же.

— Неплохо. Определенные литературные способности у тебя в наличии, я всегда это утверждал (ты всегда утверждал прямо противоположное, хотел возразить Алеша, но благоразумно промолчал). — Ну, и как закончилась вся эта история?

— Как... — он сладко потянулся. — Внук с супругой под следствием, через две недели должен состояться суд. Баба Клава живет в своем доме — врачебная комиссия признала ее психически абсолютно здоровой. Кстати, недавно к ней присзжал какой-то хмырь из областной администрации и подарил-таки нормальный телевизор. А то стыд, да и только...

— Короче, хеппи энд, — кивнул родитель. — Как же вы, уважаемый Холмс, все-таки вычислили Верочку?

Алеша улыбнулся.

— Элементарно, Ватсон. По телефонному звонку.

— То есть?

— Я тебе рассказывал, что, когда мы с капитаном были в клинике, психиатр кому-то докладывал по телефону о нашем визите (и, надо думать, требовал «прибавку к жалованью»). Где могут быть телефоны в маленькой деревушке? Ну, в помещении сельсовета, в опорном пункте милиции, в той же клинике... Куда он звонил? Не в город: туда можно выйти только через семерку, а он набрал с кодом. Значит, кому-то на мобильник. Владимир в тот момент сидел в камере (его выпустили лишь на следующее утро). Остается один человек...

— Действительно элементарно.

— А потом я увидел косынку на веревочке, но не сразу осознал — она была белая, в ней, видимо, Вера убила психиатра. Халат она «сообщила» закопать на огороде, его нашли во время обыска.

— Она призналась?

— Только в убийстве Барвихина. Первое преступление пока отрицает... Но, я надеюсь, и оно ей с рук не сойдет.

На тумбочке коротко пропиликал телефон. Алеша нехотя оторвался от дивана и поднял трубку.

— Алло, — голос был далеким, словно говоривший находился на страусиной ферме в Австралии, и неузнаваемым из-за помех. Однако Алеша узнал и обрадовался.

— Сергей Сергеевич! — заорал он. — Ну, как дела на Бейкер-стрит?

Он ожидал, что доверчивый капитан спросит, что такое Бейкер-стрит, однако тот, обнаружив похвальное знание классической литературы, усмехнулся.

— Играю на скрипке, дорогой Ватсон, а по ночам провожу химические опыты. Читал твою статью — хлестко пишешь, поздравляю. Чувствуется жилка настоящего журналиста.

Он помолчал.

— Да, по поводу статьи. Я тут на досуге беседовал с одним интересным человеком по имени Вадик...

— С кем? — не понял Алеша.

— Вадик, шофер «Скорой помощи» в психлечебнице, есть там такой персонаж. Представляешь, в *тот* день он действительно чуть было не выпил тормозную жидкость — с утра сильно мучился головкой, а здоровье поправить денег не было. Вот он и надумал: открутил тормозной шланг... Счастье, что попробовать не успел — вся жидкость вытекла на землю. Не то распивал бы сейчас цветочный нектар в райских кущах.

— А что, тормозная жидкость содержит спирт? — вяло поинтересовался Алеша.

— Выходит, содержит, — подумав, отозвался капитан. — Шоферу виднее. Я Вадика спросил об этом, он ответил, мол, душа горела так, что уже все по барабану... Говорю же тебе: нравы у нас куда как патриархальные: все, что не вода, — то и употребляем. Ну, бывай, журналист. Павлу Игнатьевичу поклон от меня.

И отсоединился.

Алеша с недоумением повертел в руках трубку и положил ее мимо рычага.

— Глупость какая-то, — пробормотал он озадаченно.

— Ты о чем?

— Сергей Сергеевич вам кланяться велели, уважаемый родитель.

— И это ты считаешь глупостью?

— Нет, нет... Просто, оказывается, упыри-то не наврали, — бессвязно пояснил он. — Машина в то утро и вправду не работала — не могли же они ехать куда-то без тормозов... А баба Клава утверждала, что ее чуть было не увезли на «скорой» («белая машина с крестом»). Конечно, она могла напутать, принять за «скорую» обычный фургон, но... А ботинки! По ее словам, на похитителе были дорогие ботинки с толстыми подошвами — я, дурак, как услышал про них, тут же приплел Барвихина... А ведь не факт, что такие ботинки были лишь у него! Ты знаешь, — доверительно сообщил он, — еще там, в Знаменке, мне пришла в голову мысль... Вернее, она пришла нам с капитаном... В общем, мы подумали, нет ли в этом деле кого-то еще, кого мы не вычислили. Четвертого. Кто стоял за Барвихиным и четой Киреевых. Но потом Верочка призналась в убийстве, и мы успокоились. — Алеша поднял глаза на отца. — А может, успокоились-то зря?

Павел Игнатьевич ласково улыбнулся и взъерошил отпрыску непокорные волосы, успевшие за неполное лето до белизны выгореть на солнце.

— Тебе бы романы писать, как академик Обручев... Кстати, спасибо за подарок, я получил огромное удовольствие. — Он вздохнул. — Не поверишь, будто в детство вернулся.

Алеша, не слушая, сосредоточенно теребил подбородок. Глядя в пустой угол, он пробормотал:

— В доме бабы Клавы, в тумбочке под телевизором, лежали две книги по психиатрии. Вовочка шарахнул по тумбочке ногой, и они выпали. Я спросил: «Почитываете на досуге?» Он ответил: «С какой стати, если свой домашний «лепила» есть?» (в смысле «Зачем же пса держать, а лаять самому?») — это он о психиатре).

— Так, может, сам психиатр и изучал?

— Учебник для первокурсников? — Алеша посмотрел на отца. — Куда это ты собрался?

— В магазин за шампанским. Не каждый же день такое событие: родное чадо приводит в дом невесту. — Павел Игнатьевич взглянул на часы. — Между прочим, я бы на твоём месте не рассиживался, твоя Наташа прибывает через час.

— Ой, и правда... — Алешу словно некая пружина сбросила с кресла. — Мне давно пора на вокзал, встречать... Батя, мне нужен твой одеколон.

Родитель хохотнул.

— Свой надо иметь, ребеночек. Ладно, пользуйся.

Алеша был уже в костюме, при галстукe и благоухал папиным одеколоном, когда в прихожей раздался звонок. Это его озадачило: отец явно ещё не успел добежать до гастронома, мама возвращается с работы только в четыре... Неужели Наташа не выдержала и приехала раньше обещанного?

Он рванулся к двери, распахнул её и увидел на пороге нарядно одетую пожилую женщину.

— Вы к кому?

— К тебе, миленький, — сказала она.

— Баба Клава! — изумился Алеша. — Боже мой, я вас и не узнал... Как вы меня нашли?

— Так Наташенька адрес оставила. Она собиралась к тебе дневной электричкой, а я решила пораньше. Я пришла тебя поблагодарить: кабы не ты, внучек, сгнила бы в психушке... — Баба Клава покачала головой. — Вот ведь судьба: живой внук есть, а внучком называю чужого человека. Ты уж не обижайся на старую.

— Да что вы, — смутился Алеша. — Проходите, что ж мы на пороге-то.

Она просеменила в гостиную и остановилась, оглядываясь.

— Красиво у вас. Просторно, потолки высокие... Это правильно, когда честные люди хорошо живут, а то можно подумать, будто все деньги только у прощелыг, вроде моего Вовки, — она вздохнула. — Жить-то с Наташей думаете отдельно от родителей, или как? Не все же их теснить.

Да уж, хмыкнул про себя Алеша, только где денег взять...

— Вот я и подумала: подарю-ка я вам дом.

— Дом? — он слегка опешил.

— Ну, не мою избушку на курьих ножках, само собой, зачем она вам. Я имею в виду нормальный дом, на Адриатике, к примеру, или на Кипре. Там, говорят, круглый год лето и фрукты дешевые. У вас же обязательно будет маленький, а ему фрукты нужны в первую очередь... Дом, я думаю, ты сам подберешь какой понравится. А денег я подкину.

— Погодите, — он отчаянно потряс головой (или я двинулся умом, или весь мир). — Откуда у вас...

— Милый, да ведь *КЛАД!* — она счастливо улыбнулась. — Под моим фундаментом. Или забыл?

— Клад... Клавдия Никаноровна, так ведь там ничего не нашли! Саперы искали с детектором...

Она отмахнулась.

— Что они понимают, твои саперы. Сам подумай, не мог же он меня обмануть: родная кровь как-никак.

— Да кто?!

Но старушка уже не слушала — она, мечтательно улыбаясь, слушала только саму себя, и только сама себе была интересна и понятна, единственная близкая подруга, единственная на Земле собеседница, остальные были или безнадежно глупы, или просто разговаривали на ином языке...

— Сколько людей на это золото зуб точили, страшно подумать. И Вовочка мой, и жена его, каракатица, прости господи, и доктор в психбольнице... Всем оно покоя не давало. Даже Оленьке, моей соседке, и то...

— Оленьке? — переспросил Алеша. — Ольге Григорьевне?

— Да, милый. Жалко, что пришлось убить ее, я не хотела ей зла.

Ему показалось, что он ослышался. Что-то она сказала — что-то невероятное, ошибочное, совершенно нелогичное... Чувствуя внезапную темень в глазах, он на всякий случай уточнил:

— Вы убили Ольгу Григорьевну?

8

Странно, но ничего не изменилось вокруг. Ночь не затмила день, во дворе, за открытой настежь форточкой, по-прежнему гомонила ребятня, звонко шлепал мяч об асфальт

и перебивали друг друга считалки. На обоях весело плясали солнечные зайчики, отражаясь от массивного шкафа с посудой, с гарнитуром чешского стекла (папа выставлял его на стол в особых случаях, когда ожидался наплыв дорогих гостей), и по-прежнему двое сидели на диване: принаряженная и исполненная сознания важности момента старушка, светившаяся счастьем и умиротворенной мудростью, а юный внук внимал ей со всем почтением, изредка кивая головой...

— Никто не похищал вас из лечебницы, верно? — высказал он свою очередную запоздалую догадку. — Вы это придумали, только не подозревали, что машина «Скорой помощи» в то утро не работала...

— Я сама научилась убегать оттуда, — доверчиво сообщила она. — Палата отпиралась обычной шпилькой для волос (меня научила соседка — та, которая рекламирует прокладки из ваты), а в заборе...

— ...Есть дырка, — почти спокойно закончил Алеша. — Вот оно, ваше главное алиби...

Она кивнула с неподдельно радостным видом. Ее глаза в мелких морщинах — очень живые, лучистые, благостные — смотрели куда-то ввысь, и в них застыло самое настоящее нежно-просветленное выражение.

— Оленька, царствие ей Божие, никогда не закрывала входную дверь: к ней вечно приходили ребята из школы. Они любили ее, она была учительницей от Бога... — старушка оживилась. — Когда я узнала, что она написала письмо в газету, то вдруг подумала, что если ее убьют, то милиция прежде всего заподозрит Вовочку с его каракатицей. Так и получилось. А Оленька... Она, наверное, и не почувствовала, как умерла. Я легкая и худенькая — подкралась так, что ни одна половица не скрипнула. А рукоятку у молотка я обернула платочком.

Не веря себе и не узнавая собственного голоса, он медленно спросил:

— Вы убили ее только затем, чтобы убрать внука с дороги? Она опять застенчиво улыбнулась.

— У меня не было другого выхода. Видимо, я уже тогда знала, что назову внуком тебя. И тебе отдам то, что оставил мне дед.

— Дед? — прошептал Алеша. — Дед, а не отец?

Баба Клава снова махнула рукой.

— Отец... Он так и не нашел своего золота. Сгинул в чужой земле — то ли в Шанхае, то ли в Харбине. Беспутный он был, прости господи. Вовочка, наверное, в него пошел. Дед был из другой породы.

— Тот, что погиб под Варной? Чья фотография висит у вас на стене?

— Нет, что ты. Про него я нарочно придумала, для отвода глаз. Настоящий-то мой дедушка и сейчас жив-здоров, его частенько показывают по телевизору (мне намеренно один большой человек из администрации телевизор подарил, ты знаешь?)

— Знаю, — бесцветно ответил Алеша. — Тот, что «преподнес» вам Владимир, вы испортили специально? Чтобы усилить подозрение против него?

— Это тоже было просто. Мне Оленька показывала: там есть такая штучка на задней панели. Повертишь ее — и все мельтешит, хрипит, экран темнеет. Называется «настройка». Зато теперь у меня телевизор иностранный, им можно управлять прямо из кресла. Я частенько с дедушкой разговариваю — его по несколько раз в день показывают по всем каналам.

Никогда не существовавшее золото Ардыбаша (маленькая речка в Сибири, которую не на всякой карте сыщешь), аккуратная ранка на затылке бедной Ольги Григорьевны Засопецкой, нетронутая печать на двери, в доме с желтым крылечком, где крошечный огорожок соседствовал с трогательным цветником, искаженное яростью лицо Верочки — все поплыло, точно в кривом зеркале, завертелось в бешеной карусели...

— Люди очень доверчивы, миленький, — вздохнула старушка, словно подслушав его мысли. — И очень глупы. Правда-правда, их ничего не стоит обмануть. Я вот — старая и немощная, провела всех. Даже профессоров из горо-

да, что меня осматривали перед выпиской. А ведь они так не хотели меня выписывать — и вопросы разные задавали, и совещались... Поди, перед этим в университетах полжизни проучились. А я... — Она любовно разгладила складки на юбке. — Мне всего-то и понадобилось, что прочитать пару книжек.

— Учебники по психиатрии, — пробормотал Алеша. — Я был уверен, что они принадлежали вашему внуку...

Баба Клава махнула рукой.

— Вовочка в своей жизни читал только «Буратино» (ма-тушка его, беспутного, заставляла чуть ли не ремнем — а сам-то он ни в какую) и журнал с голыми девками. На большее у него ума не хватило.

— А вы, значит...

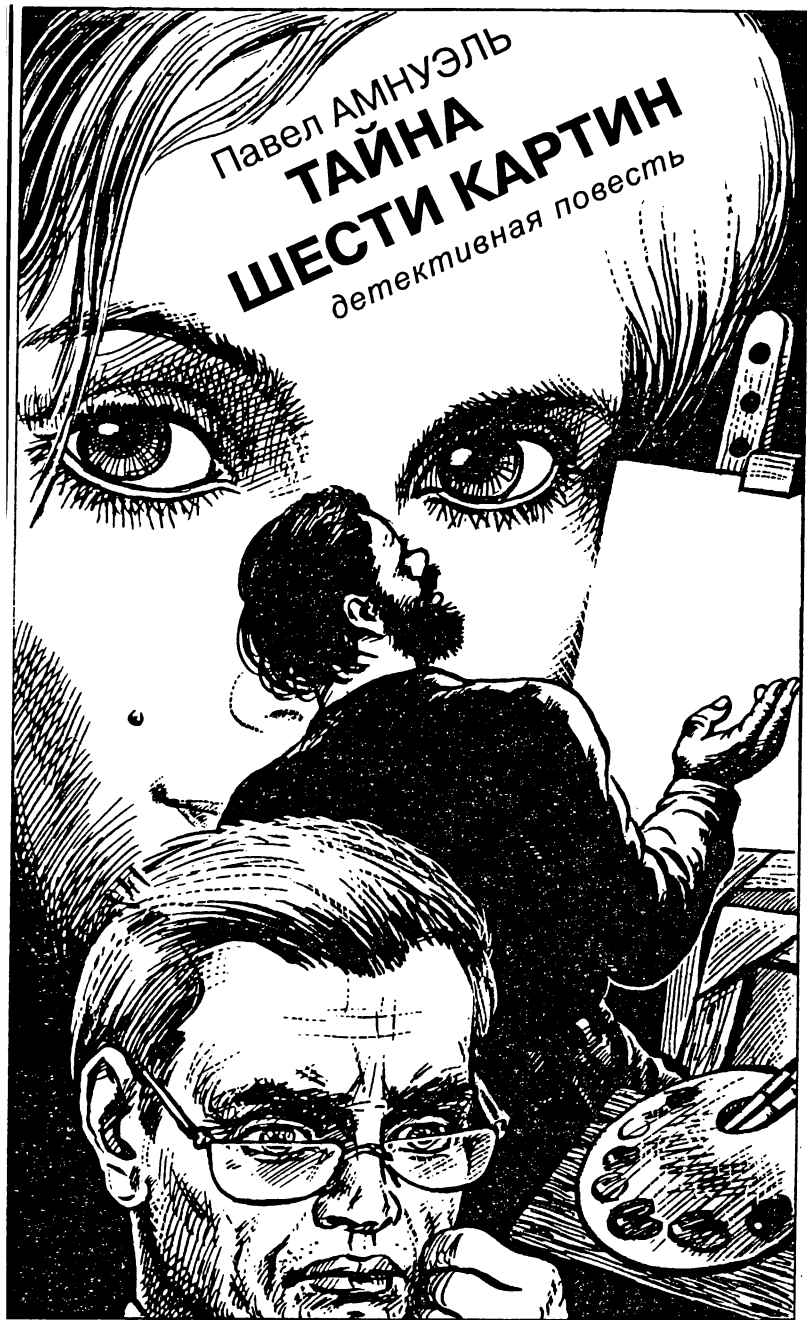
— А я — умная, — с гордостью сказала баба Клава. — Недаром мой дед был великим полководцем.

— Полководцем? — хрипло переспросил Алеша. — А зовут его, случайно, не Александр...

— А ты так и не догадался, — с ласковой участливостью сказала баба Клава. — Конечно, он. Александр Македонский. Я ведь его внучка.

И засмеялась. У нее был очень довольный смех — радостный, безумный и абсолютно счастливый — в своем безумии...

Павел АМНУЭЛЬ
ТАЙНА
ШЕСТИ КАРТИН
детективная повесть

«Я обманул их тем, что ради истины сказал правду».

Николай Рерих

— Я совсем не так представлял себе жилище художника, — сказал Манн, осмотревшись. От его внимания не ускользнули ни паутина в углу между столиком и книжными полками, ни блюдо с недоеденными фруктами, ни темное пятно на полу у окна — то ли подтертая кровь, то ли пролитая краска.

— Как же вы представляли себе мое жилище, позвольте узнать? — Голос Ритвелда звучал насмешливо, но Манн чувствовал и напряженность, и нежелание вести пустые разговоры, и готовность все показать, все сказать и обо всем договориться, лишь бы сбросить с себя груз и переложить его на плечи гостя, частного детектива, для того и приглашенного в эту не очень опрятную, с точки зрения постороннего человека, квартиру на Хартенстраат.

— Не ваше, — спокойно отозвался Манн. — Я имею в виду общее впечатление — с детства складывается определенное представление о том, как живут художники...

— Но вы не думаете, что я работаю там, где живу? — с налетом раздражения сказал Ритвелд. Ему рекомендовали Манна, как человека умного, успешного в делах, распутавшего несколько довольно громких (во всяком случае, их обсуждали в салонах амстердамской богемы) дел, и если он вовсе не так умен, как говорили...

— Нет, конечно, — улыбнулся Манн. — Ваша студия находится на Принценграахт, дом шестьдесят восемь. Извините, что я...

— Это вы меня извините, — сказал Ритвелд, показывая гостю на огромное кресло у декоративного камина. На кресло была наброшена искусственная тигриная шкура, огромная, будто снятая с давно вымершего саблезубого гиганта. — Эта история... трагедия... выбила меня из колеи. Что будете пить?

— Спасибо, — пробормотал Манн, опустившись в кресло и полностью утратив возможность видеть что бы то ни было, происходившее в комнате за его спиной: кресло повернуто было к камину, и, сидя на тигриной шкуре, зани-

маться можно было только одним делом — глядеть на огонь, точнее, на настоящие дрова, сложенные в камине аккуратным штабельком. Рядом на стене висела небольшая воздуходувка, а на полке над камином лежала старинная кремниевая зажигалка, похожая на револьвер системы «Смит и Вессон».

— Спасибо... что? — спросил невидимый голос хозяина, и гость, поудобнее устроившись в кресле и протянув ноги к незажженному пламени, ответил:

— Я не пью, господин Ритвелд. И не курю, что совсем странно. Если вы поставите стул так, чтобы я вас видел, то мы могли бы приступить к делу, ради которого вы меня позвали.

— Да, конечно. — Шаги хозяина удалились, Ритвелд, судя по звукам, подошел к шкафу темного дерева, стоявшему слева от входной двери, раскрыл обе дверцы (скрип был двойным, и стекло, неплотно вставленное в пазы, чуть слышно зазвенело), достал с полки бутылку и рюмку (едва слышный хлопок пробки, два тихих звенящих звука) и появился, наконец, в поле зрения детектива — в одной руке Ритвелд держал бокал, наполовину наполненный красным вином, а в другой — стул, настолько хлипкий по сравнению с креслом, что Манн подумал: художник непременно грохнется, если сядет.

Ритвелд осторожно опустил стул, сел на край — похоже, что и хозяин не доверял прочности этого сооружения, — пригубил вино, поставил бокал на каминную полку и только после этого, сложив руки на коленях (пальцы едва заметно дрожали), проговорил:

— Обычно частные детективы не занимаются расследованием загадочных смертей?

— Обычно — нет, — сказал Манн, думая о том, станет ли хозяин возражать, если попробовать зажечь старинной зажигалкой дрова в камине. — Обычно я занимаюсь пропавшими женами, и не всегда это существа женского пола, если вы понимаете, что я хочу сказать.

— Что тут непонятного, — пожал плечами Ритвелд. — Но ведь вы как-то раскрыли убийство, и потому мне рекомендовали...

— Да, — кивнул Манн. — Тогда у меня были неприятности с полицией.

— Вы не хотите браться за это дело, потому что боитесь неприятностей? — спросил Ритвелд.

— Я еще ничего не обещал, поскольку вы мне пока ничего не объяснили, — сказал Манн, все более раздражаясь. Художник ему не нравился, квартира не нравилась, камин, от которого не было никакой пользы, не нравился тоже. Почему ему должно было понравиться дело, о котором он, впрочем, знал — больше, чем это предполагал Христиан Ритвелд?

— Конечно... Я сейчас все... Но полицейские хроники в газетах вы, конечно, читаете? Вы читали в «Таг», что умер Альберт Койпер?

— Да, — коротко сказал Манн.

— Альберт Койпер, художник, его работы выставались в галерее «Шенберг», но до выставки в музее Ван Гога он не дотягивал, не тот уровень.

— Да, — повторил Манн.

— Что у него хорошо получалось, так это копии. Тот же Ван Гог, но больше ранние голландцы, его копия рубенсовской «Старухи с письмом» выставлена в Национальном музее.

— Да, — еще раз сказал Манн, давая понять, что видел он и копию картины Рубенса, и копию Ван Гога, и самого Койпера видел тоже, во всяком случае, знал о его существовании.

— Вчера утром Альберта нашли мертвым... Он лежал на полу, бедняга... Еще вечером умер, так пишут. Альберт жил один, то есть не то чтобы один, но постоянных женщин у него не было, а в последние недели не было вообще никого, он пил, не то чтобы много...

— От чего он умер? — прервал Манн бестолковую речь художника.

— Неизвестно! — воскликнул Ритвелд, непроизвольно взмахнул руками, стул под ним качнулся, и художник замер в нелепой позе. Он осторожно опустил руки на колени и сказал: — Неизвестно, от чего умер Альберт. Он был здоров как бык. Не болел никогда. В газетах написано, что это могло быть самоубийство. Депрессия и все такое. Я знал его. Я его видел два дня назад. Депрессия? Чушь. Альберта убили, и мне страшно...

— Вам? — поднял брови Манн. — Боюсь, что не улавливаю связи.

— Я сейчас все расскажу. И вы поймете. Я только поме-

няю стул, хорошо? На этом невозможно сидеть, я его утром сломал — так получилось, швырнул о стену...

— Да, — сказал Манн, — я понимаю.

Он смотрел на разложенные в камине дрова — больше смотреть было не на что, разве что на длинную извилистую щель в потолке — и думал о том, что, скорее всего, зря согласился прийти к этому человеку, нужно было пригласить его в офис, там разговор наверняка пошел бы иначе.

За спиной послышался грохот — упал то ли стул, то ли иной довольно тяжелый предмет, но, во всяком случае, не сам художник, — а затем в поле зрения возник Ритвелд с маленькой табуреточкой в руке. Аккуратно, будто антикварную вещь, поставив табуретку перед креслом и заслонив камин, в котором так приятно пылали зажженные воображением Манна дрова, Ритвелд уселся, вытянул ноги и таким образом сократил до нуля свободу движений детектива — тот мог теперь лишь подогнуть ноги под себя; Манн хотел было сказать, что не может думать, сидя неподвижно, но решил промолчать — в конце концов, он здесь в гостях, и если хозяин устанавливает свои правила игры... Действия человека определяются его характером, верно? Потом можно будет подумать, о каких чертах характера говорит желание максимально ограничить гостю поле зрения и даже возможность движений. Да и о характере ли? Может, о том, что в комнате находится что-то, на что детектив, пусть даже приглашенный самим хозяином, не должен обратить внимание?

— Во-о-от, — протянул Ритвелд и продолжал, сжав ладонями колени, ему тоже было неудобно сидеть, но художник и попытки не сделал переменить позу. — Понимаете, какое дело, Альберта я знаю... знал... лет десять. Он пришел тогда на мою выставку... Меня выставили в музее Ван Гога, там на первом этаже есть зал... Очень престижно, а я был еще молодым художником, гордился чрезвычайно, вы бы видели, как мы пили, когда в первый день... Неважно. Альберт притащился на третий день или пятый, не помню, и бурчал под нос что-то не очень... Я подошел и спросил, чем господин недоволен. А он сказал, что недоволен моим успехом. Он, мол, всегда завидует успехам коллег, потому что сам такого никогда не напишет, и это естественное чувство, не нужно обижаться и вообще обращать на него внимание. Хорошо, да? Прямо так, открыто... Он вообще был челове-

ком прямым — может, потому и художником не стал, я имею в виду не стал самостоятельным, творцом, вы понимаете, что я хочу сказать... Он был настолько прям и откровенен, что рисовать мог только с натуры, а взгляд у него был фотографический, он видел не то, что в глубине вещи, а то, что на поверхности. Яблоко — это яблоко. Дом — это дом. Коричневое — это коричневое.

— Реализм — это реализм, — прервал детектив.

— Что? Да, простите, я теряю нить, когда открываю рот...

— Понятно, — кивнул Манн.

— Знаете что... Вы лучше задавайте вопросы, а я...

— Это я и хотел предложить. Только постарайтесь отвечать коротко, хорошо? Да или нет. Согласны — не согласны.

— Да. Согласен.

— Альберт Койпер стал вашим другом?

— Нет. Как он мог стать другом? Он меня терпеть не мог, потому что...

— Но вы знали его настолько, чтобы предположить, что он не мог покончить с собой по какой бы то ни было причине?

— Да. То есть нет, не мог. Не было причин.

— Почему вы в этом уверены?

— Потому что... Послушайте, вы не те вопросы задаете. Спросите меня: с каким предложением вы пришли к Койперу одиннадцатого августа тысяча девятьсот девяносто первого года?

— С каким же предложением вы пришли к Койперу одиннадцатого августа тысяча девятьсот девяносто первого года? — едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться потенциальному клиенту в лицо, спросил Манн.

— С профессиональным. Альберт был замечательным копиистом. «Старуха с письмом»... Да, я уже говорил. А я в то время закончил цикл картин, шесть — если быть точным. Цикл называется «Фантазии перед заходом солнца».

— Погодите, — сказал Манн, вспоминая. — «Фантазии перед заходом», верно. Картины, которые семь лет назад сгорели вместе с типографией Кейсера? Художник — это были вы? — и Кейсер получили страховки, большую сумму, об этом писали в газетах.

— У вас хорошая память, — с уважением произнес Ритвелд. — Семь лет прошло — вы помните.

Манн отвел комплимент рукой, будто отодвинул в сторону возникшее перед глазами препятствие.

— Могу себе представить, что вы тогда чувствовали, — сказал он, просто чтобы что-то сказать и вызвать художника на откровенность. Он все еще не понимал, чего от него хочет Ритвелд.

— Не можете, — буркнул художник. — Я чувствовал вовсе не то, что вы представили. Видите ли, — я вам скажу, вы не страховая компания, я вас сам позвал, и вы обязаны сохранить профессиональную тайну, верно?

— Безусловно, — подтвердил Манн.

— Да, так я вам скажу... Этого никто не знает, ни одна живая душа, Альберт знал, конечно, и Кейсер тоже, но душа Альберта уже не живая, а Кейсеру говорить не резон, он, как и я...

— Вы хотите сказать... — начал Манн, догадавшись уже, какую тайну собирался поведать художник.

— Я хочу сказать, что мне ужасно не хотелось передавать в типографию оригиналы для работы, они были как дети, я любил их... Вы не поймете. А у Кейсера своя студия в помещении типографии, все необходимое для фотокопирования... В общем, это было для меня совершенно невозможно. А Кейсер согласился издать мой альбом, ему нужны были картины. Дилемма, верно? Я нашел решение. Пошел к Альберту и предложил работу. Он согласился, почему нет? Сделать копии — деньги, что он с меня тогда слупил, были чуть ли не больше, чем то, что я мог заработать на авторских с альбома! Но я пошел на это. Альберт работал в моей мастерской, ему понадобилось два месяца, замечательные оказались копии, одна к одной, я же говорю — у Койпера был фотографический глаз, а оттенков цвета он различал столько, сколько ни одному японцу не снилось. Я ему заплатил — и за молчание тоже. Знаете, он ведь мог меня шантажировать — потом, я имею в виду... Но это было не в его принципах.

— Иными словами, — художник мог говорить бесконечно, и Манн прервал его на полуслове, — вы передали в типографию не оригиналы, как было обусловлено, а копии шести картин, сделанные Койпером.

— Да!

— Кейсер был в курсе дела?

— Конечно. Он знал. Для него это не имело большого значения — копии были хороши, а при подготовке к печати все равно многое теряется, как ни старайся...

— И в пожаре сгорели копии, — сказал Манн. — По сути, вы надули страховую компанию на... Сколько вы получили?

— Сто восемьдесят тысяч гульденов. По тридцать тысяч за каждую картину.

— Хотя цена каждой копии была...

— Сто гульденов в базарный день.

— И Кейсер? Он тоже?

— Да, достаточно, чтобы восстановить типографию.

— Это был... м-м...

— Да вы что! Поджог? Чушь, глупость, бред! Неисправность электропроводки — работала комиссия, в полиции есть протоколы, произошла идиотская случайность: что-то искрило, а там краски, бумага... Вспыхнуло, как свечка. Дотла. От картин даже рамы не остались целыми.

— Понятно, — протянул Манн. — Случайность. Хорошо. Но страховку вы получили как за оригиналы.

— Точно. Я бы заплатил Альберту за молчание. То есть я думал, что он захочет, чтобы я... Он не знал, что сгорела его работа, а не моя. Но мог догадываться...

— И попытаться вас шантажировать.

— Да. Я был готов, но... Альберт ни разу за эти годы даже намеком...

— О существовании копий не знал никто?

— Кроме Альберта, Питера и меня. Никто. Ни одна живая душа.

— Значит... — протянул детектив, глядя на трещину в потолке; ему хотелось смотреть в глаза художника, увидеть его реакцию на то, что он сейчас собирался сказать, но Манн намеренно не делал этого, и не потому, что не стремился смутить собеседника, до смущения Ритвелда ему не было никакого дела, он испытывал себя, а не живописца — сможет ли он, специально тренировавший свой слух и нервную систему, услышать, ощутить, распознать шестым чувством истинные мысли человека, стремившегося скрыть то, что происходило в его черепной коробке.

— Значит, — кашлянув, повторил Манн, — подлинники картин сохранились, и, когда вы позавчера устроили вернисаж в галерею «Берке», они и были показаны публике?

Никакого движения. Художник даже не моргал, Манн был почему-то уверен в том, что, моргни Ритвелд, и это ныслышное и мгновенное движение было бы его насторожившимися чувствами уловлено и проанализировано на подсознательном уровне, чтобы сообщить мозгу впечатление, готовое для выводов.

— Это были те самые картины, которые якобы сгорели в типографии семь лет назад, — уверенно продолжал детектив. — Но публике вы представили дело иначе — будто вы восстановили сгоревшие полотна по памяти, по настроению, по ощущениям, которые у вас сейчас, конечно, немного отличаются от тех, прошлых. Я не очень внимательно читаю страницы газет, посвященные искусству, но помню, что в «Таг» писали: Ритвелд не сумел повторить свое замечательное творение семилетней давности, в новых картинах нет того тепла, того света, той одухотворенности, они мастеровиты, они даже лучше написаны в смысле использования художественной техники нового времени, но те картины несли на себе печать гения, а новые — всего лишь тень таланта...

Ритвелд громко хлопнул ладонями по коленям, и Манн перевел взгляд на художника — тот был потрясен, щеки его стали румяными, как печеное яблоко, из полуоткрытого рта показался кончик языка, да, пожалуй, детективу удалось достичь нужного впечатления.

— Вы сказали, что не интересуетесь... — проговорил Ритвелд, глубоко вздохнув. — Но вы... повторили слово в слово то, что писал в «Таг» Вернер Терсон.

— Память у меня профессиональная, — пробормотал Манн. — Достаточно, знаете ли, один раз пробежать глазами...

— Да, — уважительно произнес художник, — я слышал, что евреи никогда ничего не забывают. Теперь убедился.

— Евреи? — настала очередь удивиться детективу. — Вы думаете, я еврей?

— Но... Ваша фамилия... Тильман...

Манн расхохотался так, что где-то за его спиной, должно быть, в стеклянном шкафу с посудой, что-то тихонько звякнуло.

— Дорогой Христиан, — сказал детектив, отсмеявшись. — Вы позволите мне вас так называть? Дорогой Христиан, все художники обладают замечательным зрением, но плохо воспринимают информацию на слух, верно?

— Я... что-нибудь не так...

— Вам назвали мое имя по телефону?

— Ян ван Веер, да. Вы его знаете.

— Безусловно. Мое имя Тиль. Фамилия — Манн. Тиль Манн. А вам послышалось...

— О Господи, — простонал Ритвелд. — Извините... Простите, я не хотел...

— Не хотели — что?

— Обидеть вас.

— Почему вы могли меня обидеть, назвав евреем?

— Ну, я не знаю, люди по-разному относятся...

— Дорогой Христиан, — сухо сказал Манн, выпрямившись в кресле, насколько это было возможно, сидя на мягком, проваливавшемся сиденье, — давайте вернемся к делу.

— Да-да... — поспешил согласиться художник.

— Итак, я изложу последовательность событий, имеющих, возможно, отношение к смерти Койпера. Семь лет назад он по вашему заказу написал копии картин. Копии были доставлены в типографию Кейсера для того, чтобы сделать с них клише для печати. В ту же ночь типография сгорела дотла — картины тоже. Никто не знал, что сгорели копии. Вы и Кейсер получили страховку и семь лет ни словом не обмолвились о том, что картины целы. Вы хранили их все это время... где, кстати?

— А? Да, хранил. В мастерской. В подсобке. Иногда я смотрел на них и мечтал...

— Мечтали все-таки выставить эти шедевры — вы ведь и сами полагали, что картины прекрасны. И придумали, как вам показалось, гениальный ход: сообщили прессе, что восстановили картины по памяти. Хорошо потрудились. Все получилось один к одному. Замечательно. Вы устроили вернисаж, и критика единодушно решила, что «новые» картины гроша ломаного не стоят.

— Ну, это слишком! — запротестовал Ритвелд. Он даже встал со скамеечки и принялся ходить по комнате, исчезнув из поля зрения детектива. — Это вы совсем...

— Хорошо, — не стал спорить Манн. — Но пролежавшие семь лет картины почему-то показались вовсе не такими замечательными, оценки изменились, цена упала. Из чего следует, что оценки произведений искусства — чистая вкусовщина и конъюнктура.

— Вы так считаете? — сказал голос Ритвелда откуда-то со стороны окна.

— А вы — нет? Вы считаете, что картины, пролежав семь лет, потеряли художественную ценность?

— Они стали лучше! Они... В них появилось что-то, чего раньше не было! Я-то это вижу!

— Изменились вы, а не картины, — вздохнул Манн. — Впрочем, не будем спорить. Дальше. На следующий день после вернисажа Койпера находят мертвым. Врачи говорят — сердечный приступ. Вы утверждаете, что произошло убийство.

— Да, и хочу, чтобы вы это распутали, — твердо сказал художник.

Манн уперся обеими руками в подлокотники и попытался рывком подняться из кресла, которое вело себя подобно хищному южноамериканскому дереву-людоеду, заглатывающему свою жертву. Рывком не получилось, и детектив сполз к краю сиденья, оттолкнулся от спинки и бросил тело вперед — в следующую секунду он понял, что стоит на коленях перед камином и руками упирается в полешницу дров. Нелепая поза, и пальцы наверняка в пыли...

— Что с вами? — воскликнул Ритвелд, но не сделал и шага, чтобы помочь Манну подняться: наверняка он не в первый и даже не в десятый раз устраивал этот фокус со своими гостями и наблюдал, как человек корчится, оказавшись в нелепой и, возможно, непристойной позе. Милый фокус. О характере хозяина он говорил больше, чем его картины.

Манн поднялся, обтер пальцы лежавшей на каминной полке салфеткой, подошел к Ритвелду, стоявшему у окна, и только теперь, впервые за время разговора, посмотрел художнику в глаза.

— Вы действительно хотите знать правду? — требовательно спросил он. — Какой бы она ни была?

— Конечно, — спокойно сказал Ритвелд, выдержав взгляд без малейшего напряжения. — Для того я вас и нанял.

— Вы меня еще не наняли, — отрезал Манн. — Мы не договорились о гонораре.

— Сколько? — спросил художник, не отводя взгляда.

— Одна, — сказал детектив.

— Что «одна»? — не понял Ритвелд. — Тысяча? Гульденов? Долларов?

— Одна картина, — пояснил Манн. — Всего их шесть,

верно? Вы их продадите. Пусть даже за них и дадут цену, меньшую, чем дали бы семь лет назад.

— Да, — кивнул художник. — Я понял. Странные расценки, но ваше дело. Согласен. А если я не стану продавать картины?

— Станете, — уверенно сказал Манн. — После смерти Койпера — обязательно. Только не продешевите — я хочу получить настоящую цену.

— Это может продлиться довольно долго, — предупредил Ритвелд. — Не так просто продать шесть картин, тем более что критики...

Манн отмел жестом возможные препятствия.

— Неизвестно, — сказал он, — кто добежит до финиша первым — вы, продавая картины, или я, расследуя смерть Койпера. Если вы согласны, то я хотел бы взглянуть на них. Они у вас в мастерской?

— Да, — сказал Ритвелд. — Не знаю, что это вам даст. Альберт жил на другом конце города...

— На Керкстраат, — кивнул детектив. — Дом шестнадцать. Туда я поеду потом. Сначала — картины.

Похоже, Ритвелд или не умел считать деньги, или полагал, что деньги — тлен и обращаться с ними следует, как с плохо нарисованной картинкой. Манн размышлял об этом, не сумев пока выбрать правильную, на его взгляд, версию. Ритвелд уже который год входил в обойму лучших живописцев Голландии — в первой десятке он был наверняка, а может, даже и в первой пятерке. Ван Барстен, конечно, дал бы Ритвелду десять очков вперед, а еще Манн мог назвать Хервудса, хотя не понимал и не принимал его творчества, если можно назвать творчеством игру с кубическими предметами разных размеров и раскраски. Как бы то ни было, детектив знал точно: картины Ритвелда хорошо шли на аукционах, а в прошлом году «Мальчик на берегу канала» был продан на Сотби за цену, о которой грезил бы наяву любой современный автор. Манн не помнил точно, но конечная сумма составляла то ли сорок, то ли сорок пять тысяч долларов, и ушел «Мальчик» в чью-то частную коллекцию.

Ритвелд был — должен был быть! — богатым человеком. Значит, по представлениям Манна, жить обязан был в собственном доме в новом районе Вижзелстраат, где строи-

ли себе коттеджи богатые люди. И мастерскую Ритвелд должен был держать не на шумной и сырой Принценграахт, а в самом центре, в районе Дамрак, есть там — если смотреть снизу — замечательные мансарды, специально приспособленные для создания живописных произведений, каждая из них наверняка сдавалась внаем за деньги, которые Манн видел реже, чем солнечное затмение.

Между тем, обитал Ритвелд в квартирке, за которую платил, скорее всего, не больше сотни гульденов в неделю, а мастерская, куда они поднялись по крутой винтовой лестнице, выходила окнами на узкую улицу, где каре домов загораживало солнце почти все время, а в зимние месяцы так вообще всегда. На что же тратил деньги художник, если не был патологическим жмотом, до которого Гобсеку расти и расти?

— Здесь довольно темно, — сказал Ритвелд, срывая и бросая на пол тряпки, которыми были занавешены стоявшие вдоль стен картины самых разных размеров — от кабинетной миниатюры в широкой раме до двухметрового полотна, изображавшего то ли Страшный суд, то ли пьяную уличную потасовку. — Вам наверняка показалось, что это плохое место для живописи. Я прав?

Манн промямлил что-то неопределенное, разглядывая картину, висевшую у дальней от окон стены. Это было плотно размером метр на полтора. Пустыня, похожая на Сахару, а может, на Аравийскую, — почему-то Манну показалось, что это Африка или Ближний Восток, но никак не Дальний, — Гоби, например. От песка исходил ощутимый жар, а с яркого синего с множеством оттенков неба лился свет невидимого солнца, оно сияло откуда-то из-за спины, и на песок ложилась четкая тень человеческой фигуры. Тень была странной и в то же время обычной, и, лишь приглядевшись, Манн понял, что неопределимая с первого взгляда странность заключалась в том, что у человека, глядевшего на пустыню и оставившего на песке свою тень, были небольшие рожки, а может, это и не рожки были на самом деле, а просто волосы легли таким образом, чтобы создалось определенное впечатление.

— Я прав? — переспросил Ритвелд, стоя за спиной Манна.

— Да, — сказал детектив. — Мало света. Я вот не разгляжу — это черт или вы сами?

— Лично я, — заявил художник, — ни в каких чертей не

верю, в Бога, кстати, тоже, но каждый решает это для себя, каждый видит то, что находится в его душе, внутри — понимаете? — и если вы увидели на картине черта, то это говорит о вашей определенной предрасположенности к...

— Глупости, — решительно сказал Манн. — Я тоже не верю в чертей, просто...

— Верите, — твердо сказал Ритвелд. — Внутренняя вера. Вы даже не осознаете. Замечательно. Это лишний раз доказывает, что вы именно тот человек, который способен разобраться в смерти Альберта.

— Да? — сухо сказал детектив. — Допустим. Но все-таки... Здесь почти не бывает солнца, как вам удастся...

— Хотите услышать мистическое объяснение? Вижу, мол, в полумраке? Нет, знаете ли, я действительно многое вижу — точнее, представляю себе, — не так, как остальные люди, но студию эту снял потому, что здесь относительно дешево. Понимаете, Тиль... Можно, я буду называть вас по имени, тем более что мы разобрались в этом казусе, я думал, что это часть фамилии, извините...

— Да-да, — прервал Манн художника, не знавшего, похоже, как выбраться из нагромождения фраз. — Можно по имени. Это дешевая студия, я понял.

— Но вы не поняли другого, — усмехнулся Ритвелд. — Куда уходят деньги, которые я зарабатываю. Это всем интересно. Всех я посылаю, когда мне задают этот вопрос, а вам отвечу, поскольку... ну, если вы на меня работаете, то имеете право знать больше остальных, верно? Я кладу деньги в банк. Вот и все. Оставляю себе минимум. Чтобы хватило.

Так и есть, подумал Манн. Гобсек.

— Я не сквалыга, — продолжал художник, — упаси Господь. Если нужно, могу выбросить сотню тысяч... Если очень нужно. Но... Поймите меня правильно. Ужасно боюсь старости. Немощи. Не смерти, а того, что ей предшествует. Ужасно боюсь. До одури. Это болезнь, я знаю. Фобия. Я консультировался. Но... Что есть, то есть. Коплю деньги, чтобы потом, в старости, когда не смогу держать кисть... Или перестанут покупать... В общем, вы понимаете?

— Да, — сказал Манн. — Пожалуй. До старости вам далеко. Сколько вам? Тридцать три?

— Тридцать семь. Выгляжу моложе.

— Вы уверены, что останетесь одиноким до старости? — вырвалось у Манна.

Ритвелд долго молчал, глядя на собственную тень, разлегшуюся на тонком песке африканской пустыни.

— Уверен, — сказал он наконец. — И, может быть, когда-нибудь объясню вам причину.

— Собственно, это неважно, — поспешил заявить Манн.

— Важно, — отрезал Ритвелд. — Просто вы этого еще не понимаете. Идите сюда. Вот они.

Шесть картин — квадраты со стороной примерно по полметра — стояли на мольбертах посреди мастерской, тусклый свет из окон падал на холсты, как вялый осенний дождь на городской асфальт, политый с утра из шлангов и не нуждавшийся в дополнительной влаге. Центром каждой картины было заходящее солнце.

На первой картине солнце заходило за резко очерченный склон далекой горы. Бордовое, мрачное, наверняка завтра будет сильный ветер, небо тоже пурпурно-бордовое внизу и желтоватое, сухое, рассыпающееся на атомы в зените, где висело, как полотенце на гвозде, единственное серое облако, похожее формой на расплющенного колесами автомобиля цыпленка. Что-то происходило на переднем плане — предгорье уже погрузилось во мрак, но какие-то тени остались, выглядели они так, будто Создатель бросил на середине работу по сотворению мира: то ли это были куцы, не разросшиеся до крон деревья, под которыми лежали дохлые звери (как они могли быть живыми, если у каждого чего-нибудь не хватало — ног, голов, хвостов, а то и самого туловища?), то ли полуразложившиеся создания, убитые или умершие своей смертью. Это был потусторонний мир, почему-то не страшный, но просто чужой, потусторонний не потому, что находился в стране смерти, а потому, что чужеродность его была изначально задана и выписана тщательно, уверенно и жестоко по отношению к нарисованным созданиям. И даже к солнцу, которое существовало зря и не было нужно ни этому миру, ни самому себе.

Такое, во всяком случае, сложилось у Манна мгновенное впечатление, и он перевел взгляд на вторую картину.

Праздник света и любви — будто переключил канал в телевизоре. Солнце заходило за крышу одноэтажного деревенского дома. Это был хорошо знакомый Манну домик в

голландской деревушке Мервеншдат, где он родился тридцать четыре года назад и где провел первые шесть лет своей жизни. И солнце было именно таким, какое всегда улыбалось ему по вечерам, когда мама укладывала его спать. Она говорила: «Детям нужно ложиться вместе с солнышком и вставать тоже с ним. Дети и солнышко — как близнецы, понимаешь?» И он шел спать, хотя хотелось еще поиграть, а утром не хотелось просыпаться, но нужно было, потому что первые лучи солнца падали на его лицо — мама так расположила кровать в его маленькой комнате, что в любое время года засыпал и просыпался он с солнцем, и только в ненастные дни, когда небо становилось безнадежно серым, мама обозначала заходы и восходы звоном часов, которые приносила в его комнату из своей с отцом спальни — это были большие карманные часы, точнее, часы для кармана какого-нибудь сказочного гиганта, именно поэтому они сами знали, когда солнце должно скрыться за горизонтом и когда должно появиться, и звонили тоже сами, Тиль не знал тогда, что часы можно поставить на нужное время, нажать кнопку на задней панели, и они сами зазвонят именно тогда, когда нужно маме... и солнцу, которое всегда входило в его комнату вместе с мамой и уходило тоже с ней. Однажды — навсегда.

Манн дернул головой, отгоняя воспоминание, и перевел взгляд на третью картину. Это был тщательно выписанный уголок Амстердама — похоже на берег Херенграacht на углу улицы Конингсплейн, но только похоже, а на самом деле это была какая-то другая улица, но непременно именно в этом городе, потому что на полотне присутствовал дух, какого нет нигде больше, Манн знал это на собственном опыте, даже если в Амстердаме не было на самом деле такого перекрестка, он должен был, обязан был здесь быть. А солнце прицепилось к шпилю трехэтажного здания постройки девятнадцатого века. Солнце было самым обычным, амстердамское солнце сентября или октября, — это почему-то Манн безошибочно мог определить по цвету, по яркости, по едва различимым перистым облачкам на обычном амстердамском голубовато-сером небе. Покой. На картину хотелось смотреть и ждать — бесконечно долго, — пока солнце оторвется наконец от шпиля и скатится за конек крыши, и тогда станут видны внутренние помещения этого дома, по-

тому что лучи непременно проткнут здание насквозь, как рентген, как мысль, как фантазия, как желание знать...

На четвертой картине солнце опускалось в море. Может быть, в океан. Водная ширь была бесконечной, как Вселенная, солнце было далеким, как звезды на уже потемневшем небе, а звезды, хотя и выглядели точками, почему-то казались такими же близкими, как заходившее солнце. Впечатление было странным, абсурдным, но избавиться от него Манн не мог и искоса бросил вопросительный взгляд на художника, стоявшего рядом. Ритвелд сложил руки на груди и созерцал собственные полотна, будто не сам был их автором, а вместе с Манном сейчас впервые видел то, что порождено было его воображением.

Наверно, так и должно быть в реальной бесконечной Вселенной, подумал Манн. Ведь для бесконечности нет расстояний, нет понятий «далеко» и «близко», и если этот океан так же бесконечен, как небо над ним, то и звезды, и солнце должны быть равно удалены от его нескончаемой поверхности.

Мысль была, конечно, неправильной, но отделаться от нее Манн не мог, взгляд погружался в океан, и солнце виделось будто сквозь водяную пленку, а потом взгляд поднимался над поверхностью воды, и она начинала блестеть, как тусклое зеркало, в котором свет звезд и солнца смешивался в равной пропорции, и тогда Манн не мог понять — закат это был, или восход, или, может, даже ясный полдень в арктических широтах, где солнце никогда не поднимается высоко над отсутствующим горизонтом. А ведь горизонта на картине действительно не было, неожиданно понял детектив, просто ниже солнца была голубизна океана, а выше — голубизна неба; в океане звезды только отражались, а в небе светили собственным светом...

...который почему-то освещал и пятую картину, где художник изобразил лесную поляну. Деревья переплелись ветвями, стволами, какими-то невидимыми отношениями любви и ненависти; эти отношения Манн легко угадывал, но не смог бы объяснить ни себе и никому другому. Почему он вдруг решил, что дуб, изображенный справа, терпеть не может березку на переднем плане, а березка, прислушив ветви, влюблена то ли в клен, то ли в липу — породу дерева Манн определить не мог, но точно знал, что между бе-

резой и этим вытянувшимся за верхний предел картины стволом давно существовали близкие и интимные отношения. А солнце заходило где-то сзади. Солнца и не видно было, но все равно оно присутствовало, оно создавало на картине свет заката, настроение теплого вечера, оно... солнце было здесь, посреди поляны, невидимое взгляду, но заставлявшее деревья отбрасывать тени, которые ни при каких иных обстоятельствах не могли существовать.

И все. Шестая картина была лишней. Почему-то Манну даже не хотелось на нее смотреть. Мольберт с холстом стоял в общем строю, требовал к себе такого же внимания, но или взгляд устал, или внимание вдруг рассеялось, или иное какое-то ощущение возникло, не предусмотренное художником, а может, как раз наоборот, — очень точно им предугаданное, но, как бы то ни было, шестая картина осталась вне восприятия. Ну, заходит солнце. То ли в поле, то ли на сельской или городской окраине. Наполовину скрылось, ничего особенного. Пейзаж. Можно было и не рисовать, подумаешь, невидаль...

— Ну? — сказал Ритвелд, когда Манн, пройдя мимо шестой картины, нашел взглядом стоявший у дальней стены пуфик и опустился на него, как усталая барышня после долгой прогулки с кавалером по шумной улице с многочисленными витринами, от которых невозможно отвести взгляд.

Манн покачал головой. Наверно, хорошо. Наверно, каждая картина действительно стоила десятки тысяч. Он не был специалистом. Он не знал. Он бы хотел повесить у себя в офисе картину номер четыре — чтобы всегда помнить о бесконечности мироздания и собственной ничтожности. Остальные... Наверно, был какой-то смысл в том, чтобы показывать полотна в определенной последовательности. Наверно, был смысл в том, чтобы рисовать именно так. Но важно ли это? Для него лично, для расследования, для смерти некоего Альберта Койпера — важно?

— Я не специалист, — извиняющимся тоном проговорил Манн. — Мне понравилось.

Ритвелд кивнул, будто и не ждал иного ответа.

— Вы полагаете, что эти картины имеют к смерти Койпера какое-то отношение? — спросил Манн.

— Не знаю, — мрачно сказал художник. — Надеюсь, что никакого. Вы мне скажете это, когда...

Манн кивнул.

— И вы теперь боитесь за себя. На мой вопрос «почему» вы не ответили.

— Как же? — растерялся Ритвелд. — Я... Я вам все рассказал! И про картины, и о пожаре, и о том, что я выставил оригиналы, будто новые...

— Верно, — кивнул детектив. — И что же? Допустим, некто узнал о вашей афере. Он пошел к Койперу и убил его? Зачем? Почему не пришел с обвинением к вам? Если целью был шантаж, то с вас взять — более естественно, чем с копииста. И если цель — шантаж, то убийство не вписывается. Шантажисты не убивают — поверьте, я имел с ними дело. Уверяю вас; если Койпера действительно убили, причина, скорее всего, не имеет к вам ни малейшего отношения. С точки зрения здравого смысла, — добавил Манн, мысленно допустив, что в мире искусства здравый смысл далеко не всегда играет определяющую роль.

— Или вы мне не все сказали, — проговорил детектив несколько минут спустя, прервав молчание; Ритвелд стоял, сложив на груди руки, переводил взгляд с картины на картину, хмурился и, возможно, действительно думал о чем-то таком, что не хотел говорить Манну.

— Почему? — спросил Ритвелд у солнца, заходившего в море на четвертой картине. — Почему умер Альберт, молодой человек, никогда и ничем не болевший? Почему он умер после того, как я показал оригиналы? Почему все — все! — критики, видевшие картины, утверждают, что они хуже прежних, хотя я вижу, что это не так, и Альберт видел то же, что я?

— Койпер присутствовал на вернисаже? — спросил Манн. — Вы мне об этом не говорили.

— Да, он пришел... Стоял в углу. Не хотел обращать на себя внимание. Я не подходил к нему, он сам... Подошел и сказал тихо: «Они стали лучше». И ушел. Больше я его не видел.

Машина у Манна была маленькая — «Пежо», только такие и выживали на узких амстердамских улицах, а большие и шикарные «кадиллаки» бились, как блюдца. Детектив сел за руль, включил двигатель и долго сидел с работающим двигателем. Он размышлял над словами художника, пытал-

ся понять его логику, которой скорее всего не было — люди искусства жили чувствами, подсознательными импульсами, логика им не свойственна, и потому понять своего клиента Манн не пытался. Хорошо, что криминалистика — наука, работа, профессия, а не способ самовыражения, познания себя и своего места в мире. Будь это так, Манну с его рациональным характером пришлось бы искать другое занятие — программирование, например.

Тронув, наконец, машину с места, Манн свернул на набережную Рокин и, доехав до Аудиториума, поставил «Пежо» на стоянку и пешком направился к Керкстраат, где вдоль тротуаров росли каштаны, а туристов было больше, чем воробьев на карнизах.

Как он и ожидал, у дома, где расстался с жизнью Альберт Койпер, дежурил полицейский в чине сержанта, молодой парень, которого Манн видел два раза в компании старшего инспектора Мейдена, наверно, один из его помощников. Значит, делом занимается Мейден. И следовательно, версия о естественной кончине художника полицию тоже не устроила.

— Здравствуйте, Ханс, — приветливо сказал Манн, — шеф внутри или вы тут один прозябаете?

Сержант перевел взгляд с витрины магазина сексуальных принадлежностей на выросшего перед ним детектива и произнес флегматичным тоном, не допуская, однако, никаких возражений:

— Входить нельзя, герр Манн. Только по личному распоряжению старшего инспектора Мейдена.

— Это понятно, Ханс, — благодушно сказал Манн. — Я и спрашиваю: можно ли мне видеть старшего инспектора Мейдена?

— Конечно, — улыбнулся сержант. — Старший инспектор вас уважает, герр Манн, он сам говорил дня три или четыре назад.

— Так как же мне его увидеть, — с нетерпением проговорил детектив, — если, при нашем взаимном уважении, он находится внутри, а я — снаружи?

Дилемма показалась сержанту неразрешимой, о чем свидетельствовал его застывший взгляд и три глубокие морщины, прорезавшие гладкий молодой лоб. Если он еще сильнее углубится в размышления, подумал Манн, мимо него можно будет пройти и бедняга ничего не заметит.

— Вот что, — решил наконец сержант, — вы подождите здесь, а я пойду спрошу старшего инспектора.

— Не годится, — отмел предложение Манн. — Что мне делать, если кто-то захочет войти внутрь? У меня нет личного распоряжения старшего инспектора Мейдена не пускать никого, кроме...

— Кроме? — подозрительно спросил Ханс.

— Разве, — удивился Манн, — старший инспектор Мейден не сделал для меня исключения? Вы сами сказали только что, как он меня уважает.

Сержант погрузился в раздумья, но проблема разрешилась сама собой: дверь распахнулась, и на улицу вышел старший инспектор Мейден в сопровождении судмедэксперта управления внутренних дел майора Шенде. Увидев детектива, Мейден воскликнул:

— Добрый день, дорогой Тиль! Я ждал вас чуть раньше и, как видите, уже собрался уходить.

Настала очередь Манну удивиться, чего он и скрывать не стал.

— Вы меня ждали, старший инспектор? Почему? Еще час назад я не...

— Дорогой Тиль, вы не хотите думать! Разумеется, я установил наблюдение за домом и мастерской Ритвелда, и мне сообщили, как только...

— Я мог и не принять предложение, — пробормотал Манн, в мыслях укоряя себя за очевидный прокол: ему и в голову не пришло проверить, ведется ли наблюдение за художником.

— Не могли! — бодро провозгласил инспектор Мейден. — Не такое у вашей фирмы финансовое положение, чтобы отказываться от выгодного и простого дела.

— Простого? — уцепился Манн за наверняка не случайно сказанное слово.

— Простого, — твердо повторил Мейден. — Давайте договоримся, Манн. Я разрешу вам прочитать кое-какие страницы из материалов расследования — когда все будет надлежащим образом оформлено, конечно, — а вы расскажете мне, почему смерть Койпера так взволновала Ритвелда. Что общего между этими людьми? Вы понимаете, какая именно информация меня интересует?

— Разумеется, — кивнул Манн. — И поскольку вас ин-

интересует подобная информация, вы не уверены в причине смерти Койпера.

Мейден внимательно посмотрел Манну в глаза (тот не опустил взгляда) и сказал:

— Дорогой Тиль, меня интересует не Койпер, а ваш клиент.

— Мой клиент? — нарочито удивился Манн.

— Давайте изменим условия еще не заключенной сделки. Я расскажу вам, что знает полиция, а вы мне скажете, почему Ритвелд уверен в том, что Койпера убили.

«Черт, — подумал Манн, — надо сто раз думать, прежде чем открывать рот в присутствии Мейдена. Почему я каждый раз допускаю, что инспектор менее умен, чем мне это доподлинно известно по прежним встречам?»

Ответ был прост: выглядел Мейден простецким парнем, недалеким и говорливым полицейским, и даже те, кто хорошо знал жесткий и расчетливый ум старшего инспектора, в первые минуты разговора с ним поддавались влиянию внешних факторов, забывая на время о том, что нужно остерегаться и не говорить лишнего.

Изображать перед Мейденом святую невинность было по меньшей мере глупо, но и пересказывать соображения художника Манн не собирался, тем более что в соображениях этих для старшего инспектора не было, скорее всего, ничего интересного.

— Койпер был на вернисаже у Ритвелда, — доверительно сообщил Манн о том, что Мейдену, скорее всего, было уже известно. — Они обменялись парой слов, а наутро Койпера нашли мертвым. Художники — люди очень чувствительные, замечают самые незначительные детали...

— Хотя чаще всего потом не могут их описать словами, — сказал Мейден. — Художники, дорогой Тиль, самые ненадежные свидетели, смею вас уверить, если вы в этом еще не убедились сами.

— Как свидетели — наверно, — согласился Манн. — Выступая свидетелем, художник вынужден рассказывать не о своем восприятии реальности, а о реальности как таковой. А есть ли реальность как таковая в сознании художника?

— Оставим это, — покачал головой Мейден. — На какую деталь обратил внимание ваш клиент, разговаривая с Койпером?

— Это не деталь реальности, а впечатление, и потому я склонен верить... На Ритвелда Койпер произвел впечатление человека, удовлетворенного жизнью. Человека, строившего планы не будущее, — он не сказал ничего о своих планах, но Ритвелд убежден, что такие планы у Койпера были. И потому, узнав о самоубийстве...

— Разве газеты писали о самоубийстве? — прервал Манна Мейден. — Если так, то журналисты, как обычно, выдали одну из версий за единственную.

— Несчастный случай? — поднял брови Манн.

— Макс, — обратился инспектор к стоявшему рядом с безучастным видом майору Шанде, — скажите, что вы думаете о безвременной кончине господина Койпера.

Судмедэксперт сделал вид, что только сейчас заметил присутствие постороннего.

— Не считаю — сказал он, — что кончина эта была безвременной. Когда бы человек ни ушел из нашего мира, значит, настало его время. Для одних время наступает на сотый год жизни, для других — на второй...

Заметив, что Манн готов еще долго выслушивать лекцию и не собирается прерывать ее нетерпеливым жестом или, тем более, словом, майор Шанде бросил фразу на середине, будто недоеденный кусок бутерброда, и перешел к делу:

— Смерть наступила вчера между полночью и двумя часами ночи. На теле нет признаков насилия — впрочем, полное обследование еще не проводилось. Внешние признаки — закусенная губа, синюшные пятна на кончиках пальцев, выражение страха на лице — очевидные свидетельства неожиданного сердечного приступа. Положение тела свидетельствует о том же. Есть факторы внешнего порядка, заставляющие отбросить версии об убийстве или самоубийстве.

— Внешнего порядка, — хмыкнул Мейден, — это закрытые двери и окна, отсутствие предсмертной записки, запись в дневнике, согласно которой господин Койпер собирался сегодня встретиться с заказчиком, а в четверг посетить вернисаж в музее Ван Гога. Кстати, на пятницу у него билет в оперу на «Королеву фей». Так что, как видите, дорогой Тиль...

— Да, — пробормотал Манн, — согласен. Особенно если вскрытие подтвердит...

— Безусловно подтвердит, — сказал майор Шанде. — Извините, мне нужно ехать...

— Да, конечно, — кивнул старший инспектор. — Когда вам позвонить, Макс?

— Я сам вам позвоню, как только закончу, — бросил судмедэксперт, повернувшись к Манну спиной.

— Можете не сомневаться, — сказал Мейден, — окончательный результат окажется таким же, как предварительный. На моей памяти, во всяком случае, иного результата не было.

— Сердечный приступ, — сказал Манн. — У тридцативосьмилетнего, совершенно здорового мужчины. Вы сами не уверены в том, что Койпер умер от инфаркта. Иначе зачем поставили наблюдение у дома Ритвелда?

— Не ловите меня на слове, — усмехнулся Мейден. — Наблюдение уже снято. Вчера у меня действительно возникли сомнения, но после того, как майор...

— Могу я узнать, какие сомнения у вас возникли? — вежливо поинтересовался Манн.

— Не имеет значения, — отмахнулся Мейден. — Я ошибся. Или право на ошибку вы признаете только за собой? Простите, Тиль, мне тоже нужно ехать.

Он крепко схватил Манна за локоть и пошел в сторону Аудиториума.

— Если Койпер умер от инфаркта, — сказал Манн, — зачем тогда охрана?

— Сразу сниму, когда получу от майора официальное заключение, — буркнул Мейден.

— Господин Манн, — сказала консьержка, когда детектив проходил мимо, направляясь к лифту, — могу я напомнить вам, что тридцатого числа госпожа Хофф имеет обыкновение сдавать в банк полученные чеки?

Манн остановился. Он всегда останавливался и заговаривал с фрекен Гилдой, ему нравилась эта улыбчивая женщина, она всегда была в том возрасте, который ей хотел дать собеседник. Манн никак не мог разрешить этой загадки: иногда ему хотелось видеть перед собой семидесятилетнюю старушку, и фрекен Гилда так и выглядела — седенькая, маленькая, с морщинками вокруг глаз. А иногда он выходил из лифта с желанием увидеть на месте консьержки молодую женщину с горящими от вожделения глазами — и она там действительно сидела: пухленькая, с упругой

грудью, призывным взглядом и улыбкой, которая ничего, кроме желания немедленно отправиться в постель, означать не могла. И то, что всякий раз это была одна и та же, много лет знакомая фрекен Гилда, о которой Манну было точно известно, что ей недавно исполнилось пятьдесят семь, поражало его, заставляло замедлить шаг, остановиться, сказать какую-нибудь сентиментальную пошлость. С трудом подавляя возникавшее желание, он выходил из дома, в котором снимал двухкомнатную квартиру на седьмом этаже — с видом на Амстель. Или, как сейчас, входил и непременно, прежде чем направиться к лифту, ловил взгляд фрекен Гилды и перебрасывался с ней хотя бы двумя словами.

— Вот как? — сказал он. — Госпожа Хофф хочет сказать, что среди чеков нет моего? Видимо, она что-то напутала: я послал ей чек по почте как обычно, семнадцатого числа. Вы же знаете, фрекен Гилда, мою пунктуальность.

— Конечно, — улыбнулась консьержка. — Вы даже помните дни моего рождения, хотя, честно вам признаюсь, лучше бы никто об этом не вспоминал. Извините, герр Манн, если я вас обидела напоминанием, я как-то автоматически... Всем говорю, кто проходит мимо, вот и... Еще раз извините.

— Забыто, — бодро сказал Манн. — Как и дни вашего рождения.

Поднимаясь в лифте, Манн раздумывал над словами консьержки, в какой-то момент пробудившими то ли забытое, то ли попросту не существовавшее воспоминание. *Deja vu*, но странное, посещавшее Манна в разное время независимо от сознательных желаний, — картинка, о которой он не мог сказать, напомнила ли она ему виденное в прошлом или показала нечто, предстоявшее в будущем. Часто это ощущение так и оставалось необъясненным и для Манна необъяснимым. В мистику и оккультизм любого рода он не верил и полагал, что когда-нибудь, если выдастся хотя бы неделя свободного от беготни времени, он непременно закроет все двери, выключит все телефоны, сядет в гостиной на полу в позе лотоса и предастся самопознанию, до которого в суете дней у него не доходили руки, а точнее, мозг.

Манн собирался принять душ, переодеться и отправиться в картинную галерею ван Дармлера, где к вечеру обязательно соберется весь амстердамский бомонд, даже те, что ни уха ни рыла не понимали в выставленных для показа

произведениях модного авангардиста Юлиуса Клавеля. Манну его мазня не то чтобы не нравилась, бывает мазня похуже, но нарочитый примитивизм раздражал, как выставленные напоказ гениталии. Примитивизм в реалистической живописи он понять мог, а в живописи абстрактной... Но в галерее можно будет что-то услышать, разговоры бывают интереснее картин.

Выходя из ванной, он услышал телефонный звонок и схватил трубку, не выпуская из рук полотенца.

— Шеф, — сказал звонкий голос Эльзы, — вы знаете, найти координаты Кейсера оказалось не так-то просто.

— Да? — удивился Манн. — Разве его фамилии нет в телефонной книге в разделе «Типографии и книгопечатание»?

— Я тоже была в этом уверена. Нет, шеф. И в других разделах тоже.

Бывает. Люди довольно часто ищут уединения и исключают свое имя из списков абонентов. Но Кейсер — бизнесмен. Как же он находит клиентов для своей типографии, если его фамилии даже нет в телефонной книге?

— Странно, — вслух подумал Манн. — Если Кейсер не дает объявлений, как он ведет свой бизнес?

— Шеф, — вскричала Эльза, и Манн отодвинул трубку от уха, — мне тоже пришла в голову эта мысль! Я позвонила Аните, а она связалась с Клариссой, вы их не знаете...

— И знать не хочу, — пробормотал Манн, цепочки Эльзиных знакомых порой оказывались такими длинными, что, будь каждое из звеньев золотым колечком, надеть такую цепь на шею было бы невозможно — она волочилась бы по полу. Подруг у Эльзы было пол-Амстердама, Манн представления не имел, когда и как молодая девушка (Эльза всем говорила, что ей двадцать, хотя по документам — уж Манн-то знал, поскольку, принимая ее на работу, видел паспорт — исполнилось двадцать четыре) успела перезнакомиться с половиной женского населения города, включая жительниц квартала красных фонарей, куда порядочные девицы предпочитали не заходить, ссылаясь при этом не на наличие проституток, а на запах, который порой действительно не очень благоприятным образом действовал на нервную систему — не только женщин, но и на все готовых мужчин.

— ...Так Эмма сказала, что типография Кейсера уж скоро год как не выполняет заказы, хозяин меняет оборудова-

ние, а еще он в прошлом году женился, взял молоденькую, из Роттердама, представляете, это же все равно что жениться на простолюдинке, у них там...

— Спасибо, дорогая, — прервал Манн поток Эльзиного красноречия. — Резюмирую: типография закрыта, идет смена оборудования, хозяин женился... Это все?

— Вам, конечно, мало, — обиженно отозвалась секретарша.

— Ну что ты! — Девушке следовало дать конфетку, чтобы она не разревелась от шефского невнимания к ее стараниям. — Ты лучшая секретарша на свете. Я собираюсь сейчас в галерею ван Дармлера...

— На выставку Клавеля?

— Ты там уже была?

— Нет, — сказала Эльза таким тоном, что дальнейшие вопросы выглядели излишними.

На картины Манн не смотрел — чтобы не раздражаться. Но бродить по залам и ни разу не взглянуть даже краем глаза на полотна, одно из которых занимало всю стену в центральном проходе, было невозможно. Мазня, конечно, но многим нравилось, Манн подметил две группы, намеренно не обращавшие друг на друга внимания, — в одной витийствовал, тыкая пальцем в ту или иную деталь картины, известный критик Хойфер, писавший для «Таг», а в другой группе не менее известный искусствовед Мариус Унгер излагал свои соображения голосом тихим, заставлявшим слушателей приблизиться вплотную, и потому толпа здесь была больше похожа на клубок тел, приклеенных друг к другу дурно пахнущим синтетическим клеем.

Почему Унгер ассоциировался с неприятным запахом, которого на самом деле не было, Манн объяснить не мог, но инстинктивно обходил этих людей стороной, выглядывая кого-нибудь, кто мог дать хоть какую-то информацию.

В одной из групп говорили о смерти Койпера, и Манн прислушался.

— Покончил с собой...

— ...Глупости. Он такой жизнелюбивый. Просто сердце не выдержало...

— Чего? Разве у него были проблемы?

— А разве сердцу, чтобы не выдержать, нужны пробле-

мы? Анни прошлым летом скончалась, помните, тридцать два года, такой муж, дети, свой дом, какие проблемы, живи — не хочу, а сердце — бум, и все...

— Да, это я понимаю...

Чушь, пустые разговоры. Но что характерно — никто (Манн вслушивался внимательно и нужной фразы не пропустил бы) не высказал ни малейшего сомнения в том, что смерть Койпера могла произойти не от естественной причины. Об убийстве никто и слова не промолвил. Даже самоубийство практически не обсуждалось — похоже, поводов для того, чтобы уйти из жизни, у художника действительно не было.

— Простите, — произнес у него над ухом тихий голос, — вы ведь Тиль Манн, я не ошибся?

Манн обернулся и увидел низенького человечка, пухлого, как сэр Джон Фальстаф в исполнении актера-недомерка. Росту в говорившем было не больше метра шестидесяти, а может, и того меньше. Во всяком случае, Манну с его метром и семьюдесятью пятью сантиметрами этот человек едва доставал до плеча. Был он в хорошем темно-сером костюме от Камдаре, напояженные волосы, окружавшие лысую макушку, производили странное впечатление единственного широко раскрытого глаза, тем более что настоящие глаза были опущены долу.

— Да, — сказал Манн, — а вы...

— Питер Кейсер, все виды печати, к вашим услугам. Я слышал, вы мной интересовались, и решил не затруднять вам поиски...

— Не то чтобы интересовался, — протянул Манн, — но поговорить действительно было бы неплохо.

— Здесь?

— Нет, — улыбнулся Манн, — здесь можно говорить только о художниках и картинах, а я хотел спросить вас о другом...

Через несколько минут они заняли столик в кафе «Мангуста» — это было обычное во всех отношениях заведение, где хозяйничали два пожилых араба, разносившие еду с медлительностью восточных шейхов, опустившихся на старости лет до занятия, которое презирали всю свою сознательную жизнь.

— Рыба с картофелем, салат, пиво, — заказал Манн и вопросительно посмотрел на Кейсера.

— Повторите, — кивнул шейху типограф и добавил: — Ваш сын, надеюсь, оправился от пневмонии?

— Спасибо, — пробасил араб, — все уже в порядке, но к работе я его пока не допускаю — на кухне жарко, и легко опять простудиться.

— Вы знаете хозяев? — спросил Манн, когда араб отошел. — Вы здесь часто бываете?

— Почти каждый день, — рассеянно отозвался Кейсер. — У Махмуда лучшая рыба в Амстердаме, и если вы этого не знаете, господин Манн, то одно из двух: или не едите рыбу, но тогда почему заказали именно ее, или посещаете только дорогие рестораны.

— Дорогие рестораны мне не по карману, — улыбнулся Манн, — а рыбу я очень люблю, потому ее и заказал. В этом заведении я действительно никогда не был, но причина прозаическая — чаще всего я обедаю рядом с офисом, а завтракаю дома. Ужинать приходится не всегда, вечером много работы, такая уж профессия...

— Вы по профессии...

— Вам не сказали? Частный детектив.

— Вот как?

— Да? — напомнил о себе Манн, потому что Кейсер долго погрузился в раздумья.

— Нет, ничего, извините. Странно. Мне казалось, что мы будем говорить об Альберте.

— О Койпере? Разумеется, о ком же еще?

— Ну... Что может заинтересовать детектива в смерти бедняги Альберта?

— Вы тоже полагаете, что он умер от сердечного приступа?

— Так говорят все, — осторожно сказал Кейсер и слегка отодвинулся от стола — подошел молодой араб с тонкими, скорее не арабскими, а французскими усиками, и принялся расставлять тарелки, соусницы, хлебницу с только что выпеченными лепешками. Рыба выглядела очень аппетитно, картошка была именно такой, какую любил Манн, и когда, откупорив бутылки с «Хейнекеном», официант отошел, оба набросились на еду, не обращая друг на друга внимания.

— Господи, — сказал Манн, отдышавшись, — давно не получал такого удовольствия.

— Я же говорил... — пробормотал Кейсер, пережевывая остатки салата. — А если Альберт умер не от сердца, то от чего, по-вашему?

Будто и не было перерыва в разговоре! Он держал в уме эту фразу все время, пока тщательно прожевывал каждый кусочек рыбы?

— Всегда буду обедать только здесь, — сказал Манн. — Умер господин Койпер именно от сердца, это медицинский факт.

— Но вы только что сказали...

— Не только что. Двадцать минут назад.

— И, пока ели рыбу, успели передумать?

— Скажите, Питер... Я могу вас так называть?

— Да, разумеется, — пожал плечами Кейсер.

— Скажите мне, Питер... Вы давно знакомы с Койпером?

— Лет пятнадцать.

— Он был хорошим художником?

Кейсер поднял на детектива удивленный взгляд.

— Да, безусловно, — сказал он. — Вы считаете иначе?

— Я не большой знаток живописи, — покачал головой Манн. — Если говорить правду, я в ней вообще ничего не понимаю. Если вы мне покажете неизвестные картины Рембрандта и Рубенса, я не смогу определить, кто из них автор.

— Тогда я не понимаю, — пробормотал Кейсер, — почему вы хотите говорить об Альберте, если... А, вот оно что! Вас наняли. Ну конечно! Как я сразу не догадался? Детектив. Я почему-то решил, что Альбертом вы заинтересовались не в силу своей профессии, а потому что... Любить искусство может кто угодно, верно? Детектив — человек, почему бы ему в нерабочее время... А вы... А на самом деле... Вот оно что...

Кейсер щелкнул пальцами, подскочил мальчик-официант, типограф что-то быстро сказал ему по-арабски, мальчик ответил, купюра, достоинства которой Манн не успел разглядеть, перекочевала из кошелька Кейсера в ладонь официанта, и тот исчез, будто надел шапку-невидимку.

— Извините, — сказал Кейсер, вставая. — Я совсем за-

был, у меня много дел, пора ехать. Подвезти не предлагаю, еду за город. Всего хорошего, рад был познакомиться.

Манн доел рыбу в одиночестве, допил пиво, подозвал официанта и протянул ему двадцать гульденов.

— Другой господин заплатил за все, — мальчик не стал брать деньги, даже отступил на шаг, чтобы не предаться соблазну.

— Другой господин... — протянул Манн. — Ты его знаешь? Он здесь часто бывает?

Мальчишка, не искушенный в жизненных сложностях и не знавший еще, что не на каждый вопрос клиента нужно давать правдивый ответ, сказал:

— Часто, да. Раза четыре в неделю. Не по субботам и воскресеньям.

— Днем или вечером?

— Днем, господин. В обед.

— Очень хорошо. — Манн вложил купюру в ладонь мальчика. — Бери, я знаю, что мой друг уже заплатил. Это тебе.

— Спасибо, господин...

Вряд ли Кейсер имеет какое-то отношение к смерти Койпера, думал Манн, выезжая к каналу Херенграacht. Ехал он в сторону своего офиса, но не уверен был, что доедет: надеялся, что его посетит какая-нибудь здравая мысль, и тогда он повернет в ту сторону, куда эта мысль его направит.

Кейсер готов был говорить о Койпере и его смерти с людьми искусства или даже с детективом, если детектив, как прочие смертные, увлекается живописью. А с детективом, расследующим дело о смерти художника, Кейсер говорить не пожелал. Есть что скрывать? Вряд ли, тогда типограф просто не подошел бы к Манну. А если скрывать ему нечего, почему он поторопился уйти? Ответ вроде бы очевиден: боится, что каким-либо образом всплывет дело семилетней давности.

Да? Дело давно забыто, никто — ни полиция, ни страховая компания — семь лет о нем не напоминал. Художник умер своей смертью. С чего Кейсеру бояться расследования?

Втиснув машину между двумя грузовичками, каждый из которых казался более пригодным для перевозки игрушек, чем для чего-то более громоздкого, детектив поднялся по

ступенькам к знакомой коричневой двери с медной табличкой: «Тиль Манн. Частные расследования». Никакая здравая мысль в голову не пришла — возможно, просто не успела, здравые мысли ужасно медлительны, — значит, придётся войти и заняться текучкой, разбираться в трех бракоразводных процессах, думать о которых Манну сейчас не хотелось, а Эльза, конечно, сразу подсунет ему на подпись платежные ведомости...

— Я поговорила с Далией, — сказала Эльза, как только Манн появился в дверях. — Вы знаете Далию Кадмон? Нет? Это секретарша Андреа Баклендера.

— Баклендер? Знакомая фамилия. Магазин «Рико» на Альбертграахт?

— Нет, тот Генрих, а не Андреа. Этот Баклендер — хозяин типографии, в которой печатают «Таг», «Вокс», самые популярные журналы и газеты в Голландии. Огромное производство...

— Не чета кейсеровскому, — кивнул Манн. — Художественные альбомы он тоже выпускает?

— Художественные... Не знаю. Выяснить?

— Потом. Рассказывай дальше.

— Далия говорит, что ее хозяин на прошлой неделе обедал с Кейсером. Она сама передавала приглашение.

— Баклендера — Кейсеру?

— Нет, Кейсера — Баклендеру. Кейсер позвонил, просил соединить с хозяином. Далия, естественно, спросила, по какому вопросу; тот сказал, что есть очень выгодное дело, которое он хотел бы обсудить. Далия передала хозяину, тот сам говорить с Кейсером отказался, так они и договаривались — через Далию.

— Значит, она в курсе — где, когда...

— И даже более того: она записала все телефоны господина Кейсера, его домашний адрес...

— Это еще зачем?

— Вдруг телефоны будут отключены, а господин Баклендер захочет сообщить об отказе от встречи? Нужно предусмотреть все варианты.

— Похвально!

— И адрес типографии господина Кейсера, — закончила Эльза.

— Потрясающе, — с искренним восхищением сказал

Манн. — Не знаю, что я бы делал без тебя и особенно — без твоих друзей.

— Вам принести кофе? — потупив взгляд, спросила Эльза.

— Принеси, — кивнул детектив. — И информацию по Койперу.

— Да вот она, — показала Эльза на лежавший сверху листок.

Проживал Кейсер в районе Стотервард — неплохое место, пруды, зеленые дорожки. В стороне от каналов, которые, возможно, вызывали у типографа неприятные ассоциации, ведь именно на берегу канала Кейзерсграахт находилась сгоревшая типография. А может, у Кейсера была другая причина для переезда.

Эта информация могла иметь важное значение, а могла и не иметь никакого. Новая типография располагалась, естественно, не в центре города, а на промышленной окраине, в Оостзане, и это обстоятельство тоже было, скорее всего, совершенно неважно.

Пустое дело. Решительно не за что зацепиться. Нужно позвонить Ритвелду и отказаться.

Манн знал, что не сделает этого.

Посидев минуту в раздумье, он включил компьютер и вышел в Интернет. Начнем с заказчика. Христиан Ритвелд, художник, что мы по нему имеем? Семьдесят шесть документов, двенадцать — каталоги выставок. Вот картины, из-за которых критики напали на беднягу-художника, изображения мелкие, никакого сравнения с теми удивительными полотнами, которые Манну показал Ритвелд.

Три документа вообще к делу не относились — какой-то другой Ритвелд, не Христиан вовсе, а Хенрик, это можно пропустить. Отправившись по одной из оставшихся ссылок, Манн неожиданно попал на сайт Амстердамского университета. Факультет философии, список студентов. Ритвелд Христиан, поступил на заочное отделение в 1994 году, совсем недавно, и четырех лет не прошло, это уже после истории с подменой картин, вот любопытно, неужели Ритвелд тогда впал в депрессию и решил с горя удариться в философские изыскания? Вряд ли, да и проучился он недолго, видимо, терпения не хватило, ушел с третьего курса, но успел получить первую степень.

Почему он ни словом не обмолвился о своей учебе? Посчитал зазорным или несущественным?

К черту. Просто я так и не представляю, с какого конца взяться за это нелепое расследование, подумал Манн. Да, копиист умер после того, как побывал на выставке Ритвелда и увидел полотна, с которых делал копии семь лет назад. И что? Художник разглядел в смерти Койпера опасность для себя. Паранойя, беспричинный страх разоблачения. Глупости. Не естественнее ли было шантажисту начать с художника или типографа — ведь именно они слупили со страховой компании большие суммы, а не копиист. Может, шантажист об этом не знал и начал с Койпера, полагая, что получит с него больше, а когда убедился в обратном, то... Что? Убил?

Глупость. Шантажисты не убивают. Он просто поменял бы объект шантажа. И, ко всему прочему, что это за шантажист такой, который, начиная требовать деньги, не знает точно, в чем заключалась роль каждого из участников той давней аферы?

Вот, посидел, подумал — и стало ясно, что недоучившийся студент-философ и художник Христиан Ритвелд во все не для того позвал к себе частного детектива, чтобы найти мнимого убийцу Койпера. Никто Койпера не убивал, никакая опасность Ритвелду не угрожала.

Чего же он тогда хотел от расследования на самом деле? Просто так свои тайные шкафы не открывают — Ритвелд не мог не понимать, что частный детектив не имеет права скрывать от полиции правонарушения своих клиентов. Чаще всего все-таки скрывают, Манн тоже так поступал, когда правонарушения оказывались несущественными, но знание о них помогало расследованию — и что это были за расследования: муж думает, что жена ему изменяет, и нанимает детектива, чтобы тот проследил, куда она ездит по вечерам (да, изменяет — с лучшей подругой, и что?), или двое не поделили нажитое вместе имущество, у жены подозрение, что муж купил дом и оформил на себя...

Но Ритвелд и Кейсер накрыли страховую компанию на внушительную сумму. Зачем художник рассказал об этом, если на самом деле не боялся шантажиста и не полагал, что Койпер был убит, а не умер своей смертью?

— Здравствуйте, старший инспектор... — сказал Манн, когда, набрав номер, после серии долгих гудков услышал

наконец недовольный голос. — Не буду вас задерживать. Результат экспертизы уже известен?

— О чем вы разговаривали с Кейсером в заведении Махмуда? — вопросом на вопрос ответил Мейден.

— От вас ничего не скроешь, — притворно вздохнул Манн. — О Койпере, конечно. Кейсер уверен, что художник не покончил с собой. Не тот тип. Но и убийства быть не могло — нет мотива. Похоже, ваш врач прав — бедняга умер от инфаркта, и не нужно усложнять простое дело.

— Мотив действительно не просматривается, — медленно проговорил Мейден, обдумывая услышанное. — Но, тем не менее, теоретически это могло быть и убийством.

— Как? — поразился Манн. Он уже успел свыкнуться с мыслью о том, что расследовать ему придется не смерть Койпера, а странное поведение Ритвелда. — Майор при мне утверждал...

— Вскрытие показало довольно специфическую картину. Не стану зачитывать вам заключение, там слишком много терминов. Безусловно, обширный инфаркт, Койпера не спасли бы, даже если бы «скорая» примчалась через минуту после начала приступа.

— Тогда в чем же...

— Есть детали, не характерные для инфаркта... где это?.. Вот: «Разрыв задней стенки левого желудочка по...» Слишком длинное предложение, дорогой Тиль, а смысл в том, что при обычных инфарктах картина несколько иная. С другой стороны, химический анализ крови не показал наличия яда, вызывающего признаки сердечной недостаточности. Однако детальная экспертиза здесь сложна и длительна, заказать ее я могу лишь при наличии ясного мотива преступления, а в данном случае...

Мейден замолчал — может, просто положил трубку.

— Так каков же окончательный вывод? — спросил Манн. — Это могло быть убийством?

— Сомнения Шанде понятны — картина не типична, — сказал Мейден. — Но мало ли в медицине нетипичных случаев? Я еще подумаю — если найду мотив... Или если мотив найдете вы...

— Я понял, — сказал Манн. — Полиция не возражает, если я продолжу расследование?

— Скорее всего, здесь нет уголовного преступления, и

следовательно, ваша лицензия, дорогой Тиль, позволяет... Но я бы хотел быть в курсе, вы понимаете?

— Разумеется, — сказал Манн и отключил связь, забыв попрощаться.

Значит, Ритвелд прав. Это могло быть убийством. Нельзя исключить яд. Смерть наступила ночью — значит, отрава должна была попасть в организм не раньше примерно девяти-десяти часов вечера. Нужно выяснить, где в это время был художник, с кем виделся. Возможно, ужинал в компании. В какой? Может, находился дома и к нему приходил гость. Кто?

И нужно найти мотив. Почему Койпера убили — если это все-таки было убийство? Связано ли это преступление с событиями семилетней давности?

Койпер умер в ночь после посещения вернисажа Ритвелда. Посмотрел картины. Возможно, сделал какие-то выводы. И умер. Увидеть картины — и умереть. У каждого свой Париж.

После этого не значит — вследствие этого.

Манн обнаружил, что давно уже не сидит за столом, а меряет шагами комнату из угла в угол, делая остановки у окна и глядя на проплывавшие внизу по каналу лодки и катера. На одном из катеров веселая компания жарила на палубе мясо на вертеле и, похоже, распевала громкие песни. Двойные рамы не пропускали звуки, но все равно Манну так и слышалось разудалое: «Возьми меня и понеси в чертоги царские...»

Возможно, нет никакой связи между гибелью копий в пожаре семь лет назад и смертью копииста после того, как публике были показаны сохранившиеся подлинники. Но в качестве рабочей версии нужно все-таки принять наличие такой связи, иначе просто не за что зацепиться. Положим, что связь есть.

Версия о шантажисте никуда не годится. Шантажист взялся бы за Ритвелда или Кейсера. И не пошел бы на убийство.

А если шантажистом был Койпер? Увидел картины, понял, что... Не нужно было ему ничего понимать — он знал, что сгорели нарисованные им копии. Если хотел шантажировать (и ведь мог), то сделал бы это сразу, по горячим следам. Неужели картины произвели на него такое впечатле-

ние, что он не выдержал... Может, именно сейчас ему понадобились деньги?

Не стыкуется. Получается, что убийца — Ритвелд. Не хотел платить (хотя было чем), не стал ждать развития событий. Убил, чтобы не мучить ни себя, ни шантажиста. Милосердно. И глупо. Почему, убив, вызвал частного детектива и поручил расследовать то, о чем прекрасно знал?

Бывают, конечно, случаи (Манн читал о таком в детективных романах, но ни разу не сталкивался в жизни), когда преступник, желая отвести от себя подозрения, сам обращается в полицию или нанимает детектива, надеясь направить его по ложному следу. Но от этого веет такой густой литературщиной, что... Может, Ритвелд на то и рассчитывает?

Что бы ни думал художник на самом деле, он — один из тех, кому выгодна была смерть копииста.

Выгодна? За семь лет Койпер ни словом не обмолвился об афере, шантажировать Ритвелда не пытался — иначе художник рассказал бы об этом в разговоре. Зачем было Ритвелду убивать?

Что сказал копиист художнику во время недавнего вернисажа? По словам Ритвелда, всего три слова: «Они стали лучше». А на самом деле? Может, увидев картины, о которых успел забыть, Койпер решил, что напрасно в свое время промолчал и позволил обойти себя, — мог ведь затребовать свою долю у аферистов, наверняка именно этим словом он называл своих бывших приятелей. Может, не три слова сказал он Ритвелду, а шесть: «Заплати, иначе все станет известно прессе»?

Художник испугался скандала и убил.

А потом испугался полиции и пригласил частного детектива? Чтобы тот его же и вывел на чистую воду, а выведя, сдал той же полиции?

Глупо, нелепо, странно.

И бессмысленно ходить по кабинету из угла в угол — если бы хоть одна разумная мысль могла прийти в голову на основании этих противоречивых сведений, она уже давно пришла бы.

Манн вышел в приемную — Эльзы не было за столиком, компьютер она выключила перед уходом и все аккуратно прибрала. Сколько времени он так расхаживал? Три четверти часа — неплохо, прошел, значит, около четырех кило-

метров. В день для сохранения здоровья медики советуют проходить километров десять. Значит, у него есть в запасе еще километров шесть. До Кайзерсграхт вдвое меньшее расстояние. Но надо сначала договориться; а он не знает номера и где искать его в Эльзином компьютере.

Манн набрал номер на мобильнике, и Эльза ответила, как ему показалось, даже прежде, чем он нажал на кнопку подключения.

— Шеф! — воскликнула она. — Я вам понадобилась!

Это был не вопрос, а утверждение, с которым Манн был не полностью согласен, но оспаривать не стал, а сказал лишь:

— Среди твоих подруг есть госпожа ван дер Мей, художественный критик.

Это тоже был не вопрос, а утверждение, потому Эльза и отвечать не стала, молча ждала продолжения.

— Ты не помнишь наизусть номер ее телефона?

— Непременно наизусть? — удивилась Эльза. — Или можно посмотреть в записную книжку?

— Посмотри, пожалуйста.

— А зачем вам Кристина? — с неожиданным любопытством поинтересовалась Эльза. Странно, подумал Манн, она обычно не задает лишних вопросов, или в свободное от работы время секретарша может вести себя как обычная любопытная женщина?

— По делу, — коротко ответил Манн.

— Ну, если по делу, — Манн услышал в голосе Эльзы очевидный вздох облегчения, — тогда я передам ей телефон, хорошо?

— Так она...

— Точнее, я. Мы тут в одной компании...

— Герр Манн? — услышал детектив после секундной паузы. — Рада с вами познакомиться. Вы хотели что-то спросить?

— Кристина... Можно мне вас так называть?

— Конечно! А я вас — Тиль.

— Хотелось бы поговорить, но не по телефону.

— Назначаете свидание?

— Именно. По очень важному делу.

— Свидание по делу — очень пикантно. Давайте в кафе «Сабатино» через... скажем, полчаса. Годится?

Пешком до «Сабатино» быстрым шагом — минут сорок.

Придется заняться спортивной ходьбой. Или полдороги бежать. Или поехать на машине, что проще всего.

— Годится, — сказал Манн.

Он отправился на велосипеде.

Увидев Эльзу рядом с Кристиной ван дер Мей, высокой, подтянутой, одетой в прекрасный брючный костюм цвета морской волны, Манн позволил себе чуть приподнять брови, но этого оказалось достаточно.

— Шеф, — сказала Эльза, когда Кристина села напротив Манна, пожав ему руку и небрежно бросив на стол голубые перчатки, — если вы предпочитаете беседовать с глазу на глаз, я уйду. Но поскольку вы сказали, что разговор сугубо деловой, я думала...

— Садись, — сказал Манн, — и включи свое записывающее устройство. Магнитофончик, — обратился он к Кристине, — находится у Эльзы в голове.

— Я знаю, какая у Эльзы прекрасная память, — улыбнулась Кристина. — По дороге она рассказала мне вашу биографию, так что мне известно, что родились вы 12 марта 1969 года в Мервеншдате, отец ваш был краснодеревщиком, а мама...

— Стоп! — поднял руки Манн. — О себе я знаю все, честное слово. И даже больше того, что знает обо мне Эльза. Что будете пить, девушки?

— Сладкое «Божоле», — сказала Кристина.

— Немного виски с содовой, — произнесла Эльза, усаживаясь за стол между Манном и подругой.

— А я буду пиво. «Хейнекен» годится, — сказал Манн подошедшему официанту.

— Криста, вы знакомы с творчеством Христиана Ритвелда? — обратился он к девушке после пятиминутного, пустого, как стоявшая на столе цветочная ваза, разговора о погоде, ремонте трамвайных путей на Дамраке и повышении цен на железных дорогах. — Вы были недавно на его вернисаже?

— И даже написала об этом заметку в «Вог», — кивнула Кристина. — Ее пока не опубликовали, редактор решил, что статья слишком злобная.

— Вам не понравилось?

— Видите ли, Тиль, картины, если смотреть на них впервые, конечно, замечательные. Манера не современная, тон-

кий мазок, тщательно выписанная деталь, сейчас это выглядит старомодно. Попытка соединить экспрессионизм с классической формой. Впечатляет. Особенно пейзаж на фоне... Вы видели эти картины?

— Да, — кивнул Манн.

— Помните ту, где гроза? Она называется «Грозовой закат». Очень сильно, так и слышишь отдаленные раскаты грома.

— Но вы говорите, что вам не понравилось.

— Потому что я видела оригиналы, когда Ритвелд выставлял их семь лет назад перед тем, как отдать в типографию. Вы помните ту историю? Все сгорело, от картин остался пепел... Как пепел Клааса, он стучал в сердце Ритвелда и заставил художника семь лет спустя повторить по памяти то, что было результатом вдохновения. Но понимаете... За эти годы он изменился, изменились его представления о жизни, другая стала техника. Он, конечно, старался подражать самому себе, но, когда подражаешь, это заметно с первого взгляда. То, что было написано с вдохновением, легко отличишь от копии, даже если копию делал сам автор. Нет, Тиль, уверяю вас, это ужасно, на это просто невозможно смотреть!

— Ну... Так уж и невозможно. Я видел картины, они мне очень понравились. Честно говоря, я до сих пор под впечатлением.

— Потому что вы не видели оригиналы! Потому что планка оценки у вас занижена на порядок! Потому, черт возьми, что вы ничего в живописи не понимаете!

— Спасибо за комплимент, — улыбнулся Манн. — Впрочем, сам напросился.

— Кристина не хотела вас обидеть, Тиль, — вступилась за подругу Эльза.

— Я не обиделся! Но послушайте, Криста, неужели вы так хорошо помните картины семилетней давности? Вам же тогда было...

— Двадцать пять, — резко сказала Кристина, — и профессионалом я была уже в те годы, если вы это имеете в виду.

— Я не хотел вас обидеть, Кристина.

— Взаимно, Тиль. У меня, конечно, не фотографическая память, и я не могу описать в деталях, чем нынешний «Грозовой закат» отличается от прежнего. Но тот закат потрясал, этот оставил меня равнодушной. Я не помню каждой детали,

но хорошо запомнила цветовую гамму. Там были сотни оттенков, здесь не больше полутора десятков. Там солнце выглядело грозным богом, способным убить своими лучами. Здесь — рыжее пятно между тучей и горизонтом. Если бы я впервые видела эти картины, Тиль, я бы, возможно, написала что-нибудь благожелательное вроде «Новые пейзажи господина Ритвелда успокаивают взгляд, но заставляют задуматься о несоответствии его художественной манеры современному темпу жизни цивилизованного человека». А я видела те картины, и потому статья получилась злой. Редактор сказал — злобной. И отказался поставить материал в номер.

— Почему? — поднял брови Ритвелд. — Злобная — это хорошо. Скандал. Тираж растет.

— Макс считает свой журнал высокоинтеллектуальным, знаете ли. При слове «желтизна» он желтеет сам и становится похож на китайца. А когда слышит о скандале, переходит с голландского на французский — для него это высшая степень неодобрения.

— Понятно, — протянул Манн. — А в другие издания вы не пробовали?..

— Тиль... — сказала Кристина, достав из сумочки сигарету. Манн протянул зажигалку, и на краткое мгновение глаза их оказались так близки, что ему пришлось задержать дыхание — что-то будто перетекло в него из этих карих, обычных, ничем вроде бы не примечательных глаз, маленьких даже, хотя и не раскосых. Видимо, что-то подобное ощутила и Кристина, что-то из подсознания Манна перетекло и к ней — во всяком случае, быстро прикурив, она отодвинулась подальше от стула, на котором сидел детектив, и какое-то время молча курила, прикрыв глаза, будто наслаждаясь дымом сигареты. Эльза, почувствовав, должно быть, возникшее напряжение, переводила взгляд с шефа на подругу. — Тиль, — повторила наконец Кристина, — я пишу в «Вог» уже десять лет. Как бы вы отнеслись... Ну, скажем, если бы узнали, что Эльза работает не только на вас, но и на конкурентов.

— Я бы ее уволил, — улыбнулся Манн и положил ладонь на руку Эльзы.

— Значит, вы должны меня понять. А статью, конечно, жалко. Хотите, я дам ее вам почитать?

— Давайте, — обрадованно произнес Манн. — Эльза сообщит вам адрес моей электронной почты...

— Я его уже взяла, — сказала Кристина. — Пожалуй, я закажу теперь чашечку кофе.

Пока официант не принес кофе — не только для Кристины, Манн заказал и себе, а Эльза попросила каппучино, — разговор вертелся вокруг вчерашних событий в Слотерваарт, где подрались две группы подростков: местные и турки. Кристина с неожиданной экспрессией доказывала, что турки, арабы и прочие выходцы из стран Азии и Магриба изменяют этнический и культурный облик страны, а это плохо, это влияет на историю самым отрицательным образом, и история отомстит, да вот уже и начинается, видите, что творится на улицах, а Манн, сдерживая собственные эмоции, пытался убедить собеседницу в том, что невозможно и нельзя в наше время ограничить свободу передвижения и возможность для каждого человека жить там, где ему лучше, и если какой-нибудь дикарь из африканского племени бушменов попросит в Нидерландах убежища, работы и жилье, правительство обязано изучить эту просьбу самым детальным образом.

— Детальным — да! — воскликнула Кристина. — Изучить и отказать! С самой убедительной аргументацией.

— Ну, за аргументацией дело не станет, — пробормотал Манн и перевел разговор на интересовавшую его тему. — Скажите, Кристина, на вернисаже Ритвелда было много народа? Я имею в виду, выставка пользовалась успехом?

— Да, — кивнула Кристина. — Я понимаю, на что вы намекаете. Успех — конечно. Ритвелд все продумал: картины были выставлены всего на семь часов — с десяти утра до пяти вечера. Кто не успел, тот проиграл. Естественно, была толчея. Видела я там и арабов, и турок, и негров — по-моему из тех, кто выставляет себя напоказ на Кортинезер и Моникестраат.

— Негритянок, вы имеете в виду?

— Негров, — презрительно поправила Кристина. — Мужчины. Терпеть не могу, когда... Извините.

— Да я с вами совершенно согласен, — сказал Манн. — А Койпер... Тот, что умер вчера. Его вы видели на выставке?

— Нет. Я ведь не толкалась там с утра до закрытия.

— Жаль, — искренне сказал Манн. Кристина была бы хорошим свидетелем — с ее острым, все запоминающим

взглядом. Не судьба. — А не знаете ли вы, почему выставка продолжалась только один день? Это ведь нетипично...

— Бывает по-всякому. Бердаль, к примеру, в прошлом году ограничил показ своей графики тремя часами. Знаете, какой был ажиотаж? За три часа галерею посетило больше народа, чем если бы рисунки висели месяц. Во всем есть свой смысл и расчет. Уверена, у Ритвелда тоже. Толпа, во всяком случае, была изрядная.

— Кто-нибудь еще собирается писать об этой выставке?

— Понятия не имею, — отмахнулась Кристина. — Видела коллег из других изданий, но, естественно, не спрашивала, будут ли они излагать свои впечатления на бумаге.

— А какие были у них впечатления?

— Такие же, как у меня, — копии, даже если их делает сам автор, и тем более, если делает по памяти, всегда слабее оригиналов.

— Ну да, — пробормотал Манн, — солнце не злое, а облака жидкие...

— Как кисель, — подтвердила Кристина и, подняв на миг взгляд к потолку, неожиданно сказала: — А если вас интересует мнение Койпера, то могу сказать: он был потрясен. Правда, не знаю чем.

— Откуда вы знаете? — быстро спросил Манн. — Вы же не видели его...

— На вернисаже — нет. Но вчера я была у друга, говорили о разных вещах, естественно, и о выставке Ритвелда, и о смерти Койпера. «Знаешь, — сказал мне друг, — единственный человек, которого потрясла эта мазня, был Койпер. Он смотрел на картины так, будто на них нарисован дьявол во плоти. У него даже челюсть отвисла — фигурально, конечно, выражаясь».

— И ваш друг, — сказал Манн, — не поинтересовался...

— Нет, — отрезала Кристина. — Койпера он вообще недолюбливает. Конечно, он не стал...

— Жаль, — сказал Манн.

— А почему вас так интересует Койпер? — задала Кристина вопрос, мучивший ее, видимо, с самого начала разговора. — Он-то какое отношение имеет к Ритвелду?

— Собираю факты, — объяснил Манн. — Моя профессия: собирать факты.

— Это не ответ, — разочарованно сказала Кристина. —

Не люблю, когда темнят, приходится сочинять самой, а если речь идет не о живописи, ошибаюсь я гораздо чаще, чем хотелось бы.

— Не забивайте себе голову пустяками, — добродушно сказал Манн. — Но если вдруг вспомните что-то любопытное, связанное с Койпером... Деталь какую-нибудь, разговор, сплетню... Звоните мне, хорошо? Вот моя карточка.

Ритвелд снял трубку после шестого звонка, когда Манн уже придумывал, какое сообщение оставить на автоответчике.

— Не похоже, — сказал Манн, — что это было убийство. Во всяком случае, полиция уверена в обратном.

— Да? — вяло удивился Ритвелд и, помолчав, добавил: — Но ведь не обязательно полиция бывает права, верно? Надеюсь, вы продолжите? Мы договорились...

— Полиция наверняка провела нужные допросы, прежде чем прекратить расследование.

— Старший инспектор Мейден и меня расспрашивал, — сказал Ритвелд. — Где я был позавчера с восьми вечера до полуночи.

— Что вы ему ответили?

— Я сказал, что в указанное время лежал в постели с женщиной, имени которой назвать не могу, потому что она жена очень известного в городе человека. Кстати, это чепуха.

— Скажите, пожалуйста, почему ваша выставка продолжалась только один день?

— Вы знаете, сколько стоит аренда галереи?

— Разве хозяин галереи берет с авторов, которых выставляет, деньги за аренду?

— Конечно, это не повсеместная практика. Но если никто из галеристов не хочет рисковать собственными деньгами, художнику иногда приходится...

У него достаточно средств, чтобы арендовать зал на неделю или даже на месяц, подумал Манн. Что-то здесь другое...

— Вас очень огорчило общее мнение о картинах?

— Вы имеете в виду — настолько, что я решил отыграть на Альберте и убил его, чтобы никто никогда не узнал правды?

— Не надо на меня обижаться, Христиан, — примирительно сказал Манн.

— Вы так и не поверили, что мне угрожает опасность, — горько проговорил Ритвелд. — Вы так в это и не поверили.

Он положил трубку, не дождавшись ответной реплики Манна.

На парадной двери висели три таблички: «Доктор Якоб Швейцер, адвокат, первый этаж», «Хельга и Макс Веенгартен, второй этаж» и «Альберт Койпер, художник, третий этаж». Полицейского у входа не было — значит, Мейден уже получил заключение Шанде. Понятно — какое.

Небольшой трехэтажный дом, наверняка с узкой лестницей, консьержки нет, нужно звонить — у каждой таблички кнопка. Если позавчерашним вечером кто-то приходил к Койперу, впустил гостя сам художник — либо у них была назначена встреча, либо приходил знакомый (или знакомая).

Манн позвонил доктору Якобу Швейцеру, адвокату.

— Да, — услышал он шелестящий неузнаваемый голос из чашечки интеркома. — Назовите себя, пожалуйста.

— Тиль Манн, частный детектив. Хочу поговорить с господином Швейцером об Альберте Койпере, проживавшем на третьем этаже.

Пробурчав что-то непонятное, голос чуть более внятно сказал: «Опять эти...», после чего запор щелкнул, и Манн быстрым движением потянул на себя тяжелую дверь.

Когда он вошел, в темном холле сам собой вспыхнул свет — это было небольшое квадратное помещение, покрашенное светло-зеленой краской, широкая лестница вела на второй этаж, рядом располагался лифт («Хорошо живут, — подумал Манн, — лифт в трехэтажном доме»), слева высокое окно — стекла тонированные, и каким был двор у этого дома, детективу увидеть не удалось. А справа располагалась единственная дверь, она распахнулась, как только Манн к ней приблизился. В проеме возникла девушка, при виде которой у детектива подпрыгнуло сердце и стало жарко в паху. Это была Русалка с Копенгагенской набережной, только одетая в легкое платье с глубоким декольте, короткое, не скрывавшее коленок, подчеркивавшее легкость девицей фигурки.

Должно быть, восторг был написан у Манна на лице, и похоже, к подобным проявлениям интереса со стороны мужчин русалка успела привыкнуть — девушка помедлила не-

сколько секунд, позволив полюбоваться собой, отступила в сторону и произнесла скрипучим низким голосом, настолько не гармонизировавшим с идеальной внешностью, что Манну показалось, будто его ударили кулаком по переносице:

— Входите. Сюда, в кабинет. Отец сейчас к вам выйдет.

Дочь адвоката. Нужно сказать комплимент. Она этого ждет. Какие красивые голубые глаза. Банально. Ножки? Фигура? Ей об этом тысячу раз говорили клиенты отца и ее собственные поклонники.

— Вам еще никто не пробовал отпилить голову? — спросил Манн.

Вопрос оказался неожиданным для него самого, а девушка застыла на месте, не зная как реагировать — смехом или выражением ужаса.

— Я имею в виду, — пояснил Манн, — вы так похожи на русалку, а на нее постоянно кто-нибудь...

— А! — проскрипела девушка. — Понятно. Проходите.

Впустив детектива в кабинет, она закрыла за ним дверь, и на минуту Манн остался один. Почему-то ему показалось, что ждать придется долго, причем без толку, поскольку господин Швейцер не сможет дать никакой полезной для дела информации, и, если он не появится через десять минут, нужно просто уйти и...

— Садитесь, молодой человек, — произнес за спиной Манна низкий баритон, — я вас внимательно слушаю.

Манн обернулся — адвокат вошел из соседней комнаты через дверь, на которую детектив не обратил внимания. Плохо, подумал Манн, эта девица вывела меня из равновесия.

Швейцер оказался плотным мужчиной среднего роста, среднего возраста и средней внешности. Даже волосы, казалось, имели усредненный цвет — не темные и не светлые.

— Будете пить? — спросил адвокат. — Виски? Вино? Пиво?

— Нет, спасибо, — отказался Манн. — Собственно, я хотел задать вам пару вопросов...

— О Койпере, — кивнул Швейцер, усевшись за свой рабочий стол и кивком показав Манну, что ему следует сесть в стоявшее напротив стола кресло. — Ваше имя мне известно, хотя сталкиваться с вами в суде мне не приходилось. И чтобы не терять времени — дорого и мое, и ваше, — я дам вам ответы сразу на все вопросы, которые вы собираетесь

мне задать. Надеюсь, дополнительных вопросов не возникнет, и мы с вами расстанемся к взаимному удовлетворению.

Манн и рта не раскрыл.

— Итак, мой сосед Альберт Койпер, — продолжал адвокат, будто заранее готовился произнести эту речь, — человек нелюдимый, жил здесь шесть лет, мастерская у него там же, на третьем, он и квартиру эту снял потому, что была возможность совмещения жилого помещения и художественной студии. Гостей к себе водил, но не часто, я в кабинете обычно сижу по вечерам, слышно, кто звонит в дверь и куда потом поднимается. Позавчера мы с женой и дочерью — она вам открыла — были в гостях, вернулись в половине одиннадцатого. Женщины ушли в свои комнаты, а я до полуночи работал. Около одиннадцати вернулись Хельга с Максом, они живут этажом выше. Я слышал, как они перемещались по квартире, а потом стало тихо. Койпер, видимо, был у себя — во всяком случае, я не слышал, чтобы он входил в дом и поднимался по лестнице. Лифтом, кстати, он пользовался, только если нужно было поднять на третий этаж какую-нибудь тяжесть — раму, например, или мольберт. В полночь я ушел спать. Если кто-то приходил к Альберту или выходил позже, я не могу об этом свидетельствовать. Утром, в восемь, как обычно, пришла фрекен Бассо — она убирает у Койпера и Веенгартенов, — поднялась на третий этаж и обнаружила тело. Я еще спал, так что крика не слышал — проснулся от звука сирены. Надеюсь, я ответил на все ваши вопросы, господин Манн, вряд ли могу быть вам полезен еще чем-нибудь.

Адвокат встал, давая понять, что аудиенция закончена. Манн тоже поднялся, соображая, что еще спросить у уважаемого юриста, столь детально ответившего на не заданные вопросы.

— Господин Койпер когда-нибудь обращался к вам за консультацией? — спросил детектив.

— Никогда.

— У него был свой адвокат?

— Не думаю. Мне было бы об этом известно.

— Знакомы ли вам имена Ритвелда, художника, и Кейсера, владельца типографии?

— Ритвелд — да, это известное имя, я как-то видел его картины на вернисаже. Фамилию Кейсера слышу впервые.

— Кто-нибудь из них бывал у Койпера?

— Молодой человек, — с легким налетом раздражения сказал адвокат, — если бы мне было это известно, я сказал бы об этом, отвечая на первый вопрос.

— Спасибо, — пробормотал Манн и направился к двери. Почему, думал он, у отца такой приятный голос при абсолютно невзрачной внешности, а у дочери удивительная внешность и скрипучий голос, убивающий всякое очарование?

Хельга и Макс Веенгартен. Манн позвонил, и дверь мгновенно открылась, будто звонок не сообщал хозяевам о приходе посетителя, а служил ключом, чем-то вроде пресловутого «сим-сима». За дверью была пустая прихожая — коридорчик, заканчивавшийся другой дверью, закрытой, и еще была дверь справа, а вдоль стены располагалась длинная вешалка, на которой висела одежда для всех сезонов: две теплые куртки (зеленая и светло-бежевая), несколько дождевиков, мужских и женских, и летние майки, причем одна, с изображением гнусной улыбки Майкла Джексона, нарочито выставила себя напоказ, будто хозяева хотели сказать вошедшим гостям: «Мы вам рады, видите, как мы, глядя на вас, улыбаемся?» Если улыбка соответствовала мироощущению Хельги или Макса... Или обоих...

— Что же вы стоите? Входите! — услышал Манн женский голос, шедший с потолка, и разглядел над своей головой маленький динамик рядом с миниатюрной телекамерой. Он переступил порог и остановился, ожидая появления хозяев.

— Ну что же? — с возрастающим нетерпением повторил тот же голос. — Дверь перед вами. Обувь снимать не надо.

Манн пересек коридорчик, толкнул оказавшуюся не запертой дверь и оказался в огромной гостиной с высокими окнами, выходившими во двор и на улицу. Комната была уставлена большими и маленькими цветочными горшками, и первым впечатлением Манна было ощущение, будто он попал в оранжерею. Цветы были разными, Манн признал только маргаритки, заполнившие длинную кювету на подоконнике, остальные растения он определить не мог, в ботанике детектив считал себя полным профаном: если ему нужно было выяснить, чем отличаются друг от друга гиа-

цинт и глициния, он доставал с полки энциклопедию или искал нужную информацию в Интернете.

Под потолком горела пятирожковая люстра в классическом стиле, под люстрой стоял большой круглый стол (без цветов, отметил Манн), по обе стороны стола сидели и смотрели на него Хельга и Макс Веенгартены, и Манн со смущением понял, почему в прихожей его встретил глаз телекамеры, а не кто-то из хозяев. Оба сидели в инвалидных колясках, было им лет по пятьдесят или чуть больше; у мужчины, похоже, была парализована левая сторона тела, а у женщины что-то с ногами — скорее всего, последствия детского церебрального паралича.

«Черт, — подумал Манн, — адвокат мог хотя бы намекнуть...» О чем? Швейцер наверняка был уверен в том, что детектив, придя в дом, навел справки о соседях Койпера.

— Простите, что я без предупреждения... — пробормотал Манн.

— Почему без предупреждения? — добродушно сказал Макс Веенгартен. — Швейцер нам только что звонил, сказал, что к нему приходил частный сыщик, и сейчас он, то есть вы, поднимется к нам. Что-то вы долго поднимались, мы с Хельгой уже заждались, верно, Хельга?

Женщина кивнула:

— Садитесь, господин Манн, — сказала она. — То есть сначала возьмите себе выпить — вон в том секретере, поднимите крышку, там есть все, что нужно, а потом садитесь в это кресло, оно самое удобное, вы будете видеть нас, мы — вас.

Наливать себе Манн не стал, опустился в кресло, откуда действительно мог следить за каждым движением хозяев. Все было в комнате устроено очень удобно — много горшков, но располагались они так, что по образовавшимся аллеям легко можно было проехать в коляске, и к бару можно было тоже не только подъехать, но и открыть его не вставая: все ручки, рукоятки, кнопки и клавиши — телевизора в одном из углов, компьютера в другом, — находились на таком уровне, чтобы было удобно пользоваться, сидя в коляске.

— Наверняка к вам приходила полиция, — сказал Манн. — На мои вопросы вы можете не отвечать, я лицо неофициальное...

— Почему не отвечать? — с легкой обидой в голосе произнес Макс. — Мы с удовольствием...

— Мы с удовольствием, — повторила Хельга.

— Позавчера вечером вы поздно вернулись домой?

— Мы были в опере, — кивнул Макс. — Слушали «Похищение из сераля», вернулись около одиннадцати. Ужасный спектакль. Мы очень любим Моцарта, но не в такой современной интерпретации, когда Констанца в купальнике бросается в бассейн, а Селим гоняется за ней в плавках... Это слишком, вы не находите?

— М-да... — протянул Манн. Для него посещение оперного театра было слишком, какие бы представления — современные или классические — там ни давали. Когда-то, лет ему было то ли шесть, то ли семь, родители повели его на «Воццека», и впечатление жуткой смеси неприятных звуков и вспышек пугающего света оказалось таким непреодолимым, что Манн ни разу после этого не входил в двери Национальной оперы. По телевизору он иногда смотрел отрывки из «Травиаты» или «Фауста» и даже получал удовольствие от пения Доминго или Каррераса (Паваротти был ему неприятен — толстый, потливый, такой же неэстетичный, как музыка «Воццека»), но заставить себя отправиться в театр не мог и не стремился.

— Спать мы легли в половине первого, — сказал Макс.

— Вообще-то, — добавила Хельга, — мы ложимся раньше, но в тот вечер еще посмотрели телевизор.

— Да, — кивнул Макс. — Так что если вас интересует интервал времени от одиннадцати до половины первого...

— Вы что-нибудь слышали в этот интервал времени? — Манн невольно перешел на стиль Веенгартенов. — Я имею в виду: кто-нибудь поднимался или спускался по лестнице или в лифте, кто-то ходил наверху, в квартире Койпера, какие-то другие звуки...

— Вот именно — другие звуки, — подхватил Макс. — Никто не поднимался и не спускался, но в тот вечер мы не прислушивались, да и телевизор играл довольно громко.

— И тем не менее, — сказал Манн, — какие-то звуки сверху вы слышали?

— Да, — Макс переглянулся с Хельгой и добавил: — Будто кто-то перетаскивал шкаф.

— Шкаф, — повторила Хельга и добавила: — Или что-то тяжелое и совсем не мягкое.

— Не мягкое? — уточнил Манн.

— Это не могло быть телом человека, например, — объяснил Макс. — Когда тащат тело, звук глухой, а это был та-кой... я бы сказал, деревянный, со стуком.

— Что-нибудь еще? — спросил Манн.

— Что-нибудь еще, — задумчиво повторила Хельга и добавила: — Да. В том смысле, что никто из квартиры Альберта не выходил. Я имею в виду всю ночь, а не только период времени с одиннадцати до половины первого.

— Как вы можете быть в этом уверены? — удивился Манн. — Вы сами говорите, что спали.

— Хельга спит очень чутко, — вместо жены объяснил Макс. — Просыпается от любого шума. Я-то сплю без задних ног, а чаще и без передних, если вы понимаете, хе-хе, что я имею в виду. У Альберта очень гулкая дверь. Она не скрипит, но захлопывается с таким шумом... Не пушечный выстрел, конечно...

— Но я всегда просыпаюсь, когда от соседа уходят гости, — вмешалась Хельга. — А это бывает довольно часто...

— Бывало, — поправил Манн.

— Что? Да, вы правы. Никак не привыкну, что о бедном Альберте нужно говорить в прошедшем времени. Позавчера дверь ни разу не открывали — до утра, пока не пришла уборщица.

— Разве нельзя открыть и закрыть дверь так осторожно, что...

— Невозможно! Даже если придерживаешь рукой — я не пробовала, но Альберт мне говорил, когда я ему жаловалась на стук, — все равно в последний момент...

— Понятно, — пробормотал Манн. — Никто к господину Койперу не приходил и никто не уходил, начиная с одиннадцати.

— Точно, — в унисон сказали Хельга и Макс.

— И господин Койпер, будучи в одиночестве, зачем-то передвигал по квартире тяжелый шкаф.

— Именно, — сказал Макс. — Странно, верно?

— Это было...

— Минут двадцать первого. Это точно, потому что вскоре мы выключили телевизор...

— Скажите, а это мог быть не шкаф, а, скажем, тяжелый мольберт? Ведь господин Койпер был художником, мастерская его находится в квартире...

— Мольберт? — Макс надолго задумался, будто сравнивая возникавшие в памяти звуки. — Пожалуй. Но не обычный мольберт, а большой, есть у Альберта такой, но зачем его двигать ночью? То есть я хочу сказать, что по ночам Альберт никогда не работал. Он говорил мне, что после шести вечера не способен держать кисть. Просто все из рук валится. По утрам — другое дело. Рука, как говорится, тверда...

— К господину Койперу часто приходили гости?

— Каждый вечер, — сказала Хельга. — Он любит... любил поболтать за бокалом вина, но не позже десяти часов. Он жаворонок, ложится... ложился рано.

— Но иногда, — напомнил Манн, — вы все-таки просыпались по ночам от того, что наверху хлопала дверь?

— Очень редко. Поэтому я и не настаивала на том, чтобы Альберт что-то со своей дверью сделал, чтобы...

— Редко, но все-таки... Это были припозднившиеся гости или господин Койпер выходил подышать свежим воздухом?

— Ни то ни другое, — уверенно заявила Хельга. — Я бы слышала шаги на лестнице или лифт. Поздняя ночь, каждый звук... Нет, просто хлопала дверь — и все.

— Вам не казалось это странным?

— Нет... Я не задумывалась, честно говоря. Просыпалась от стука, несколько минут лежала, прислушиваясь, а потом опять засыпала.

— Наверно, — предположил Манн, — господин Койпер зачем-то выглядывал на лестничную площадку? Убедиться, что за дверью никого нет?

— Ну... — Хельга пожала плечами. — Это уже предположение, верно? А вы хотите, чтобы мы излагали факты? Предположения — ваша работа.

— Спасибо, — сказал Манн, вставая.

— Да пожалуйста, — улыбнулась Хельга, а Макс добавил:

— Будете уходить, господин сыщик, погасите, пожалуйста, свет в прихожей. Включается он автоматически, а выключаться почему-то не желает.

— Да, конечно. Всего вам хорошего. — Манн повернул-

ся к хозяевам спиной, и в это время где-то наверху совершенно отчетливо что-то стукнуло.

— Дверь! — одновременно воскликнули Хельга и Макс.

Манн в несколько прыжков поднялся на три лестничных пролета, отделявших третий этаж от второго. Кто-то, возможно, вошел в квартиру Койпера, но выйти из нее не успел — Манн выбежал на лестничную площадку секунды через три после того, как стукнула дверь: никто не мог прошмыгнуть мимо него, а лифт стоял внизу.

Кто-то вошел в квартиру Койпера и сейчас находился там. Как некто вошел в дом? Кроме адвоката или его дочери, впустить посетителя было некому, и Манн оказался перед дилеммой: спуститься вниз и задать вопрос господину Швейцеру или стоять здесь, ожидая, что вошедший в конце концов выйдет и окажется перед необходимостью ответить на вопросы детектива?

А если, пока Манн будет бегать вниз и обратно, некто скроется так же таинственно, как появился?

— Интересно, — сказал Макс Веенгартен, — кто бы это мог быть?

Он выкатился на своей коляске к порогу квартиры и выглядывал из-за полуоткрытой двери. Места рядом для Хельги не осталось, но ей было любопытно, и ее недовольный голос Манн слышал из глубины прихожей.

— Меня это тоже интересует, — сказал детектив, перегнувшись через перила, чтобы видеть Веенгартена. — Вы не могли бы проследить, пока я спущусь вниз и спрошу господина адвоката, не впустил ли он кого-нибудь в дом?

— Конечно, — сказал Макс. — Боюсь только, что если нужно будет задержать...

— Надеюсь, до этого не дойдет, — бодро сказал Манн, спустившись с третьего этажа и помогая Максу выкатить коляску на лестничную площадку. — Все равно ему не миновать парадной двери, верно? Или в доме есть другой выход?

— Есть, конечно, — сказал Макс. — Но он заперт и очень редко открывается, разве что когда нужно внести или вынести крупногабаритный предмет. И еще есть выход на чердак, вы не обратили внимание: люк в потолке открыт или заперт?

— Заперт, — вспомнил Манн. Он уже обратил внимание

на этот люк — закрытый и с большим висячим замком. Добраться до него можно было, только встав на стремянку. Нет, этот путь исключается.

Оставив Макса и Хельгу (она выехала к мужу) сторожить неизвестно кого, Манн сбежал по лестнице и позвонил адвокату, ожидая еще раз увидеть его дочь. Дверь, однако, открыл сам господин Швейцер — он уже переоделся на ночь, на нем была серая, в мелкую клеточку, пижама и тапочки на босу ногу.

— Вы еще здесь? — хмуро сказал Швейцер.

— Вы кого-нибудь впускали в дом три-четыре минуты назад? — спросил Манн.

— Нет, — буркнул адвокат. — Вы были последним, кто вошел. Все?

Манн не успел ответить — дверь перед его носом захлопнулась.

Парадная дверь была закрыта, Манн подергал ее для верности, войти можно было, либо зная код, либо имея ключ, либо позвонив по интеркому кому-нибудь из жильцов.

Он взбежал на второй этаж, где Макс с Хильдой загородили своими колясками проход, поднялся на третий и остановился в недоумении перед закрытой дверью квартиры Койпера. Что можно было предпринять в сложившихся обстоятельствах? Ломать замок? Если в квартире никого не окажется, Мейден снимет с Манна семь шкур и добьется, чтобы детектива лишили лицензии. А если там кто-то есть, ломать замок бессмысленно — когда-нибудь неизвестному придется выйти, и взять его можно здесь, на лестнице. Сколько, однако, времени придется провести перед запертой дверью?

И есть ли смысл? Что, если квартира все-таки пуста?

— Ну что там? — крикнул снизу Макс, и Манн, перегнувшись через перила, подал ему знак не создавать шума. Он приложил к двери ухо, ничего не услышал и спустился к Веенгартенам.

— Вы говорите, из вашей квартиры слышно, когда у Койпера ходят? — спросил он.

— Если топают, то да, слышно, — кивнул Макс. — А если в тапочках, то нет, конечно. Альберт всегда надевал тапочки, а его гости, бывало, напоминали табун лошадей...

— Возвращайтесь, — распорядился Манн, — и слушай-

те. Если услышите что-нибудь подозрительное, дайте мне знать. Впрочем, если вы устали и хотите лечь...

— Нет-нет, — быстро сказала Хельга. — Конечно, мы вам поможем.

Потому что самих одолело любопытство, подумал Манн.

— А я постою здесь, — сказал он. — Выйдет же он когда-нибудь.

— Он? — сказала Хельга. — А может, она?

Развернув коляску, Хельга скрылась в прихожей, прежде чем Манн успел задать вопрос.

— Ваша жена намекает на то, что Койпера посещали женщины? — спросил детектив у Макса.

— Посещали женщины, — повторил Макс. — Почему нет? Наверно. Извините. Если мы что-то услышим, то непременно дадим вам знать.

Он вкатил коляску в квартиру и закрыл дверь — почти бесшумно, в отличие от двери в квартиру Койпера.

«Господи, — подумал Манн, — неужели придется торчать здесь до утра? Или всю оставшуюся жизнь? Вот глупая история».

Он сел на ступеньку и прикрыл глаза, пытаясь сосредоточиться.

Час спустя Манн понял, что дремлет. Оставаться здесь не имело смысла. Конечно, в квартире Койпера никого быть не может, кроме, разве что, привидений, которым, впрочем, тоже совершенно нечего делать в этом новом доме, где никто еще не умирал и...

Никто? А Койпер? Может, это его призрак вернулся и бродит сейчас по комнатам? Но призраки не открывают со стуком входные двери, призраки проходят сквозь стены.

Манн вскочил на ноги — ему показалось, что в квартире Койпера послышалось какое-то движение. Точно. Круглая ручка начала медленно поворачиваться, кто-то, стоявший с той стороны, старался не создавать шума.

Манн справился с первым желанием рвануть дверь на себя и оказаться лицом к лицу с пришельцем, призраком, грабителем, убийцей или кем бы то ни было, по какой-то причине находившимся в квартире Койпера почти полтора часа.

Он встал у стены рядом с дверью, чтобы сразу, как только...

— О Господи! — воскликнул Кейсер, выйдя на свет и встретив изумленный взгляд детектива. — Это... Что вы здесь делаете?

— Я? Позвольте спросить, что делали в квартире вы? И как вы попали в дом?

— Я? Но... — Издатель был смущен, растерян, не знал, что сказать, и готов был провалиться сквозь землю, исчезнуть, обратиться в пар. Он стоял, придерживая дверь плечом, чтобы она не захлопнулась, и Манн прошел мимо Кейсера в прихожую, такую же длинную и узкую, как у Веенгартенов этажом ниже. Он едва не задел издателя, а тот молча наблюдал, хмурился и, похоже, решал — то ли бежать, оставив детектива одного, то ли последовать за ним в квартиру и наверняка подвергнуться допросу с пристрастием.

— Входите же, — раздраженно бросил Манн. — Довольно глупо было... Не стойте, ради Бога, в дверях, все равно вам не удастся закрыть их без стука.

— Откуда вы...

— И не повторяйте одно и то же.

Кейсер наконец решил дилемму, отступил в прихожую, и дверь захлопнулась с грохотом, от которого зазвенели стоявшие на полочке фарфоровые статуэтки китайских болванчиков.

— Где тут можно поговорить? — спросил Манн. — Вы провели в квартире минимум час, наверняка успели все изучить. Кстати, вы не ответили на вопрос: как вы сюда попали? И что делали?

И издатель повел детектива в кухню, где на пластиковом столике стоял электрический кофейник, а висевшие на стенах полки с плотно прикрытыми дверцами выглядели гораздо более старыми, чем дом.

— Я вам сейчас все объясню, — сказал Кейсер, когда Манн опустился в белое пластиковое кресло, какие можно за три гульдена купить в любом магазине кухонных принадлежностей. Издатель остался стоять, прислонился к дверному косяку и сложил на груди руки. — А то вы Бог знает что можете обо мне подумать.

— Например, вы убили Койпера, но забыли в квартире

что-то важное и явились сегодня, чтобы этот предмет найти. А ключ у вас был...

— Вы что? — оскорбился Кейсер. — Вы действительно так думаете?

— В полиции подумают именно так, можете быть уверены, — кивнул Манн.

— Полиция? При чем здесь полиция?

— Я с ней сотрудничаю, — объяснил Манн, — и обещал сообщать полученную мной информацию.

— И вы донесете...

— Послушайте, господин Кейсер, — наставительно произнес Манн. — Я — частный детектив. Вы можете не отвечать на мои вопросы, но все, вами сказанное и сделанное, обернется...

— Это я уже понял, — помрачнел издатель. — Глупо получилось. Я искал здесь одну бумагу... Полиция могла не обратить на нее внимание. К смерти Альберта она отношения не имеет. Ну, во всяком случае, с точки зрения... А на самом деле...

— Вы имеете в виду договор с Койпером об изготовлении копий с картин Ритвелда?

— Вы знаете? — поразился Кейсер. — Откуда? А, ну понятно... Христиан, больше некому. Он тоже засуетился...

— Ну, нашла бы полиция эту бумагу, — пожал плечами Манн. — И что? На какую мысль она могла навести старшего инспектора Мейдена?

— Семь лет — еще не срок давности! — воскликнул издатель. — Они бы поняли, что при том пожаре сгорели копии, а не оригиналы! Передали бы дело страховой компании. Скандал. Пришлось бы выплачивать крупную сумму. Очень крупную. Откуда у меня такие деньги? У Христиана тоже, кстати. Я не говорю о том, что в полиции... ну, этот инспектор... как его... Мейден... мог решить, что смерть Альберта как-то связана...

— А она не связана?

— Понятия не имею! Можно мне сесть?

Вопрос был неожиданным, похоже, Кейсер действительно вообразил, что Манн способен ему что-то приказать, держать здесь всю ночь, не позволять садиться, не разрешить выйти в туалет, вообще уйти...

— Садитесь, — великодушно предложил Манн и подо-

двинул издателю пластиковый табурет — несколько таких табуретов, черные и белые, стояли в углу, создавая впечатление маленькой шахматной доски.

Кейсер сел, подтянул брюки, сложил руки на коленях, на Манна не смотрел, взгляд его скользил по стенам, полкам, кухонным принадлежностям.

— Итак, — продолжал Манн, — вы искали договор. Нашли?

Кейсер покачал головой.

— Думаете, его нашел Мейден?

Кейсер пожал плечами.

— Может, Койпер давно его порвал и выбросил за ненужностью?

Исчерпав, должно быть, свои способности реагировать, Кейсер сидел молча, погружившись в раздумья.

— Откуда у вас ключ?

— Что? — Мысль издателя всплыла на поверхность сознания из глубин, куда погружалась в поисках ответа на какой-то еще не заданный Манном вопрос. — Ключ? У меня всегда был... Шесть лет назад я помогал Альберту найти эту квартиру, и тогда...

— Изготовили себе копию?

— Ну... Да.

— Зачем?

— Это имеет отношение?..

— Почему-то вы изготовили себе копию ключа от помещения, которое вам не принадлежало.

— Не знаю. Мне показалось, что это может пригодиться.

— И пригодилось, — кивнул Манн. — Не только сегодня, но, может, и позавчера ночью?

— Нет! — вскинулся Кейсер. — Не нужно на меня...

— При нашей первой встрече вы так и не сказали, где находились тем вечером.

— С женщиной я находился, разве это непонятно? И я не могу назвать ее имя и адрес. Вы ведь это хотели спросить, верно? А если моя жена узнает... Мы женаты недавно, и я...

— И вы туда же, — вздохнул Манн. — Все это очень неубедительно. Я имею в виду то, что ключ лежал у вас шесть лет, и ваше так называемое алиби. И то и другое легко проверяется. Если, к примеру, окажется, что ключ сделан неделю назад или еще позже... Вы понимаете?

— Чего вы от меня хотите? — с тихим отчаянием спросил Кейсер.

— Правду, конечно!

— Правду, — с горечью произнес издатель. — В этом деле нет правды. Вообще. Ее не существует, понимаете?

— Нет, — отрезал Манн. — Правда — это то, что происходило реально, на самом деле. Ведь происходило же на самом деле что-то?

— В том-то и дело, что я не знаю. Может, происходило, может, нет.

— То, что делали лично вы. Давайте без философии.

Слово показалось Манну имеющим двоякий смысл, но возникшая мысль не пожелала задерживаться в сознании, а нырять за ней в глубину собственной памяти Манн не хотел и потому повторил:

— Итак, ваши действия. С момента, когда вы узнали, что Ритвелд устраивает выставку.

— Я подумал, что это он напрасно... Напоминать о тех временах. Совершенно ни к чему. Я ему позвонил. Спросил, зачем он это делает. Он сказал: «Мои картины. Они должны жить». Но голос был... Мне показалось, что Христиан чего-то боится. И вообще странная выставка — один день. Естественно, толпа. Я пришел. Хорошие картины, да. Они и тогда были замечательные, хуже не стали. Увидел Ритвелда, но подходить не стал. Зачем? Там еще был Альберт. Мы столкнулись в дверях, и он сказал: «Они стали лучше». Ну, не знаю. Может картина стать лучше от того, что пролежала семь лет в запасниках? Я сказал: «Надо поговорить». «Хотите сделать заказ?» — спросил он. «Может быть», — сказал я. Но говорить нам нужно было о том, как быть, если страховая компания заинтересуется...

— Почему там должны были заинтересоваться? Ритвелд утверждал, что это новые картины. Вам кто-то...

— Да. За день до выставки. Станный голос, на кого-то похож, но на кого — я и сейчас не знаю. Позвонил поздно вечером и сказал: «Эти картины, которые выставляет Ритвелд. Подлинники. Те, что сгорели». И что-то еще о том, что надо бы заплатить, чтобы кто-то, кому не следует об этом знать... Я бросил трубку, а потом подумал, что зря.

— Номер звонившего...

— Определитель не показал. Номер был блокирован. Я хотел поговорить с Альбертом. Может, ему тоже...

— А если это он и звонил? Хотел заработать. Ведь кроме него и Ритвелда никто не знал о вашей афере. Вы могли об этом подумать.

— Нет, я не... На Альберта голос не был похож совершенно.

— Хорошо. Вы договорились с Койпером о встрече. Что дальше?

— Он сказал: «Приходите вечером». Я... Я уже вам сказал — у меня уже была назначена... «Но я освобожусь поздно, — сказал я, — часов в двенадцать». «Приходите в двенадцать», — сказал он.

— Как трогательно, — вздохнул Манн. — Жаль, что это неправда.

— Что неправда?

— То, что вы рассказываете. Это уже вторая версия. Если третья тоже окажется фантастической, я, пожалуй, передам их Мейдену, ему будет интересно.

— Послушайте! — воскликнул издатель. — Я хочу выпить! У меня в гортани пересохло.

— И потому вы никак не решитесь сказать правду?

— Там, в шкафчике, коньяк...

— Ну да, вы же здесь все обшарили. Доставайте, все равно ваши отпечатки есть уже на всех предметах. Спасибо, я пить не буду. Можете считать, что я на работе.

Кейсер точно знал, где что лежит. Плоская бутылка «Наполеона» — на верхней полке, рюмки — в левом шкафчике снизу. Он достал две, но одну, встретив недовольный взгляд Манна, поставил на место. Налил себе по самый край — рюмка, впрочем, была небольшая, граммов на пятьдесят, — и выпил мелкими глотками.

— Легче? — участливо спросил Манн. — Теперь поставьте на место бутылку, а рюмку помойте, протрите полотенцем и тоже поставьте в шкафчик. Зачем создавать сущности сверх необходимого?

— Какие сущности? — вскинулся Кейсер. — Ах, вы это фигурально...

Прежде чем сделать так, как посоветовал детектив, Кейсер налил себе еще рюмку и выпил залпом.

— Теперь, — сказал Манн, — вы можете наконец сказать правду. Хотите, я начну?

— Начните, — согласился Кейсер. — Все равно, то, что происходило на самом деле, вам никогда и в голову не придет. А если расскажу, вы не поверите. Какой же смысл?..

— Тогда прервите меня, если я начну ошибаться. Полагаю, шантажист вам действительно звонил. И с Койпером на вернисаже вы действительно говорили. Но к себе он не звал. «Давайте встретимся в десять, — предложил он, — в кафе «Мендельсон»...

— «Мендельсон»? Почему «Мендельсон»? — поднял брови Кейсер. — В жизни туда не пойду, и Альберт это прекрасно знал. Он предложил встретиться в кофейне Эккермана. На Дамраке.

— Это уже теплзе, — пробормотал Манн. — Продолжайте в том же духе.

— Я... Я действительно был у женщины. Ушел в половине десятого, она обиделась... Неважно. Альберт ждал меня, я рассказал ему о странном звонке. Оказалось, тот же голос звонил и ему. Удивительно, но оба мы подумали о Христиане. Мы не считали его способным на такие выходки, в конце концов, семь лет прошло... Да ведь и сам Христиан сидел в этой лодке, и если шантажировать... В общем, сейчас эта мысль кажется мне нелепой, а тогда на нас обоих будто затмение нашло, мы только о Христиане и говорили, и говорили о картинах, они стали за эти годы какими-то... не другими, и я, и Альберт прекрасно помнили все детали, нам не нужно было мнение экспертов, мы оба видели — Христиан не рисовал новых картин, он выставил те, старые, но теперь картины производили иное впечатление. Они... это действительно были шедевры, в то время как прежде о них можно было сказать: «Замечательно. Дорогие пейзажи. Классная, профессиональная работа». Шедевры? Вряд ли...

— Мы говорили об этом, — продолжал Кейсер, глядя на лежавшие на коленях ладони; время от времени он поднимал взгляд на Манна, будто для того, чтобы убедиться: детектив никуда не исчез, сидит, слушает, не записывает, а запоминает, память у него, значит, хорошая, молодой еще. — У Эккермана закрывают рано, в одиннадцать, и, когда нас попросили, мы еще не закончили разговор; я предложил

посидеть у него, это недалеко, вы знаете, а ко мне дальше, да и жена...

— Дверь должна была хлопнуть, когда вы входили, — сказал Манн.

— Что? Дверь? Да, есть у нее такое свойство. Но Альберт как-то умел... У него получалось... Больше ни у кого. При чем здесь дверь? Это важно?

— Нет, — сказал Манн. — Продолжайте. Вы пришли сюда...

— Сидели здесь, как с вами сейчас, я — на этом самом месте, Альберт — на вашем. Немного выпили, думали, что делать с шантажистом, решили подождать, будет ли второй звонок, было уже за полночь, когда...

Кейсер замолчал, поднял ладони к лицу, приложил к щекам и застыл, неподвижно глядя в какую-то точку на стене позади Манна. Детектив медленно обернулся — ему показалось, что сзади стоит кто-то, кого издатель не ожидал увидеть и поэтому пришел в совершенное замешательство, но никого там, конечно, не было — стена, на которой висела доска с ножами, рядом — кухонный шкафчик, белый, с коричневыми пластиковыми ручками.

— Когда — что? — спросил Манн, не выдержав молчания.

— Он вон там и появился, за вашей спиной, — проговорил Кейсер. — Секунду назад не было, и вдруг — стоит. Я его сразу увидел, а Альберт смотрел в мою сторону и обернулся, когда я... Так странно, будто он услышал наш разговор и пришел...

— Кто? — вскричал Манн.

— Ну... Христиан. Он там стоял и смотрел на Альберта. Откуда он появился? Не в дверь. Подавно не в окно. И не из шкафа же, на самом деле... Альберт протянул руку, думал, наверно, что это призрак, рука уперлась Христиану в грудь, я видел, как пальцы Альберта сминали рубашку, на Христиане была его желтая рубашка в коричневую полоску, он был в ней на вернисаже...

«Альберт, я принес тебе кое-что», — сказал он и достал из кармашка маленькую коробочку. Что на ней было написано, я не видел, а лежали капсулы розового цвета. Христиан достал одну, положил на ладонь и протянул Альберту.

«Ты как сюда попал?» — спросил Альберт. Он будто не

видел капсул и коробочки тоже, его совершенно вывело из равновесия появление Христиана, дверь ведь из кухни была закрыта, окна тоже...

«Положи в рот и проглоти», — сказал Христиан, не отвечая на вопрос. Он разжал Альберту ладонь, вложил в нее сначала одну капсулу, затем вторую, третью, а тот стоял и смотрел, я тоже не мог сказать ни слова, у меня язык будто разошелся, ужасно хотелось выпить, и я налил себе коньяка... А потом...

Кейсер опять надолго замолчал, но на этот раз Манн не стал его подгонять, надо же было дать человеку подумать, приправить свое сочинение нужными деталями, подробностями, выпил издатель изрядно, но не настолько, чтобы не понимать, каким нелепым выглядел его рассказ и что сказал бы, услышав его, старший инспектор Мейден.

— Потом, — закончил Кейсер неожиданно твердым голосом, будто действительно за эти минуты точно все обдумал, решил, какой линии поведения следует придерживаться, и произносил теперь текст, в котором каждое слово стояло на своем, единственно возможном месте, — потом Альберт, будто под гипнозом, положил в рот одну капсулу за другой, Христиан протянул ему стакан с водой — налил из-под крана, — и Альберт запил. Я видел их обоих в профиль — Альберта слева, Христиана справа. Христиан забрал у Альберта стакан, поставил на столик... Сейчас там ничего нет, наверно, полиция забрала на экспертизу. Ничего не найдут, там была обычная вода... Коробочку Христиан на моих глазах бросил в мусорное ведро — вон там оно, под раковиной, видите, оно пустое, наверно, и оттуда полиция все вымела, и тогда я не понимаю, почему они сразу не поняли, как умер Альберт. На моих глазах... Лицо его перекошилось... боль, наверно, была адская, руками он схватился за живот, согнулся пополам и повалился на пол, я его не видел из-за стола, и ноги у меня не двигались, то ли от выпитого, то ли от страха или какого-то другого ощущения... Я смотрел на Христиана, который смотрел на Альберта, и по тому, как реагировал Христиан, мог представить, что происходило... Он стоял и смотрел, внимательно, с участием — да-да, на лице его было участие и сожаление, и горечь, и печаль, а потом все кончилось, и лицо Христиана стало спокойным, он вздохнул, посмотрел в мою сторону, и

у меня создалось впечатление, что меня он не видел. Дверь в комнату видел, она была закрыта, я это знал, а меня самого — нет. Вам наверняка знакомо это ощущение: когда смотрят будто сквозь тебя и не видят в упор... А потом он исчез.

— Исчез, — повторил Манн, давая понять, что с этим определением надо бы серьезно разобраться.

— Исчез, — кивнул Кейсер. — Как кадр в кино меняется, знаете — был человек, и нет, другая сцена пошла. Я помню, что мыслей у меня никаких не осталось. Стоял и пытался из-за стола разглядеть, как там Альберт. Долгое время мне и в голову не приходило сделать несколько шагов... А он лежал мертвый, это я много позже понял, когда пришел в себя. Мертвый — и ничего нельзя было сделать. И я рядом. И больше никого. Я испугался — а вы не испугались бы? Рюмку, из которой я пил, сунул в карман брюк — понятия не имею зачем, можно было помыть под краном и оставить... А в мусорное ведро даже не заглянул — совсем в тот момент не подумал о коробочке. Протер платком ручки дверей и ручки кухонного шкафчика, а больше ничего здесь не трогал, все было как в тумане, мне мерещилось, что сейчас из угла выйдет Христиан и заставит меня тоже проглотить эту ужасную... Очнулся на улице, даже не около дома, а на Дамраке — почему я пошел в ту сторону, не имею понятия. Домой вернулся около часа ночи, жене сказал, что дела задержали, она не поверила, мы поспорили... Вам это интересно? Нет? Вы хотели услышать — услышали. Как — яснее вам стало? Понятнее?

— Любопытная история, — пробормотал Манн. — Что вы здесь сегодня искали? Не договор, верно?

— Коробочку, естественно. Мусорное ведро оказалось пустым, но у меня... Я уже не был уверен, что Христиан положил коробочку именно в ведро. Может, в один из нижних шкафчиков? Или в верхний? Или еще куда-то. Воспоминания расплывались, я боялся... а может, надеялся, но скорее все-таки боялся, что вообще все забуду...

— Мне вы рассказали множество деталей, — напомнил Манн. — Похоже, на память вам жаловаться не стоит. Или на работу воображения?

— Я же сказал, что вы мне не поверите, — печально про-

изнес Кейсер. — Я и сам не поверил бы в такую историю. Бред, верно?

— Конечно, — кивнул Манн. — Знаете, неплохой вариант — если вас обвинят в убийстве.

— Меня?! — вскинулся Кейсер. — Почему меня? Полиция не знает о нашей сделке. Почему я? У меня нет мотива!

— Зато наверняка где-нибудь в этой квартире остались ваши отпечатки. Вы говорите, что протерли ручки дверей, но уверяю вас, оставили массу отпечатков там, где сами не ожидали. Вам в голову не пришло их стирать, а полицейский эксперт методично все проверил... Так я о чем? Ваша версия в полиции будет воспринята на ура. Совершенно очевидно — подозреваемый понимает, что улики против него, и начинает симулировать сумасшествие.

— Я не сумасшедший!

— И может, даже не симулировать, — невозмутимо продолжал Манн. — Может, он действительно того... Известно, что психически больные люди очень редко сами себе дают в этом отчет. Они считают себя здоровыми...

— Господи... — пробормотал Кейсер. — Что я должен сделать, чтобы вы мне поверили?

— Найти коробочку, — объяснил Манн. — Только найти — и не трогать. Ваших пальцев там быть не должно. И пальцев Альберта. Только Ритвелда. Тогда... Но вы ведь не нашли коробочку.

— Наверно, полиция нашла...

— Нет, — покачал головой Манн.

— Тогда не знаю...

— Еще одно таинственное исчезновение, — констатировал Манн. — Пожалуйста, посидите спокойно, ничего не трогайте и желательно — не двигайтесь, чтобы я не нервничал попусту. А я посмотрю. Все-таки у меня больше опыта, согласитесь.

— Да-да, конечно, — пробормотал Кейсер и застыл, сложив руки на коленях. Голову он все-таки поворачивал и за действиями детектива следил очень внимательно. Время от времени говорил: «Нет, там я тоже искал», — но тут же замолкал.

Чтобы осмотреть комнату, Манну понадобилось около получаса, коробочку он не нашел, да и не надеялся, что ему повезет. Из бокового кармана куртки Кейсера то и дело раз-

давались приглушенные звуки — звонил мобильник, но издатель даже не пытался достать аппарат и ответить.

— Кто вас все время домогается? — спросил Манн, закончив осмотр. — Время вроде бы позднее.

— Жена, — сказал Кейсер, не шевельнувшись. — И именно потому, что время позднее.

— Она беспокоится? Ответьте, наконец, иначе соседи снизу проснутся.

Кейсер вытащил из кармана продолжавший звонить аппарат, посмотрел на дисплей, нахмурился и сказал с недоумением:

— Это не... Номер... Что-то я не...

— Ответьте, — предложил Манн.

— Слушаю, — сказал Кейсер, нажав на кнопку. Даже в холодном свете люминесцентной лампы видно было, как побледнел издатель, взгляд его стал пустым, как внезапно пересохший колодец. Почему-то Манн почувствовал побежавшие по спине мурашки, неожиданный ужас, охвативший Кейсера, передался и ему. Манн не был восприимчив к чужим эмоциональным состояниям, но сейчас ему передалась не эмоция, а нечто более глубинное — мгновенно пересохло во рту, нестерпимо захотелось выпить, причем почему-то не воды, что было бы по крайней мере естественно, а чего-нибудь покрепче, лучше — коньяка, которого Манн терпеть не мог. Он вспомнил о плоской бутылке, стоявшей на верхней полке шкафчика, и рука потянулась сама, Манн открыл левую дверцу, но бутылки не увидел — на полке лежала маленькая плоская белая коробочка, в каких продают лекарства, надпись Манн разглядеть не мог, нужно было взять коробочку в руку, но сделать это детектив не сумел бы ни при каких обстоятельствах — не то чтобы это было тяжело или неприятно, он просто знал, что не сделает этого даже под дулом пистолета, скорее умрет, чем дотронется до коробочки, и почему возникло такое неодолимое чувство, он не мог понять тоже, полное непонимание собственных желаний, поступков и состояния представлялось Манну самым странным и страшным, что могло с ним случиться, рука так и осталась поднятой, но, потеряв способность координировать свои движения в пространстве, он неожиданно услышал все, что говорил по мобильнику собеседник Кейсера. Голос был Манну не знаком, а слова...

— Здравствуй, Питер... Что ты делаешь в моей квартире? Уходи. И сыщика уведи, нечего вам у меня делать.

— Это ты... Ты не...

— Да. Только ты все равно ничего не понимаешь. И не поймешь. И не надо. Просто уходи. И сыщика уведи. А с Христианом я разберусь сам. Ты меня понял?

— Я...

— Понял или нет?

— Я... Да. Понял.

— Ну все. До встречи.

— До... Я не...

— Понятно, что ты не. Пока не. И еще не известно, до каких пор — не.

Голос в телефоне замолчал, и тишина — Манн слышал ее, хотя и не понимал, как это возможно, — настала такая, будто аппарат выключился вообще, не из сети даже, а вообще из мира, если мир — это какая-то информационная сеть, живая и, возможно, разумная.

— Гос-споди, — сказал Кейсер и уронил телефон.

— Что это было? — не узнавая собственного голоса, спросил Манн. — Кто? Я все слышал, что вам говорили. Это ведь не мог быть Койпер.

— Голос Альберта. — В глазах Кейсера по-прежнему была пустота, и говорил он, будто камни языком перекачивал, понять слова было трудно, но с каждым произнесенным словом жизнь будто возвращалась, и в конце фразы издатель сорвался на крик: — Я узнал голос, это он, но ведь Альберт мертвый, мертвый, мертвый!

— Успокойтесь! — резко сказал Манн. — Теперь-то уж точно понятно, что кто-то вас мистифицирует, запугивает. Кому-то надо...

— Я узнал голос!

— Точно это определить мог бы только полицейский эксперт по представленной записи, а этот разговор, конечно, не записывался, в вашем телефоне нет такой опции, верно?

— Нет, — поник Кейсер. — А... Христиан? Вы хотите сказать, что и это была... мистификация? Как это возможно?

— Скорее всего, — сказал Манн. — В наш век... Голограмма, например.

— Голограмма, заставившая Альберта принять яд? — с

сарказмом спросил Кейсер. — И коробочки в мусорном ведре не оказалось...

Вспомнив, Манн протянул руку и достал с полки кухонного шкафчика плоскую коробочку. Держа ее двумя пальцами за грани, детектив протянул коробочку Кейсеру и спросил:

— Эта?

Издатель отшатнулся от Манна, как от прокаженного.

— Да, — сказал он, бросив на коробочку единственный взгляд. — Вы ее сами подкинули? Ничего там не было — я искал.

— Я тоже, — задумчиво сказал Манн. — Ничего там не было — вы правы. Несколько минут назад не было. Потом зазвонил ваш мобильник...

— И что? — не понял связи Кейсер.

— Не знаю, — признался Манн. — Надо подумать. Все это должно иметь простое объяснение. Очень простое — чем более таинственным выглядит дело, тем на самом деле оно проще. Надо только понять причину. Способ.

— Способ? Из ничего является Христиан... Альберт умирает... Звонит мне с того света... Какой способ? Какой?!

Манн аккуратно завернул коробочку в салфетку, положил находку в карман куртки, внимательно огляделся и сказал:

— Все. Хватит. Зачем вы сюда приходили? За этой коробочкой? Мы ее нашли. Уходим, делать здесь больше нечего. Закончим разговор в другом месте.

— Мы еще не закончили? — тоскливо спросил Кейсер.

Манн не ответил. Подтолкнув издателя к выходу, он направился в прихожую, открыл тугую дверь на лестничную площадку, пропустил Кейсера и медленно, сантиметр за сантиметром, начал закрывать дверь. Хлопнет или нет? Не нужно, чтобы хлопнула. Если хлопнет, проснется Хельга. Выглянуть она не успеет — пока перелезет с кровати на коляску, — но стук запомнит и непременно скажет Мейдену. Если, конечно, старший инспектор еще не забыл о простом деле умершего от инфаркта художника.

Манн с усилием удержал дверь от удара о притолоку, и вроде бы все закончилось благополучно, без малейшего звука, но в самый последний момент, когда, казалось, дверь уже плотно закрыла проем, что-то громко шелкнуло, и с гулким стуком дверь захлопнулась, подтвердив свою репутацию.

— Что же вы... — начал Кейсер.

— Черт! — прошипел Манн. — Это какое-то... Я же держал ее до последнего...

На лестнице был полумрак, горели только слабые лампы над лифтовыми дверьми, Манн и Кейсер спустились тихо, будто и не касались пола, летели по воздуху — когда проходили (пролетали?) мимо квартиры Веенгартенов, Манну показалось, что в глазок кто-то смотрит, но это, конечно, было игрой воображения. На первом этаже в холле горел яркий свет, дверь на улицу открылась легко и так же легко за ними закрылась — без шума, лишь наборный замок мигнул зеленой и красной лампочками, отгородив дом от нежелательных посетителей.

— Господи, — сказал Кейсер. — Это какой-то кошмар... Мне надо домой. Давайте поговорим завтра. Хотя я не знаю, о чем нам еще говорить. Пожалуйста...

— Где ваша машина? — спросил Манн.

— Зеленый «Рено», видите?

— Вижу. Кто это там стрит? Ваша жена?

Кейсер тихо застонал и схватил Манна за локоть.

— Доброй ночи, — сказала женщина, выйдя из тени. — Я вас жду больше часа. Вы что-нибудь нашли?

— Господи, Кристина, — пробормотал Манн. — Как вы напугали господина Кейсера...

Они заняли столик в глубине зала, официант принял заказ — Манн заказал черный кофе, Кристина ледяного апельсинового сока, а Кейсер попросил чего угодно, лишь бы покрепче, — и на какое-то время повисло вязкое, тяжелое, как облако ядовитого газа, молчание. «Мартиник» был открыт круглые сутки, здесь можно было сидеть за единственной бутылкой пива хоть неделю, и никто не подойдет, пока посетитель сам не подаст официанту знак. Музыки не было никакой, но гул тихих разговоров создавал ощутимый звуковой барьер, отделявший, помимо тонких перегородок, кабинки друг от друга.

— Кого вы ждали, Кристина? — спросил Манн. — Меня или господина Кейсера?

— Вас, — сказала журналистка. — О присутствии там господина Кейсера я даже не подозревала.

— Знаете, Кристина, — улыбнулся Манн, — после нашего разговора я все время думал о том, под каким предлогом

мне вам позвонить и договориться о встрече. Вроде бы все вопросы я вам задал и больше ни о чем...

— А позвонить просто так, — перебила Кристина, — и пригласить в ресторан вам мешало ваше самолюбие?

— Нет, — Манн покосился на издателя, сидевшего с отрешенным видом и дожидавшегося то ли чего-нибудь крепкого, чтобы выпить, то ли чего-нибудь успокаивающего, чтобы прийти в себя. — Просто я решил, что вам со мной будет неинтересно. В живописи я так мало понимаю...

— Думаете, я понимаю больше? — рассмеялась Кристина. — Я о ней пишу, это так. Видела множество картин — от бездарных до гениальных. Могу каждую из них разобрать на составляющие, разбираюсь в стилях, школах и направлениях. Но если вы думаете, что я понимаю, как в голове художника — я имею в виду не мазилу, а настоящего живописца, — как в его голове рождается идея, — не композиция, не цветовая гамма, — именно идея... Я не представляю, а ведь это самое главное, что присутствует в любом творчестве. Идея, мысль, наитие. Почему у одного человека все это есть в избытке, а другой — пустое место?

— Вы меня поражаете, — пробормотал Манн. — Я часто думаю о том же самом.

Официант принес кофе и сок, а для Кейсера рюмку «кальвадоса», и удалился, улыбнувшись Кристине такой тонкой, исчезнувшей сразу после своего появления улыбкой, что Манну, с одной стороны, почудилось, что они давно и хорошо знакомы, а с другой — что ему всего лишь почудилось. Он подумал о том, что именно Кристина выбрала это кафе и привезла их сюда на своей машине, но выводов делать не стал, представляя, куда они могут его завести. Впрочем, какая разница? Но ему почему-то было неприятно думать, что Кристина и этот молодой парень, приехавший из одной из стран Магриба...

— Вы хотели что-то мне сказать? — спросил Манн, отогнав ненужные мысли. — И как вы меня нашли?

— Ватсон, это очень просто, — важным голосом произнесла Кристина и, не выдержав, прыснула. — Послушайте, Тиль, вы думаете, только профессионал умеет складывать два и два? Вы занимаетесь делом о смерти Койпера. С Ритвелдом вы уже говорили, были у него в мастерской. С Кейсером... — Кристина покосилась на издателя, сосредоточен-

но сосавшего из своего бокала, — с ним вы тоже общались до нашего с вами разговора. Из всей троицы оставался сам погибший — я бы на вашем месте непременно отправилась изучить его жилище. Ну, я так и сделала. Ваша машина стояла перед домом, свою я поставила неподалеку и стала ждать. Довольно долго, хотя я и приготовилась...

— Могли бы позвонить, — сказал Манн, — и не пришлось бы ждать, я бы к вам спустился.

— Чтобы я оторвала специалиста от работы? — удивилась Кристина. — Может, вы там занимались поисками важной улики, а я...

— Ну ладно, — сказал Манн, — давайте перестанем ходить вокруг да около. Вы хотели что-то сказать. Что-то вспомнили, верно? Очень важное.

— Я не знаю, важное или нет, — медленно проговорила Кристина, — но действительно кое-что вспомнила.

— На вернисаже?

— Нет. — Она медлила, и Манн подумал, что девушка не хочет говорить при Кейсере. Проследив за его взглядом, Кристина покачала головой. — Нет, — повторила она, придав слову другой уже смысл. — Я вышла из галереи, была разочарована, картины мне не понравились... Я шла к машине и думала, как писать статью — жестко и обидно или мягче, чтобы Ритвелд... И вдруг увидела... Я прекрасно слышала звуки города, то есть я хочу сказать, что ни на секунду не подумала, что со мной что-то не в порядке... Но я увидела одну из картин. Не картину, а место, где стоял Ритвелд, когда писал тот пейзаж. Солнце заходило за резко очерченный склон далекой горы. Бордовое, мрачное небо тоже было пурпурно-бордовым внизу и желтоватым в зените; там висело, как полотенце на гвозде, серое облако, похожее на цыпленка-табака. Предгорье погрузилось во мрак, но тени остались: то ли это были куцые деревья, под которыми лежали дохлые звери, то ли какие-то полуразложившиеся здания, убитые или умершие своей смертью. Это был потусторонний мир, я точно знала, что мир этот находится по ту сторону чего-то, я будто перешла границу, шагнула и оказалась там, и нужно шагнуть назад... Я так и сделала — и хорошо, что успела, звук сигнала я услышала мгновением раньше, когда еще была там... Я переходила улицу, и из-за

поворота... В общем, я успела отскочить, и грузовик промчался мимо, вы представляете, как я испугалась?

— Могу себе представить, — пробормотал Манн, думая все же не о грузовике, едва не сбившем Кристину, а об ее описании, удивительным образом совпавшем с его собственным впечатлением от первой картины, увиденной в мастерской художника. Он ведь так же об этом думал, теми же словами передавал свои ощущения, и облако в зените действительно видел похожим на распластанного цыпленка...

— Но это не все, — продолжала девушка. — Я оступилась и упала бы, если бы меня не поддержал мужчина. Я механически его поблагодарила и пошла дальше сама не своя, и только когда села в машину, подумала, что это тоже было странно, не менее странно, чем мое странное видение. Мне помог Ритвелд, но этого быть никак не могло — я точно знала, что он остался в зале, незачем ему было выходить следом за мной на улицу, да он и не успел бы: я видела, уходя, что он стоял в толпе посетителей в самой глубине галереи... Христиан взял меня под руку, спросил... Что же он спросил? «С вами все в порядке?» Примерно так, И ушел. Впрочем, не знаю — ушел ли. Я на какое-то время отвлеклась, приводила себя в порядок, а когда подняла взгляд, Ритвелда не было. Ни рядом со мной, ни вообще.

— Показалось! — с неожиданным ожесточением воскликнул Кейсер, внимательно слушавший рассказ Кристины. — Все, к черту, показалось! Все здесь, ко всем чертям, кажется!

— Успокойтесь, Питер, — сказал Манн. — И вы, — продолжал он, обращаясь к Кристине, — искали меня, чтобы об этом рассказать? Только об этом?

— Почему вы думаете, что было что-то еще? — нахмурилась журналистка.

— Потому, — терпеливо объяснил Манн, — что все это вы могли рассказать и при нашей первой встрече.

— Я не придавала значения...

— Вот именно. Вы не придали значения, но после нашего разговора случилось что-то, из-за чего вы вспомнили этот эпизод и бросились меня искать, причем не хотели звонить по телефону, а непременно лично...

Кристина поставила на стол свой бокал.

— Ну... Да. Случилось. Мы с Эльзой вышли из кафе, и я

вдруг вспомнила. С вам такое бывало? Вы точно знаете, что делали, скажем, час назад, вы помните это со всеми подробностями, они еще не успели выветриться из памяти, и вдруг вспоминаете — именно вспоминаете, — что делали нечто совсем другое, и это другое тоже помните со всеми деталями, еще из памяти не выветрившимися.

— Дежа вю?

— При чем здесь дежа вю? Вы не понимаете!

— Я понимаю, — торопливо сказал Манн. — Вы вспомнили. Что?

— В галерее. Я знаю точно, что с Ритвелдом не разговаривала. Ходила, смотрела, мы несколько раз встретились взглядами, он, видимо, хотел что-то у меня спросить, но мне было неинтересно с ним говорить, и я отворачивалась. Я знаю, что так было, понимаете? Но когда мы с Эльзой... Я вспомнила, как было на самом деле.

— На самом деле? — уточнил Манн.

— Ну... По правде, сейчас мне трудно сказать, что там было на самом деле, а что нет. Тогда мне показалось, будто события странным образом поменялись местами. На самом деле происходило то, что я вспомнила после нашего с вами разговора. А то, что я помнила раньше и о чем говорила вам, на самом деле не происходило, мне только казалось, что это... Я, должно быть, совсем вас запутала?

— Нет, — сказал Манн. — Продолжайте, Кристина.

— Так вот... Я вспомнила, что когда стояла перед третьей картиной, той, на которой изображена амстердамская улица при закате солнца — на самом деле такой улицы нет, это обобщенный образ, — так вот, Ритвелд подошел ко мне, взял за локоть — крепко, я поняла, что если стану вырываться, это привлечет внимание, — и сказал: «Это наш с вами уголок, вы узнаете его, вы не можете его не узнать»... И что самое удивительное: я узнала. В своем воспоминании я действительно узнала это место, и мне стало... не то чтобы не по себе, но... знаете, когда удовольствие от воспоминания смешивается со страхом и непониманием. Я узнала дом — старинный дом красного кирпича с длинными узкими окнами на втором этаже. Сюда мы приходили с Ритвелдом почти каждый вечер и оставались до утра, мы там занимались любовью, нет, вы можете себе это представить — я и Христиан? Но в тот момент я помнила: так все и было. Я помни-

ла, как он подошел, взял меня за локоть, показал на картину, и я будто вошла в нее, узнала, ощутила жар, потому что вспомнила, как мы... И тут все пропало, то есть не пропало, конечно — ничего ведь и не было, только картина в мозгу, — Эльза спросила у меня: «С тобой все в порядке?» «Да», — сказала я, и мы пошли дальше, но я быстро распрощалась и бросилась искать вас, потому что в тот момент мне казалось, что это очень важно — рассказать вам, что случилось.

— Ничего не понимаю, — пожаловался Кейсер. — У кого-то из нас плохо с мозгами. Или у всех сразу.

— С мозгами у нас все в порядке, — задумчиво произнес Манн. — Во всяком случае, нам следует придерживаться этого мнения, иначе мы никогда ни в чем не разберемся.

Издатель пожал плечами, поднес ко рту рюмку, поморщился, почувствовав не понравившийся ему запах, поглядел рюмку на свет и поставил на стол.

— Кальвадос, — пробормотал он. — Терпеть не могу кальвадос. Почему я его заказал?

— Кристина, — сказал Манн, — вы знаете, что картины, выставленные на вернисаже, — это не копии по памяти, сделанные Ритвелдом, а оригиналы, вовсе не сгоревшие во время пожара семь лет назад?

Кейсер двумя глотками допил свой кальвадос и раздраженно сказал:

— Зачем вы ей это говорите? Что, черт возьми, вы...

— Спокойно. — Манн отобрал у Кейсера бокал и осторожно поставил на стол. — Кристина должна знать, чтобы верно оценить происходившее.

— Картины не сгорели? — удивленно переспросила девушка. — А, понимаю... Страховка, да. Но погодите, там же нашли рамы, отдельные не сгоревшие фрагменты, я помню, это были те самые картины. Или то, что я помню, такая же ерунда, как...

— Нет, вы помните правильно, — успокоил Кристину Манн. — Сгорели копии. Оригиналы все эти годы лежали в мастерской Ритвелда.

— Тогда почему он... Да, понимаю. Интрига. Нарисовал заново. Очень интересно... Погодите, а копии, кто делал копии? Не говорите, я сама догадаюсь. Койпер, да? И если он молчал, значит... Ну да, и квартиру он купил не по средствам. Все сходится, как интересно! Значит, Христиан вы-

дал старые картины за новые. А Койпер знал и начал Ритвелда шантажировать. Тогда Христиан его убил.

— Что за фантазии! — воскликнул Манн.

— Почему... Нет, — сказала Кристина с сожалением. — Нет. Все, что вы сказали, — чушь, извините.

— Почему чушь? — нахмурился Манн.

— Потому что Ритвелд действительно показал другие картины. Не те. Можете мне поверить, я специалист, и память у меня хорошая.

— Да? — поднял брови Манн. — Не далее как пять минут назад вы вспомнили то, чего быть на самом деле...

— Не сбивайте меня! Это были другие картины, я готова присягнуть на Библии.

— Вы можете назвать детали, которыми новые картины отличаются от прежних?

— Детали — нет. У Ритвелда замечательная художественная память, он все повторил в точности. Кроме оттенков цвета, очень незначительные различия, но, мне кажется, именно поэтому картины стали другими — прежние возбуждали, от них невозможно было оторваться, я помню... да, — с вызовом сказала Кристина, увидев иронический взгляд детектива, — да, помню это свое ощущение силы и воздействия на подложку, а сейчас картины мертвые, изображения те же, но нет жизни. Те картины были шедеврами, а эти ничего не стоят. Понимаете?

— Господи, — вздохнул Манн, — не хватало только, чтобы вы действительно поклялись на суде, что картины — новые. Кстати, скажите, Кристина, эксперт может, наверно, определить, написаны картины недавно или семь лет назад?

— Вряд ли, — покачала головой девушка. — Разницу между новым полотном и столетней давности обнаружить можно. Другие краски, старый холст... Но семь лет назад Ритвелд писал теми же красками фирмы «Прамор», холсты выпускались точно такие же... Может, если провести микроскопический анализ, разницу удастся обнаружить, но это очень дорогая экспертиза, а Ритвелд — не Гоген, согласитесь. Кто станет тратить такие деньги? И зачем? Пусть спросят у меня — я тоже эксперт в своем деле. И я говорю: это другие картины.

— Тогда, — сказал Манн, — у Ритвелда не было мотива для убийства. Если сгорели не копии, и если он написал все заново... При чем здесь Койпер?

— Не знаю. Понятия не имею. Это вы детектив, а не я. Меня на суд позовут как эксперта. Даже не как свидетеля.

— Скажите, Кристина, — перебил женщину Манн, — вы ведь с самого начала знали об этой истории с подменной картин?

— Я? Почему вы решили...

— Вы не удивились. Когда я рассказывал о том, как была совершена подмена, вы слушали, кивали головой и совершенно не были удивлены. Даже не пытались разыграть удивление: то ли посчитали это ненужным, то ли не подумали... И об убийстве Альберта вы знали раньше, чем это было сообщено по телевидению. И около дома Альберта оказались не потому, что искали меня, — незачем вам было меня искать так поздно, вы могли рассказать о своих видениях завтра утром — или боялись забыть? И ваши слова о том, как вы точно рассчитали, что я буду именно там... Что мне было, вообще говоря, делать в квартире Койпера, где уже поработала полиция? Нет, вы приехали, потому что вам самой что-то нужно было в этой квартире. Увидели с улицы, что в комнатах горит свет, и остались ждать. Кого вы думали застать? Только не нас с Кейсером — я же видел, как вы были удивлены. Так кого вы там предполагали увидеть на самом деле?

— Вас, — сказала Кристина. — Но одного. Я удивилась тому, что с вами оказался Питер.

— Вы еще не видели кто со мной, когда... Ну хорошо. Похоже, что правды ни от вас, ни от господина Кейсера мне не услышать.

— Я не лгу!

— Пришло время, — продолжал Манн, — заканчивать, наконец, с этой историей. Вы хорошо знаете господина Ритвелда — он поздно ложится? По-моему, он сова...

Манн достал из кармана телефон, посмотрел на дисплей — за последние два часа было зафиксировано шесть звонков, но звуковой сигнал Манн выключил, когда входил в дом Койпера, и всем звонившим отвечал автоответчик. Нажав несколько кнопок, Манн убедился в том, в чем и так был уверен. Выбрав в памяти аппарата номер мобильного Ритвелда, детектив поднес трубку к уху. Кейсер не смотрел в его сторону, он не отрывал взгляда от Кристины, будто ожидал с ее стороны непредсказуемых поступков, а журналистка сидела, прикрыв веки и думая о чем-то своем. В

трубке раздавались долгие гудки — похоже, художник все-таки отправился спать. Или... Ритвелд мог не захотеть отвечать на звонок Манна, он же видел, кто к нему пробивался.

— Господи, — сказал наконец хриплый голос художника, — я вас умоляю... Тиль, вы не могли найти другое время?

— Я вас разбудил? — с иронией спросил Манн. Он был уверен, что Ритвелд не спал.

— Именно, — сказал художник. — Вы хотите сказать, что знаете, кто убил Альберта?

— Я хочу сказать, что нам нужно поговорить. Где вас можно найти?

— Сейчас?

— Сейчас. Мы можем приехать к вам в мастерскую через двадцать минут.

— Мы? — переспросил художник. — Со старшим инспектором Мейденом?

— Нет. Так мы едем?

— Ну... Хорошо. Я буду.

Ехать к Ритвелду Кейсер отказался наотрез, и Манн отпустил издателя домой — да и как он мог заставить его делать то, чего тот делать не хотел? К тому же пользы от его присутствия Манн не представлял — разве что как источник эмоционального давления. «Я вас видел!» «Что за чушь вы рассказываете?» «Вы явились к Альберту на моих глазах!» «Да я спал у себя дома»... Бессмысленно.

— Зачем вы его отпустили? — спросила Кристина, когда автомобиль Кейсера скрылся за поворотом улицы Брейн-страат.

— Потому что хотел побыть с вами наедине, — улыбнулся Манн и взял девушку под руку. Он думал, что Кристина рассердится и отберет руку или каким-нибудь иным способом выразит свое неудовольствие, но она прижалась к нему теснее, обхватила его пальцы своей теплой ладонью и сказала таким тоном, будто они были знакомы целую вечность, и то, что между ними сейчас происходило, ожидалось ею давно и с нетерпением.

— Почему вы не сказали об этом сразу, в кафе?

— В кафе... — Тогда у Манна и мысли не возникло о том, чтобы пригласить Кристину куда-нибудь, сидеть напротив нее, смотреть в глаза, и уж тем более не было мысли поцело-

вать ее в губы, крепко, так, чтобы перехватило дыхание. — Тогда, — сказал Манн, — рядом была Эльза, а это такой источник и передатчик информации...

— Двусторонний? — осведомилась Кристина. — Или только в вашем направлении?

— Боюсь, что многосторонний. Мне, как начальнику, перепадает больше, конечно, и на этой разнице я часто делал важные заключения.

— Может, тогда поедем не к Ритвелду — чего вы от него хотите в первом часу ночи? — а ко мне? Хороший кофе гарантирую, беседы об искусстве тоже, а остальное — как получится.

— С удовольствием, — сказал Манн, открывая правую дверцу машины и помогая Кристине усесться, — после разговора с Ритвелдом поеду к вам и расслаблюсь так, как никогда в жизни. А сейчас надо все-таки закончить дело. Можно, я сяду за руль?

Он обошел машину, сел на место водителя и включил двигатель.

— Вы что же, как и Кейсер, считаете, что Христиан убил Альберта? — недоверчиво спросила Кристина. — Это полный бред — то, что он рассказал. Призраки, отравленные капсулы...

— Картины, изменившиеся за семь лет хранения... — продолжил Манн. Улицы Амстердама были пустынные, но детектив все равно ехал медленно, так он привык, в городе он никогда не разгонялся даже до пятидесяти километров, а сейчас ему было так хорошо рядом с этой женщиной, ее духами, ее низким голосом.

— Картины действительно изменились, это я вам как профессионал говорю! Потому я и была уверена — как все, — что Ритвелд нарисовал копии по памяти. А бестелесный дух, ниоткуда возникающий... Это, простите... Почему тогда капсула с ядом оказалась материальной?

— Граф Калиостро, — напомнил Манн, — с успехом проводил сеансы материализации.

Кристина промолчала, поняв, что раскрывать свои секреты Манн все равно не станет, и лучше подождать развития событий, если им вообще суждено было как-то развиваться.

На Принценграacht горел всего один фонарь, и освещалась улица только тусклым светом витрин, в которых стояли манекены, лежали неопределимые в полумраке товары и

двигались странные тени, сначала напугавшие Кристину, а потом оказавшиеся отражениями в стеклах витрин фар их медленно двигавшейся машины.

— Вроде бы здесь, — пробормотал Манн. — Ночью все не такое, как днем...

— Я думала, — насмешливо сказала Кристина, — что детективы, как кошки, прекрасно видят в темноте.

— Видят, конечно, — серьезно отозвался Манн, — но обычно не могут узнать, что видят. Это ведь разные процессы — видеть и понимать.

— Да уж, это точно. — Кристина выбралась из машины, хотела захлопнуть дверцу, но подумала, как громкий звук разорвет ночную тишину, и тихо прикрыла дверцу, так что замок щелкнул едва слышно. Манн уже нажимал на кнопку звонка, глядя вверх, на третий этаж, где под крышей дома, в мастерской Ритвелда, было темно, будто хозяин вовсе и не ждал гостей, а давно ушел или улегся спать.

— Он точно понял, что мы поедем именно сюда? — с беспокойством спросила Кристина минуту спустя, когда дверь осталась закрытой, а в доме не слышно было никакого движения.

— Точно, — отрезал Манн. Он давил на кнопку звонка, а потом достал телефон и набрал номер Ритвелда — с тем же успехом, точнее — без всякого успеха, поскольку ни открывать, ни отвечать на вызов художник, похоже, не собирался.

— Что будем делать? — поинтересовалась Кристина, переминаясь с ноги на ногу.

Манн отошел к дому, стоявшему напротив, и попытался разглядеть, что происходило — если что-то происходило — в мансарде Ритвелда, но там было темно, в стеклах лишь отражались уличные отсветы.

Телефон в руке Манна завибрировал, и детектив ответил на вызов прежде, чем вибрация перешла в звуковые сигналы.

— Да, — сказал он, — послушайте, господин Ритвелд, мы битый час стоим перед вашим...

— Я вас вижу, — отозвался художник. — Входите, открыто.

Дверь действительно оказалась незапертой — Манн потянул на себя ручку, и они вошли в холл, где горели два ярких бра, а сверху им кричал Ритвелд, перегнувшись через перила:

— Поднимайтесь и не бойтесь шуметь, мы в доме одни! Манн держал Кристину за руку, она глубоко дышала,

поднимаясь, ступеньки были крутыми, Манн уже был здесь утром и знал, что после последнего поворота лестница станет еще круче, он поддержал девушку, когда она покачнулась, как-то само собой получилось, что он крепко обнял ее за плечи, а сверху на них смотрел Ритвелд, и по выражению его лица легко было понять, о чем он думал.

— Криста, — сказал художник, — я столько раз приглашал вас к себе, а вы отказывались, что теперь я даже и не знаю — доставляет ли мне удовольствие ваше неожиданное появление.

— Вы не слышали, как мы звонили? — прервал Ритвелда Манн. — Вы должны были слышать.

— Входите, — сказал художник, пропуская гостей внутрь. — Я не слышал, извините. Я только что вернулся, хотел перед вашим приходом кое-что уточнить, чтобы на ваши вопросы — вы ведь пришли ко мне задать вопросы, а не назвать имя убийцы? — ответить по возможности точно.

— В доме есть другой вход? — спросил Манн, помогая Кристине сесть в кресло, где сам сидел утром. Сейчас кресло было повернуто так, что, сидя, можно было видеть ряд из шести картин на мольбертах. Картины были занавешены белым полотном и создавали впечатление шести мраморных могильных памятников.

— Нет тут другого выхода, — сказал Ритвелд, усадил Манна на стул, принес маленькую скамеечку и сел на нее так, чтобы видеть и детектива, и Кристину и чтобы они видели его в свете двух бра, висевших на противоположных стенах мастерской. — Другого выхода вообще нет, — повторил он, придав фразе двусмысленный оттенок, не уловить который было невозможно. — И давайте договоримся сразу, — продолжал Ритвелд, обращаясь к Манну, но глядя на Кристину, — если вы пришли к выводу, что Альберта убил я, то это глупо. Я предполагал, конечно, что такая мысль посетит вас, но надеялся, что вы ее отбросите сразу как дурацкую и нелепую. Если вы на ней заикнулись...

— Вы приходили к Койперу позавчера ночью? — спросил Манн. — Вас видел Кейсер.

— Нет, — покачал головой художник. — Но если Питер меня видел, то ему нужно верить, он не обманывает. Знаете, я сам хотел его спросить, но боялся, что он неправильно поймет, то есть не поймет вообще, а вам он, видимо, сказал правду...

— Если вы признаете, что Кейсер не лжет... — продолжал Манн, потирая пальцами виски, в которых возникла и пульсировала боль, необычная для него и вдвойне неприятная из-за того, что мешала правильно оценить не только ответы художника, но и ситуацию в целом, понять, что происходило на самом деле; входя сюда, Манн это уже знал — как ему казалось, знал точно, — но теперь не был ни в чем уверен, даже в том, в чем, казалось бы, сомневаться не приходилось — лежит, черт побери, труп Койпера в холодильнике городского морга или нет? — Если Кейсер не лжет, — морщась, повторил Манн, — то вы дали Койперу капсулы с неизвестным веществом, он проглотил содержимое и почти сразу умер. А вы бросили коробочку, из которой доставали капсулы, в мусорную корзину и...

— И — что? — с любопытством спросил Ритвелд, внимательно вглядываясь в лицо детектива и пытаясь прочесть больше того, что сказано было словами.

— И ничего, — сердито сказал Манн. — Вам лучше знать, что вы делали потом и как покинули помещение.

— Откуда мне знать, если я там не был? — удивился Ритвелд.

— Кого, в таком случае, видел Кейсер?

— Меня, наверно, — пожал плечами художник. — Вы же верите тому, что говорит Питер, верно?

— Я никому не верю, — мрачно произнес Манн. — Есть факты. Есть улики, которые можно использовать и предъявить в суде. А есть слова. Одни слова против других слов.

— И есть ваши собственные впечатления, — тихо сказала Кристина. — Своим глазам вы верите?

— Своим глазам — не очень. Вещественным уликам — да. Главная улика лежит у меня в кармане. Вы оба, по идее, не можете знать, что это такое. На улике должны быть отпечатки пальцев. И легко узнать — чьих. Можно оставить это Мейдену — утром я отнесу улику в полицию, они проведут анализ, установят, кому принадлежат отпечатки... А можно сделать это сейчас — самим. Это решающая улика. И я знаю, чьи это отпечатки.

— Чьи? — с любопытством спросила Кристина.

— Убийцы, — отрезал Манн. — Итак, хотите провести опыт или утром мне пойти в полицию?

— Господи, — раздраженно сказал художник. — Я вижу,

как вам не терпится. Давайте вашу улику. Вы думаете, я убийца? Я вижу, вы так думаете. Давайте улику, и вот мой большой палец.

Манн полез в боковой карман куртки, где лежала завернутая в салфетку коробочка, обнаруженная давеча на верхней полке в кухне Койпера. Та самая коробочка, которая... которой... которую он не мог теперь нашарить и рылся в кармане, тыкая пальцем во все углы, ничего не находя и ужасаясь тому, что, дойдя уже вроде бы до окончательного вывода в расследовании, теперь оказался из-за собственной небрежности (из-за чего еще?) перед необходимостью или начать все сначала, или от всего отказаться.

— Что? — спросила Кристина, участливо наблюдая за тщетными поисками Манна и за выражением его лица — растерянным, хотя детектив старался сохранить видимую невозмутимость. — Там что-то было?

— Что-то было... — пробормотал Манн, вывернув карман наизнанку и не обнаружив в нем ничего, кроме крошечного комочка чего-то сейчас неопределимого, но к ожидаемой улике не имевшего никакого отношения.

Под пристальным взглядом художника и журналистки Манн вывернул все карманы, тщательно проверил и нашел только клочок бумаги с записанным на нем номером телефона — это был телефон клиента, чьим делом Манн занимался две недели назад, дело оказалось легким, полученный гонорар детектив давно истратил на погашение счетов, а бумажку выбросить забыл.

— Что вы искали? — спросил Ритвелд, когда, отчаявшись, Манн прекратил поиски, бросил куртку на пол и сел на стул, сложив руки на груди и переводя взгляд с Христиана на Кристину. — Что это за главная улика?

— Можно попросить кофе? — спросил Манн, ощущая в затылке давящую боль — то ли поднялось давление, то ли боль была психологической, реакция на непростительную оплошность. Где, черт возьми, он мог потерять коробочку?

— Да, конечно, — Ритвелд поднялся. — Криста, вам тоже? Какой?

— Черный, — сказала Кристина. — Покрепче. Две ложечки. И без сахара.

— А вам, Тиль?

— Тоже, — сказал Манн и, когда художник вышел, про-

должил: — Вот и все, Кристина, я проиграл. Не знаю, когда вам удалось...

— Удалось что? — в голосе девушки слышалось такое откровенное недоумение, что Манн опять засомневался в собственных выводах.

— Неважно, — пробормотал он.

— Нет, важно, — сердито сказала Кристина. — Я же вижу: вы хотите меня в чем-то обвинить, у вас взгляд такой, и тон... Вы думаете, я что-то вытащила из вашего кармана?

— Неважно, — повторил Манн.

— Нет, важно! — произнесла девушка. — Если это неважно для вас, то важно для меня. Говорите!

— Если вы настаиваете... — Манну казалось, что чем больше он тер виски, тем боль становилась шире и в целом переносимее, будто воду из глубокого колодца вычерпываешь и проливаешь на землю, и она растекается большой, но мелкой лужей, в колодце можно было утонуть, а по луже легко пройти, замочив только подошвы...

— Ведь это вы убили Альберта, верно? — сказал наконец Манн, пытаясь хотя бы по реакции Кристины определить, насколько правильным было его заключение.

— Я? — поразила девушка. — Вы действи... Как это — я?

«Нормальная реакция, — подумал Манн. Я бы тоже так реагировал, если бы меня... если бы я был ни при чем, а меня вдруг...»

Но ведь все сходится.

— Вы окончили два факультета — психологический и искусствоведения, — сказал Манн. — Вы обучены всем практикам гипноза, верно? Это легко узнать в институте, так что...

— Да, мы это учили, — кивнула Кристина. — Ну и что?

— Дальше. Я все думал — кому выгодно? Кто выигрывает от смерти Койпера? Ритвелд? Кейсер? Некий Икс, шантажист, о котором говорил Альберт? Я сразу решил, что шантажиста не существует, потому что постороннему человеку нужны деньги, а не труп. Когда я познакомился с вами, мне сразу не понравилось... Ну, вы слишком нарочито изображали отсутствие интереса, в то время как, по рассказу Ритвелда, интерес у вас к выставке был. Я подумал: может, Кристина знает больше, чем хочет показать? Что, если вы каким-то образом узнали о подмене картин? Вот и причина для шантажа. Но не для убийства, верно? Вечером я навел кое-

какие справки... И еще подумал: если вы в это замешаны, то захотите поговорить со мной без пристального взгляда Эльзы. Я, конечно, удивился, увидев вас у дома Койпера, потому что ждал, что вы мне позвоните и будете договариваться о встрече, но ваше нетерпение оказалось сильнее...

— Послушайте, Тиль...

— Нет, пока вы послушайте, Кристина. Вы хороший гипнотизер, верно? Я нашел в Интернете ваши оценки. Вы хороший гипнотизер, а я хороший хакер — иногда это бывает нужно. Вы ведь на экзамене заставили уснуть одного из профессоров, внушили ему, что он Леонардо да Винчи, и бедный старик в присутствии комиссии рисовал на бумаге Мону Лизу — и вроде бы даже неплохо для первого раза.

— Ну да, — сказала Кристина, — я с удовольствием вспоминаю. Если бы вы меня спросили, я сама бы вам рассказала. И не только о том случае.

— Были и другие, верно? Рад, что вы не отпираетесь...

— Почему я должна...

— Потому что, по словам Кейсера, в комнате Альберта непонятно откуда появился Ритвелд, протянул ему капсулы с ядом, тот проглотил, будто это было для него обычным делом... Классический пример внушенного поведения. Ритвелд художник и без пяти минут философ, ничего подобного он делать не умеет, а вы...

— По-вашему, я внушила Христиану идею отправиться к...

— Нет, конечно! Это невозможно, я прекрасно понимаю. Но вы могли внушить Кейсеру, что он видит Ритвелда, когда на самом деле он видел вас. И внушить Койперу, что он должен проглотить таблетку...

— Вы сами верите в то, что говорите? Все это физически невероятно, но даже если бы было так, то — зачем? Вы противоречите сами себе! Только что говорили о том, что шантажисту незачем убивать...

— Смотря какому шантажисту, — покачал головой Манн. — У вас был мотив и для шантажа, и для убийства. Вы узнали о подмене картин — раз. И вы были какое-то время близки с Койпером. Он вас бросил, а вы не из тех женщин, которых можно так просто оставить, верно?

— Это вам Эльза рассказала? — задумчиво проговорила Кристина. — А ей, скорее всего, Фрида. Неважно. Мои отношения с Альбертом не имеют никакого... Когда я узнала,

что он умер... У меня была истерика... Я действительно обвиняла себя в том, что он умер. Покончил с собой — так говорили. И мне казалось... Сейчас я понимаю, как это было глупо, наверно, я сама себе внушала, что он сделал это из-за меня — не то чтобы приятно было ощущение, что есть еще мужчины, способные... но какая-то гордость... и жалость тоже... Правда, потом передали, что у Альберта случился инфаркт, и стало как-то легче...

Речь Кристины становилась все быстрее и бессвязнее, похоже было, что она хотела в одной фразе высказать все, что накопилось в ее душе, но Манн, державшийся настороженно и ожидавший от журналистки самых странных поступков, уверен был, что каждое ее слово не случайно и составляет часть гипнотического ритуала, и если ей удалось легко обмануть внимание Ритвелда и Кейсера, то, значит, и с ним она может...

Или не может, если он, будучи предупрежден, не станет поддаваться?

«Почему так хочется спать? — подумал Манн. Почему у меня слипаются глаза и в ушах стоит странный тихий звон?»

— Кофе! — провозгласил Ритвелд, войдя в студию, и Манн, вздрогнув, выпрямился. Голова все еще была тяжелой, и звон в ушах не прекратился, и взгляд Кристины, от которого Манн старался увернуться, был уже не таким пронизывающим и призывным, но что-то осталось, и детектив встал, чтобы движениями избавить сознание от чужого влияния.

— Давайте я вам помогу, — сказал Манн и принялся снимать с подноса и расставлять на журнальном столике дымившиеся чашечки с кофе, сахарницу, рюмки, бутылку «Камю», вазочки с лимонными дольками, печеньем и конфетами.

— Я одного понять не могу, — сказал Манн, стоя к Кристине спиной, но и спиной ощущая ее взгляд, пронизывавший насквозь и выходявший из груди, как невидимый луч лазера, — что вы сделали с коробочкой... ну, той, где были капсулы. Кейсер утверждал, что вы... простите, Христиан...

— Что Христиан? — удивился Ритвелд. — Вы обо мне говорите? О чем речь?

— Сейчас, — отмахнулся Манн, взял свой кофе и говорил, продолжая смотреть не на Кристину, а на одну из картин, ту, где заходившее солнце наполовину погрузилось в стылую землю. — Кейсер утверждал, что убийца бросил коробочку в мусорное ведро. Впоследствии я обнаружил ее в

кухонном шкафу и взял, потому что там могли быть отпечатки пальцев... Но сейчас я не нашел коробочку в своем кармане. Вопрос: зачем нужно было ее выбрасывать в квартире Койпера, если проще было выбросить в мусорный бак на улице? Вопрос второй: можно ли внушить...

— Невозможно, — решительно сказала Кристина. — И не говорите глупостей, Тиль, вы заставляете себя поверить в то, во что еще вчера наверняка не поверили бы ни под каким видом.

— Но ведь вы действительно внушили профессору...

— Господи, это был экзамен!

— О чем речь, господа? — попытался еще раз вмешаться в разговор художник. — Тиль, я вижу, вы в чем-то обвиняете Кристину. В чем?

— Господин Манн утверждает, что я убила беднягу Альберта из мести, а вас с Кейсером шантажировала, потому что узнала от Альберта о вашей афере с картинами.

— Но ведь вы о ней действительно знали, — усмехнулся Манн.

— Ну, знала, — вздохнула Кристина. — Из-за этого мы часто с Альбертом ссорились. Я говорила, что он делает глупость, а он...

— Значит, когда на выставке вы говорили мне... — начал Ритвелд.

— Я говорила то, что думала! — воскликнула Кристина. — Альберт считал, что картины стали лучше, а мне казалось, что это как раз и были копии, те копии, что якобы сгорели в типографии. Это были картины Альберта, вот почему он и сказал, что...

— Господи! — Ритвелд раскачивался на стуле, обхватив голову руками. — Сколько глупостей, сколько нелепостей, сколько ерунды... Тиль, Кристина не убивала Альберта, с чего вы взяли? И шантажом занималась не она, я еще способен отличить мужской голос от женского. Я знаю, что Криста владеет методами гипноза, но нужно быть таким старым перечником, как тот профессор, чтобы суметь поддаться ее гипнотическим чарам. Криста и кошку не способна загипнотизировать, я сам был свидетелем, помнишь, Криста, как лет шесть назад ты устроила сеанс и ничего не получилось?

— Я-то помню, — вяло сказала Кристина.

— Тиль! — воскликнул Ритвелд. — Спасибо вам! Вы сде-

лали все так, как нужно. Вы обнаружили решающую улику. Я так на вас надеялся, сам я не смог бы...

— Решающую улику? — нахмурился Манн. — Коробочка — вот улика, которая могла бы...

— Глупости, — сказал Ритвелд. — Решающая улика — показания Питера. И исчезновение коробочки. Исчезновение, а вовсе не отпечатки пальцев, которые там могли оказаться.

— Господин Кейсер сказал... — медленно произнес Манн, надеясь на то, что художник закончит фразу и поставит, таким образом, все точки над *i*.

— Питер сказал, что видел меня. Значит, так и было, потому что... — в раздумье произнес Ритвелд, помрачнев. Не закончив фразу, он замолчал и долго смотрел на одну из своих картин, Манну с его места трудно было понять — на какую именно: то ли на вторую слева, где был изображен домик в деревне, то ли на третью — с видом на амстердамскую улицу.

Кристина мелкими глотками пила кофе и, похоже, намерена была пить бесконечно долго, даже потом, когда останется одна гуща, все равно она будет подносить чашку ко рту, прищуривать глаза и втягивать каплю за каплей, просто чтобы время шло и ничего не менялось.

Манн ждал. Он готов был к признанию Ритвелда, понимал, что признаваться художнику не хочется, он почему-то надеялся избежать не только признания; наверняка, нанимая Манна, художник предполагал, что детектив запутается и начнет подозревать кого-то, на кого Ритвелд хотел направить следствие — в том числе полицейское. Помогать ему Манн не хотел — не в его правилах было помогать убийце, это он решил для себя еще в те дни, когда открывал агентство: он понимал, что всю оставшуюся жизнь придется расследовать супружеские измены или распри обманувших друг друга компаньонов по бизнесу, но все равно дал себе слово никогда, ни при каких обстоятельствах не помогать убийцам — могло ведь так получиться, никто не застрахован, что обманутый супруг, получив от Манна информацию, убьет или собственную жену, или ее любовника...

— Значит, это был я, — сказал наконец Ритвелд, будто точку поставил в собственных размышлениях. — Я только понять хочу... Во что я был одет, это вам Питер сказал?

— А сами вы не помните? — поднял брови Манн. — Вы подтверждаете, что убили Койпера?

— Я? Да что вы! Конечно, нет! У меня и в мыслях...

— Только что вы сказали — повторяю вашу фразу: «Значит, это был я».

— Я, — кивнул художник. — Но не тот я, что сидит перед вами.

— Да? А какой? Вас что, несколько? Братья-близнецы? Ну конечно, если там был ваш брат, он мог быть одет не так, как вы, потому вы и спросили... У вас нет братьев, Христиан, тем более — близнецов.

— Нет, конечно, — согласился Ритвелд. — Зачем мне убивать Альберта?

— Чтобы он молчал о вашей афере, — пожал плечами Манн. — Вы решили, что он — шантажист, платить не собирались...

— Тогда я должен был убить еще и Питера, верно? Он тоже знал. И Кристину. Та тоже знала, верно? Альберт сделал глупость, рассказав тебе, но ты знала, и я знал, что ты знала, — я это понял, увидев, как ты вела себя на выставке. Значит, и Кристину я должен был убить, дорогой Тиль?

— Вы сказали: «Значит, это был я».

— А вы решили, что это признание. Да, я понял, что это был я. Другой. И я вот о чем думаю: если облить эти картины бензином, у меня есть канистра, должно хватить... Облить и поджечь, и чтобы все сгорело, как тогда в типографии. Дотла. Тогда Альберт окажется живой? Должен окзаться. А мы все — мы будем помнить, что происходило, или память наша тоже изменится, и вы, дорогой Тиль, перестанете понимать, что вас сюда привело, а я напроць забуду о том, что просил вас расследовать убийство, — действительно, как я смогу это помнить, если Альберт не умрет... или лучше сказать — не умер...

— Пожалуйста, — прервал Манн быструю и бессвязную речь Ритвелда. — Я понимаю, что вы хотите мне внушить. Это не убедит ни Мейдена, ни, тем более, суд. Это не убедит никого, даже Кристину, посмотрите, как она на вас смотрит — будто увидела привидение.

— Вы понимаете? — взмахнул руками художник. — Вы? Тиль, вы замечательный сыщик, вы дали ответы на все занимавшие меня вопросы. Но понять вы не смогли ничего. Извините. И я не хочу, чтобы вы понимали. Точка. Вы получите свой гонорар, когда я продам картины. А доказать,

что именно я убил Альберта, вы не можете. И Мейден не сможет. У вас есть коробочка с ядом? Есть что-то, кроме рассказа Кейсера, а он наверняка не пойдет к Мейдену, он еще не сошел с ума, чтобы рассказывать в полиции историю, в которую никто не поверит. Что у вас есть против меня? Ничего. Верно, Кристина?

— Наш контракт не завершен, — упрямо проговорил Манн. — Были два вопроса. Первый — кто убил Койпера. Ответ — вы. Второй — кто вас шантажировал? На этот вопрос я пока не получил ответа.

— Получили, Тиль. Это тоже был я, успокойтесь.

— Звонили сами себе? — усмехнулся Манн.

— В некотором роде.

— Послушайте, Христиан, — сказал Манн. — Вы убили Койпера и признались в этом. Конечно, есть противоречия, но я с ними разберусь, будьте уверены. И не нужно мне вашего гонорара, неизвестно еще, насколько он велик.

— Доброе имя дороже, — кивнул Ритвелд.

— Вам смешно? Но для меня действительно...

— Послушайте, вы оба, — голосом, напряженным до такой степени, что, казалось, сейчас сорвется на крик, сказала Кристина. — Хватит паясничать. Тиль, вы ничего не поняли в том, что сами обнаружили. Христиан, начните с начала — я хочу знать, я имею право, вы согласны?

— Да, — серьезно сказал Ритвелд. — Вы имеете право знать. Проблема в том, что такое знание. Что такое истина. Я с самого начала знал все. Но я знал, что то, что я знаю, — во все не то, что захотят знать остальные. Полиция, к примеру. Тогда я позвонил вам, Тиль, и попросил провести расследование. Я готов был принять любой ваш вердикт, но был убежден, что истину в моем понимании вы не раскроете. Так и произошло. В вашей версии множество прорех, но вы в ней убеждены, потому что глаза у вас направлены вовне, а нужно, чтобы они смотрели внутрь, в глубину. Впрочем, в ваших способностях я убедился — в конце концов, вы сведете концы с концами, отыщете если не факты, то их заменители, такие, чтобы можно было сложить мозаику исключительно из тех элементов, которые представляются вам ясными, доказанными и однозначными. На самом деле все не так, но это вас не будет беспокоить, потому что в любой картине главное — ее завершенность с точки зрения создателя, то есть вас.

— Не я дописываю картину, — пробормотал Манн, — а полицейское следствие и суд.

— Суд! — воскликнул Ритвелд, взмахнув руками. — Ваш суд оценивает вашу истину. А мою истину оценивает суд толпы. Оба суда уверены в своей оценке. Оба опираются на законы. Первый — на уголовное право. Второй — на законы художественного восприятия, такие же объективные, как закон Ома или Тициуса-Бодe.

— Пожалуйста, — устало проговорил Манн. — Я не хочу спорить о вещах, в которых мало понимаю. Вы сами согласились: я сделал то, что вы просили. Нашел убийцу. Вы признались. Это, конечно, не доказательство. Доказательством может стать коробочка с ядом, на которой были бы ваши отпечатки. И знаете, что я вам скажу? Она где-то здесь. Вы могли, конечно, выбросить коробочку в окно, когда выходили готовить кофе, но, скорее всего, не сделали этого, потому что предполагали, что коробочка еще может вам пригодиться. Мало ли что... К тому же она такая маленькая, и спрятать ее легко. Тем более что полиция, надо полагать, не станет подозревать именно вас, потому что не знает о подмене картин. Мне вы рассказали — зачем, кстати?

— Я хотел знать, — твердо сказал Ритвелд. — Я хотел знать, к какому выводу придет человек, имеющий полную информацию о происходившем. Полную. Я ничего от вас не скрывал...

— Кроме коробочки, — вставил Манн.

— Господи, далась вам эта коробочка! — воскликнул Ритвелд. — Вы уверены, что она была на самом деле?

Манн промолчал.

— Вы доложите обо всем полиции? — деловито осведомился Ритвелд.

— О чем? — спросил Манн.

— О ваших выводах.

— Меня наняли вы. Перед вами я отчитался. Могу прислать письменный доклад.

— И послать в полицию копию. Вы так и сделаете?

— Я обязан, — сказал Манн.

— Вы не работаете в полиции, — напомнил художник.

— Я обещал Мейдену сообщать обо всех найденных мной уликах и сведениях.

— Вот странно, — сказал Ритвелд, глядя в пространство. —

И вы, и я пришли к одному и тому же выводу. И вы, и я живем в одном мире, видим и слышим одно и то же. Но понять друг друга не в состоянии. Вы говорите: Альберта убил я. Я тоже это знаю. Но я знаю также, что я, сидящий сейчас перед вами, Альберта не убивал и убить не мог. Я знаю, что произошло на самом деле, но вы мне не поверите, если я расскажу. Вы тоже составили себе картину преступления, и я знаю, что она неверна. Как абстрактное полотно, написанное талантливым художником, изобразившим собственный внутренний мир. И он, и зритель на вернисаже видят один холст, одни линии, одни цвета — и в то же время ничего общего. В живописи это считается достоинством. В криминалистике — нет.

— Пожалуйста, Христиан, — сказала Кристина. — Я хочу выпить. Коньяк и немного кофе, хорошо?

— Вы хотели сказать: кофе и немного коньяка, верно? — улыбнулся Ритвелд. — Вы позволите, Тиль? Пойдете со мной на кухню или побудете здесь?

— Идите, — пожал плечами Манн. — Я бы тоже от кофе не отказался. Две ложки и без сахара.

Художник взял поднос с пустыми чашками, оставил на столике бутылку коньяка и пошел к двери.

— А когда вы вернетесь, — сказала ему вслед Кристина, — то расскажете все с самого начала.

Ритвелд не ответил.

— Простите меня, Кристина, — сказал Манн, когда художник вышел. — Конечно, я не думал, что вы убили Койпера...

— Спасибо, — сухо сказала девушка.

— Я хотел спровоцировать Христиана на признание...

— И вы его получили, — перебила Кристина. — Теперь вы точно знаете, что Альберта убил он?

— Есть мотив, есть возможность. Не совпадают кое-какие детали — соседи-инвалиды, например, не слышали стука двери, кто-то передвигал тяжелый шкаф... Но ведь они могли ошибиться, верно? Нет решающего доказательства, все улики косвенные, хороший адвокат сделает из обвинения фикцию, и суд присяжных Христиана оправдает, понимаете?

— А мое мнение? — спросила девушка. — Что картины изменились, что подмены не было, что Христиан не такой человек, чтобы убить, а Альберт не такой, чтобы быть шантажистом? Кейсер же вообще трус, на подлог он еще спо-

собен, но на убийство и даже шантаж — никогда в жизни. Мое мнение имеет для вас какое-то значение?

— Ваше мнение, Криста, — медленно проговорил Манн, глядя ей в глаза, ему хотелось взять Кристину за обе руки, прижать к груди, трогать ее тонкие пальцы, ощущать запах ее духов, он плохо понимал, что с ним происходило, но хотел, чтобы происходившее продолжилось и чтобы произошло что-то еще, чего в его жизни пока так и не случилось, возможно, и не случится — только потому, что сейчас, именно в это уже протекшее между пальцев мгновение им не удалось понять друг друга, рассмотреть друг друга, увидеть то, что так легко увидеть, если понять и рассмотреть... — Ваше мнение, Криста, — повторил Манн, отведя взгляд, чтобы не поддаваться очарованию и ненужным сейчас желаниям, — очень интересно и важно. Но это — мнение, понимаете?

— Знаете, Тиль, — мягко проговорила Кристина, взяла Манна за кончики пальцев и крепко их сжала, — мир на самом деле — это представление, возникающее у каждого из нас. Я знаю, что расскажет Христиан, а вы не представляете этого. Ваше представление о реальности рационально, оно, наверно, таким и должно быть у человека, расследующего преступления. А мое представление сложено из эмоций, и то, что для вас — факты, для меня — только одно из возможных представлений и далеко не всегда правильное. Понимаете? Для Христиана — то же самое, он художник.

— Он убил человека, — упрямо настаивал Манн, пытаясь сопротивляться крепким пальцам девушки.

— Он не убийца, — тихо повторяла Кристина, глядя Манну не в глаза, а гораздо глубже, не в душу, он не знал, что такое душа, не верил в ее существование, но что-то было сейчас в нем такое, о присутствии чего он не подозревал прежде, что-то глубокое и свое, и туда, в его лишь сейчас обнаруженное «я» вглядывалась Кристина и заставляла Манна тоже смотреть, и тоже верить, и тоже сомневаться. Гипноз, подумал он. Вот так она и Кейсера... Вот ему и почудилось...

— Прошу, — сказал Ритвелд, открывая дверь ногой, потому что руки были заняты. На подносе стояли не только чашки, но еще и три тарелочки с сэндвичами: с сыром, красной рыбой и колбасой. Художник опустил поднос на журнальный столик, сделал вид, что не замечает позы, в ка-

кой застал Манна и Кристину, а они, отпрянув друг от друга, сделали вид, что все это время занимались разглядыванием посуды на полке. — Прощу, — повторил Ритвелд, — пейте, Тиль, ешьте, но слушайте меня внимательно, потому что повторить я не смогу. Это полицейский протокол можно повторить сто раз, не меняя ни слова, а впечатления меняются от пересказа, первое — правильное, второе уже впитывает нечто от первого и третьего... В общем, — прервал он сам себя, — если вы готовы, я начну.

Семь лет назад, узнав о пожаре в типографии, я сказал себе: «Господи, как хорошо, что сгорели всего лишь копии». Подлинники картин стояли в моей мастерской, не здесь, это помещение я снял года три спустя, а тогда я обитал в районе Вестпорта и мог бы, если бы не спал в ту ночь сном праведника, видеть, как занялось над типографией пламя, и слышать вой пожарных сирен.

Мне позвонил Питер, и голос у него был таким убитым, что я подумал: неужели он поссорился с Мартой? Марта была тогда его... Впрочем, неважно, это его личные проблемы. Мы быстро переговорили, согласовали план действий, а потом я поехал к Альберту, который ничего не слышал о пожаре. С Альбертом пришлось непросто — ведь это его работа стала прахом, — но, с другой стороны, по нашему договору все равно никто не должен был знать о том, что существовали копии, и значит, для Альберта по сути ничего не менялось, гонорар он получил, нам нужно было только гарантировать его молчание — хотя что он мог доказать, даже если бы раскрыл рот? Альберт понимал это не хуже нас, а сумма, которую он получил дополнительно к гонорару, вовсе умерила его претензии.

Расследуя происшествие, страховая компания могла прислать ко мне своих агентов, и я в тот же день вынул картины из рам, свернул холсты, завернул в полотно и спрятал в подсобке — это тёплое сухое помещение, я был уверен, что ничего там с картинами не сделается, а рыскать на складе агенты вряд ли будут, нечего было им там искать, они и не стали, пришли двое, долго со мной говорили, все записали, тем дело и ограничилось, случай представлялся ясным даже страховикам, и деньги мы получили незамедлительно.

Тогда это и началось. Может, все сложилось бы иначе,

не получи я в те дни несколько крупных заказов — мое имя было у всех на слуху, я стал модным художником, и вот странное дело: не потому, что поразил кого-то своими шедеврами, а наоборот — потому, что не стало картин, о которых ходили слухи и назвать которые шедеврами могли только два человека: я сам и Питер Кейсер. Альберта, понятно, никто не спрашивал.

Я получил выгодные заказы, принялся за работу и понял, что ничего у меня не получится. Нет, заказчики остались довольны, можете спросить, я дам вам адреса, где сейчас находятся мои картины, их купили уважаемые в Амстердаме люди, один до сих пор заседает в городском совете. Заказчики были довольны, а я понимал, какая это мазня без внутренней силы, без энергетики, если вы понимаете, Тиль, что я хочу сказать. Я то и дело бросал кисти и, как пьяница, не способный и получаю просуществовать без бутылки, отпираю дверь в подсобку, разворачивал одну из картин, раскладывал на полу, верхний свет создавал удачное освещение, и я смотрел, как жили на полотне деревья, как тени от домов в лучах заходившего солнца становились длиннее, а в окнах кое-где загоралось электричество...

Я прекрасно понимал, что лишь мое воображение заставляло картины жить — будто заключенная в них сила моей фантазии тоже была свернута в трубку и вынуждена была сдерживать себя, а когда я разворачивал картину, сила фантазии распрямлялась, будто пружина, и на какое-то время заставляла изображение жить по-настоящему: люди двигались, солнце опускалось, тени удлинялись, с деревьев падали листья... Я следил за переменами, пока через полчаса или час все не успокаивалось, застывало в ином, не мной придуманном ракурсе, и я спешил свернуть картину и клал на место, в угол. Я знал, что, когда приду в следующий раз, картина окажется такой, какой ее писал я, а все прошлые изменения, конечно же, останутся игрой моего воображения.

Так продолжалось довольно долго — полгода или больше, — пока я не провел эксперимент: принес в студию фотоаппарат и снял на пленку одну из картин, когда изменения в ней стали, на мой взгляд, совершенно необратимыми. Видите сельский домик, шестая картина слева? Вон тот человек, что стоит у двери, — в то утро он неожиданно упал, у него случился сердечный приступ, я знал это точно, и

вспышка магния зафиксировала момент, когда он лежал, скрючившись и глядя на меня белыми от боли испуганными глазами.

Пленку я проявил в мастерской Девита, что на Дамраке, — это самое надежное место и самые качественные фотографии. Они... Пленка оказалась непроработанной — на ней не было ни одного отснятого кадра. «Может, вы забыли открыть объектив?» — ехидно улыбаясь, спросил меня мальчишка, выдававший заказы. Это был глупый вопрос — если объектив закрыт, ни вспышка, ни экспозиция не сработают!

Я был обескуражен и больше не пробовал фотографировать мои картины — понимал, что они этого не хотели.

Вы улыбаетесь, Тиль? Будь вы на моем месте, вы отнеслись бы иначе? Вы отнеслись бы, как я. Вы поняли бы, что есть другая жизнь, и все, что наша фантазия отображает на полотне, в стихах или прозе, в мраморе или в музыкальных образах, все это существует на самом деле — где-то, когда-то, как-то. И когда мы уничтожаем картину, мы, возможно, уничтожаем чью-то реальную жизнь, чей-то реальный сад, чье-то реальное прошлое. А если сгорает рукопись... Один русский автор — вы читали «Мастера и Маргариту»? — написал: «Рукописи не горят». Это действительно так — сгореть может бумага, а то, что на ней написано, все равно остается, потому что существует где-то, когда-то, как-то.

Я приходил в кладовку по несколько раз в день, разворачивал одну картину за другой и смотрел, смотрел... Всякий раз картины менялись по-разному и всякий раз становились прежними, когда я заворачивал и оставлял на время — бывало, я возвращался час или полчаса спустя, и все успевало возвратиться на круги своя.

Прежде чем делать выводы, я провел еще один эксперимент: нарисовал два пейзажа — вид на Амстель со стороны бухты, — свернул их и поставил рядом с шестью полотнами.

Я с трудом дождался утра — ночью меня посещали кошмары, — примчался сюда, развернул и стал смотреть. Долго, не отрывая взгляда. Ничего не изменилось, ни единой детали. Картины лежали мертвые, как тела в покойницкой. Я, кстати, продал их потом на аукционе за приличную сумму.

Тогда я окончательно понял: в том, что происходило с картинами, виноваты сгоревшие копии. Вы усмехаетесь,

Тиль, вам это кажется нелепым? Мне тоже так казалось одно время. Но когда нелепость на ваших глазах меняется... Либо вы должны признать себя безумцем, либо попытаться понять, как такое может произойти на самом деле.

Я попытался понять. Вы наверняка поинтересовались, чем я занимался последние семь лет, верно? И знаете, что я получил первую степень по философии — на большее меня не хватило, но и того, что я узнал, оказалось достаточно, потому что мне не столько знания были интересны, сколько направление поисков той истины, что заключалась в картинах и проявляла себя.

Я искал ответы в религиозных книгах, не только в философских. Мне казалось, что я нашел ответ в индуистских трактатах о самопознании, но я все же понял, насколько был далек от истины. Мне казалось одно время, что ответ содержится в древних текстах, я попытался читать, но это было так примитивно...

В конце концов я все понял сам. Всегда до всего истинного доходишь своим умом. Истины заемные есть ложь. Когда я понял, мне не нужно было проводить эксперимент, чтобы что-то себе доказать. Это было озарение, интуитивное прозрение — как можно доказать то, что явилось ниоткуда, подобно вспышке, и ты понял, и понимание стало в тот же момент частью тебя, все равно как если бы ты не знал, что дважды два — четыре, и вдруг прозрел, и воскликнул: «Да ведь дважды два — четыре, как же я, дурак такой, не понимал этого раньше?» И разве это нуждается в доказательстве?

Я понял, что существует множество миров, подобных нашему и совсем не похожих. Возможно, их бесконечное количество, но я не могу представить себе бесконечность, это понятие мне чуждо, хотя в одной популярной статье я прочитал, что какой-то физик действительно утверждает, будто мир бесконечен не только в наших четырех измерениях, но и во множестве других, которые мы не можем ощущать, но которые связаны с нашими пространством и временем мириадами нитей причин и следствий. Связи эти спонтанны и неожиданны, проявиться могут в любом месте и времени. Мы сами постоянно это ощущаем и видим, но не придаем значения, не обращаем внимания. Разве вы не встречали на улице человека, о котором точно знали, что он умер — возможно, даже были на его похоронах? Как похож, говорили

вы и торопились прочь, не пытаясь подойти и спросить имя, заговорить, понять. А может, просто боялись, что так и окажется и вам придется менять свои убеждения, вам было страшно — но не оттого, что вы встретили мертвеца, а потому, что хотели остаться самим собой...

И разве не бывало с вами такого: вдруг вы находили чуть ли не на самом видном месте в квартире предмет, потерянный год назад? В свое время вы тщательно искали, осмотрели все углы — не нашли и успокоились, и вдруг вот он, и вы стоите в недоумении, вертите вещь в руке, это она, сомнений нет, но как вы могли не замечать ее так долго?

Вы и мысли не допускаете, что вчера, когда вы искали, вещи действительно не было, и появилась она потом, когда вы не смотрели, возникла из ничего, а если бы вы не спускали с этого места глаз, то и вещь не возникла бы, потому что все взаимосвязано: вы, ваш мир, мир вашего духа, вашей фантазии, и тот, другой мир, в котором и вы, и ваш дух, и фантазия ваша существуют в ином, измененном виде; иногда эти миры пересекаются, и тогда отыскивается давно потерянный предмет — он никуда не исчезал, он был всегда, и физик сформулировал бы по этому поводу какой-нибудь закон сохранения, — но пребывал этот предмет в другом мире, и я вам скажу кощунственную вещь, но мне она кажется естественной: возможно, многие из тех, других, миров вовсе и не материальны? Нет, я не о духе говорю, а о чем-то другом, отличном от материи, как электромагнитное поле отлично от куска горной породы. Наверно, есть и такие миры, потому что как иначе соединить две реальности — должен быть мост, верно?

И если существуют другие миры, то в них живем мы — тоже другие, а может, такие же самые, только в одном из миров кто-то из нас родился раньше, чем здесь, кто-то позже; в другом мире я, возможно, так и не написал этих картин, а если написал, то не заказал копий, а если заказал, то они не сгорели, и нам с Питером не пришлось обманывать страховые компании, вы все это понимаете, Тиль? А вы, Кристина?

Я долго думал об этом, и однажды на меня напал страх. Жуткий, необъяснимый — страх того, что картины эти, если они действительно являют собой связующее звено с теми, сгоревшими, если оригиналы связаны с копиями какими-то энергетическими нитями, если те, сгоревшие, пребывают в одном из иных миров, то, значит, и эти картины, из-

менения в которых я наблюдал каждый день, — значит, и они стали частью не нашего, а какого-то иного мира и, возможно, даже не одного — почему картины всякий раз иные? Значит, всякий раз я вижу другие картины, те, что я писал во втором мире, третьем, десятом?

Я испугался — сам не знаю чего. Я подумал, что если и дальше держать картины в кладовке, то энергетика их, возрасставшая всякий раз, когда я их раскладывал на полу и смотрел на произошедшие перемены, эта энергетика действует на меня подобно гипнозу, и я сам становлюсь другим, в меня переходят частицы тех миров, ведь когда я смотрю на картины, я и сам нахожусь там, а не здесь, верно?

И если когда-нибудь я останусь там навсегда?

Только страх заставил меня совершить глупость — вытащить картины из подсобки, вставить в рамы, расставить по мольбертам в мастерской и объявить, что восстановил сгоревшие полотна. Я думал, что если множество глаз станут отслеживать каждое возможное изменение, то изменений не будет вообще. Картины меняются, когда остаются одни, а если на них смотреть — да еще в тысячи глаз, — то как они могут измениться? Ведь не появляется забытая книга из ничего на ваших глазах — вечером вы идете спать, ее еще нет на полке, утром она уже стоит, а если бы вы всю ночь бродили по комнате и неотрывно смотрели? Книга не появилась бы, потому что существуют какие-то законы природы, о которых ни я, ни, возможно, самые умные ученые не имеем ни малейшего представления.

Я думал избавиться от кошмара, а вместо этого получил кошмар, много более страшный.

Я сказал, что мы не знаем законов того слишком для нас сложного мира, в котором живем сами и который пытаемся понять. Мы их действительно не знаем! Почему, едва картины были вынесены на свет из тьмы, мне начал звонить неизвестный и намекать на события семилетней давности? Почему его голос казался мне таким знакомым, что я не мог его узнать? Это был мой собственный голос, Тиль, и я понял это только после того, как вчера утром, когда неизвестный позвонил опять, записал разговор на магнитофон и сравнил запись с записью моего же голоса на автоответчике. Я звонил себе, я был шантажистом и грозил рассказать всем

о собственном поступке. Может, это звонила моя совесть из какого-то измерения, где личность нематериальна?

Не пожимайте плечами, Тиль, я знаю, о чем вы думаете, но я-то думаю иначе, и для меня все, о чем я думаю, реально так же, как для вас реальные отпечатки пальцев.

А потом умер Альберт, и в то утро, услышав о его смерти, я подумал, что это я убил его. Я знал это так же точно, как знал о том, что над домом взошло солнце. Когда вы думаете «Дважды два — четыре», вы же не спрашиваете себя, как вам удалось посчитать и откуда к вам пришло знание. Но вы уверены в том, что это так, вы это знаете.

Я знал. Я в то же мгновение знал — я убил Альберта. Как? Нелепо, верно? Он умер от инфаркта. Я знал, что не видел Альберта после вернисажа, не приходил к нему, не говорил с ним, я не мог его убить — у меня и мысли такой не возникало, почему же я был уверен в том, что — убил?

Может, я чего-то не помнил о самом себе?

Только человек, обеими ногами стоящий на этой земле, мог бы сказать мне точно — убийца я или нет. Тогда я позволил вам, Тиль, и попросил взяться за это дело. Я уговорил вас. И свои выводы вы сделали. Вам Питер рассказал о том, что видел меня у Альберта — мне он никогда бы в этом не признался. Вы решили, что все это — результат внушения и даже подозревали Кристину. Меня вы убедили в том, что Альберта действительно убил я. А себя вы убедили в обратном, потому что с вашей точки зрения Альберта я убить не мог.

И оба мы правы.

Что такое правда? Разве не правда, что эти картины писал я? Разве не правда, что это те самые картины, что были написаны семь лет назад? И разве не правда, что они стали другими, хотя в них — я уверен — не изменился ни один атом? Кристина, скажите, вы сами утверждали это сутки назад — это другие картины?

— Плесните мне коньяку, — сказала Кристина. — Спасибо. Вы хотите сказать, Христиан, что в одном из ваших миров вы действительно пришли к Альберту, заставили его выпить отраву, и он умер? Умер — там? Или здесь?

— Тиль, — проговорил Ритвелд, подняв рюмку с конья-

ком и разглядывая ее на свет, — вас мой рассказ ни в чем не убедил, верно?

— Что такое правда? — задумчиво сказал Манн, чувствуя, как возникающая недавно пульсирующая боль в левом виске становится сильнее и мешает соображать. Хотя о чем нужно соображать, если все было понятно еще час назад и рассказ художника не мог ни на йоту изменить его основанное на реальных уликах и фактах мнение? — Правда не зависит от нашего состояния, от нашего мнения, от нашего желания. Правда объективна.

— Объективна истина, — сказал Ритвелд, — а правда у каждого своя. Для вас правда в том, что Альберт был убит. Для меня правда в том, что я не был у Альберта, но все равно был и дал ему лекарство, которое вызвало приступ. Это правда. Истины здесь нет вовсе. Истина возможна в каком-то одном мире, поскольку в нем не перепутаны причины и следствия. А когда смешиваются события и явления из разных миров, истины быть не может. И тогда каждый остается при своей правде.

Манн покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Все гораздо проще. Дайте мне пленку с записью голоса шантажиста, и полицейские эксперты сравнят ее с вашей записью и записью голоса Койпера...

— У меня нет этой пленки, — вздохнул Ритвелд, — я ее уничтожил.

— Почему?

— Вы не понимаете? Она была связующим звеном между мирами. Я не хотел. Я хотел остаться здесь.

— Вы уничтожили важную улику, — недовольным голосом сказал Манн. — И сейчас я не знаю — была эта запись или вы все выдумали. Как и историю с меняющимися картинами.

— Выдумал? — с недоумением проговорил Ритвелд. — Вы мне не верите? Зачем мне лгать?

— Вы верите себе, Христиан. Я знаю множество людей, которые верят в собственные фантазии. А есть факты. Койпер умер от обширного инфаркта — это подтверждено результатами вскрытия. Он не мог быть отравлен — если и была коробочка с лекарством, я ее потерял.

— А рассказ Питера...

— Так же, как ваш, Христиан. Он хотел показать, что был в тот вечер не в себе, хотел отвлечь внимание от разговора.

Возможно, он решил, что чем нелепее рассказ, тем меньше я или полиция будем придавать значение его словам.

— Значит...

— Вы хотите, чтобы я дал вам письменный отчет о своей работе? — деловито спросил Манн. — Не забудьте, одна из этих картин — моя. Не сама картина, понятно, а ее стоимость.

— Я это помню, — медленно сказал Ритвелд, глядя на Манна так, будто перед ним сидел не детектив, которому художник поручил расследование преступления, а сам преступник, которому по странному стечению обстоятельств выпало сыграть роль сыщика. — А если...

— Что? — спросил Манн.

— Если я не продам картины?

— Значит, я останусь без гонорара, — Манн пожал плечами. — Но вы их продадите. Я уверен. Вы не станете держать их у себя, потому что не захотите медленно, но верно сходить с ума. Если каждый день видеть, как на мертвых холстах меняется изображение...

— Да, — пробормотал Ритвелд, — вы правы. Я должен их...

Он замолчал, налил себе полную рюмку коньяка и выпил одним глотком.

— Христиан, — осуждающе сказала Кристина, — не надо бы вам пить так много.

— Криста, — сказал Ритвелд, бессмысленно улыбаясь — похоже было, что он уже потерял над собой контроль, — мне сейчас сказали, что я никого не убивал. Разве это не повод напиться? И ради Бога, ребята, оставьте меня; хорошо? Я хочу побыть один.

Кристина и Тиль посмотрели друг на друга и поняли, что им действительно лучше оказаться в другом месте. Совсем в другом. Может, в том, что изображено было на третьей картине Ритвелда — той, где солнце прицепилось к шпилью какого-то здания в каком-то районе какого-то города, только похожего на Амстердам, а на самом деле совершенно другого, и в этом городе можно было забыть обо всем, можно было остаться вдвоем даже в самой шумной толпе, потому что это был город личностей, и толпа, если бы им довелось ее встретить, была бы группой личностей, и личностями были дома, и шпиль, и облака в небе, и заходящее солнце, и уж, конечно, они сами — двое, пожелавшие быть друг с другом.

— Позвоните мне утром, — сказал художнику Манн, взял Кристину под руку и пошел к двери, не оборачиваясь.

— Да-да, — рассеянно проговорил Ритвелд.

Кристина молчала, пока они спускались по узкой крутой лестнице, холл был пуст, и улица была пуста, даже фонари горели через один, и, выйдя из дома, Кристина высвободила свой локоть из крепких пальцев Манна и сказала твердым, не терпящим возражений голосом:

— А теперь, дорогой Тиль, хватит играть. Вы пощадили Христиана. Почему?

Манн повел шеей, говорить ему не хотелось. Ему хотелось стоять молча, а лучше всего — оказаться в одном из тех миров, что описывал Ритвелд, и там встретить эту женщину, там она будет другой, и там он сможет сказать ей не то, что должен, а то, что хочет. Хорошо быть человеком с воображением, можно уйти в любой из тобой созданных миров, и никто там тебя не достанет, особенно если еще и накачать себя коньяком, что, мол, спросу с пьяного...

— Потому, Кристина, — сказал Манн, — что убийцу Альберта я, конечно, нашел. Нет никакой мистики. Нет никаких потусторонних миров. Просто человеческие отношения. А это такая простая и такая бесконечно сложная материя, что без однозначных улик невозможно... А улики все уничтожены. Нет их — ни одной. Понимаете?

— Нет, — сказала Кристина. — Только что вы сказали, что Альберт умер от инфаркта.

— Вы убили его, — печально сказал Манн, — и это так же очевидно, как и недоказуемо.

— Вы не удивились, — сказал Манн минуту спустя. Минута эта прошла в молчании, Кристина смотрела куда-то вверх, но звезд видно не было, небо скрывали облака, а Тиль хотя и стоял с открытыми глазами, но не видел ничего и ничего не чувствовал. — Вы не удивились, не возмутились и не послали меня к черту.

— Вы говорите глупости, Тиль, — вздохнула Кристина.

— Я говорю правду, — сказал Манн убежденно. — Не истину в понимании Христиана, но правду в нашем с вами понимании. Послушайте. Вы были любовницей Альберта, верно? И он рассказал вам однажды о картинах. Вы еще тогда поняли, что где-то хранятся подлинники. Вы хотели видеть эти картины, вас к ним тянуло, это была тайна, а вы любите

тайны, верно? И вы... Я не знаю, как вы выбирали. Картины могли быть у Ритвелда, но могли быть у Кейсера — ведь после расследования, проведенного страховой компанией, Христиан мог бояться хранить у себя эти полотна. Кто из них? Вы начали с издателя. Вы... Простите, Криста, что я вынужден так говорить... Вы стали с ним близки, для вас это не так важно, не важнее цели... А он вас полюбил. Старейший мужчина, последняя женщина, он готов был на все — даже расстаться с женой, на которой женился совсем недавно. Но вам это было не нужно, вы быстро убедились, что Кейсер понятия не имеет, где картины, и вы его бросили. Вашей целью стал Ритвелд, а он... Ему, извините, было на вас плевать. И тогда вы задумали... У вас замечательная голова, Кристина, я восхищаюсь, в мою голову это бы не пришло...

— Вы стали Ритвелда шантажировать, — продолжал Манн. — Вы стали шантажировать их всех. Вы довели их до такого стресса... Кейсер готов был отдать вам все, Койпер готов был все принять из ваших рук, а Ритвелд думал только о картинах, воображал, что в них все зло и нужно выставить их напоказ, чтобы дух этот рассеялся... Глупости, конечно, но художники — странные люди.

— Глупости, — повторила Кристина, ухватившись за это слово, как за соломинку, — глупости, Тиль, глупости...

— Да? Вы встречались с Кейсером, вы были с ним в тот вечер, это вас он выгораживал, когда так и не дал мне адреса женщины, с которой провел время. А Койпер, готовый для вас на все, неожиданно понял, что шантажистка — вы. Может, узнал голос. Может, дошел методом дедукции — не такой он был дурак, чтобы не сложить два и два, а о вашей связи с Кейсером он знал, конечно. И на вернисаже он подошел к вам — вы сами сказали, и Ритвелд это видел, только не знал, о чем вы разговаривали. Он сказал: «Зачем вы так, Кристина?» А вы ответили: «О чем вы, Альберт?» И оба друг друга поняли.

— Глупости, — бормотала Кристина, не поднимая головы, — глупости...

— В тот вечер вы были с Кейсером и уговорили его пойти к Альберту выяснить, наконец, отношения. Препарат у вас был с собой — наверняка вы нашли его описание в Интернете, там сейчас чего только не найдешь, а вы журналистка, Интернет для вас — как знакомая улица... Препарат, передозировка которого приводит к инфаркту. Вы пришли

вдвоем и вдвоем ушли. Вы дали Альберту проглотить три таблетки — может, он пожаловался на головную боль, а у вас с собой было... Может, эту боль вы сами ему и внушили — если вы умеете снимать боль, то можете ее и вызвать, верно? Когда Альберт умер... Для вас не составило труда уговорить Кейсера уйти — он был напуган до смерти. Я не спрашиваю, что вы ему сказали — в любом случае он готов выгораживать вас хоть перед самим Господом. Вы придумали историю с явлением Ритвелда, или это фантазия Кейсера — неважно, одним враньем больше, одним меньше...

— А Ритвелд сам себя убедил в том, что убийца — он, — закончил Манн. — Художник... Он живет в мире, который ни мне, ни вам понять не дано. Вы, как и я, не верите во все эти тонкие материи? Да, Кристина? Почему вы не смотрите мне в глаза?

— Глупости, — сказала Кристина. — Почему капсулы оказались в шкафчике у Христиана? Как мы с Питером вышли, если никто этого не слышал? Не сходится. Кто из вас больший фантазер — вы или Христиан? Кто из вас больше верит в свои фантазии?

— Для каждого из нас, — сказал Манн, — это не фантазии, а правда. Точнее — аксиома, потому что ни он, ни я не можем доказать, что все происходило так, как мы это видели, но мы оба знаем, что было так, и невозможно выбрать одну правду, одну аксиому.

— Эту свою правду вы сообщите старшему инспектору Мейдену? — с легкой иронией в голосе спросила Кристина и спрятала руки в карманы.

— Я еще не сошел с ума, — улыбнулся Манн, надеясь, что улыбка получилась не очень кривой и печальной. — Полиции нужны не аксиомы — символы веры, а надежно доказанные теоремы.

— Не провожайте меня, — сказала Кристина. — Я хотела — честно — пригласить вас к себе, поговорить о разных вещах... Но вы мне такого наговорили, что я просто... Не ожидала от вас, Тиль. Прощайте.

Она повернулась и пошла прочь — не к своей машине, припаркованной на противоположной стороне улицы, и не в сторону своего дома, а куда-то, где не было ни улиц, ни города, ни занимавшегося серого рассвета, она шла и постепенно исчезала, растворялась в ночи, так казалось Ман-

ну, смотревшему вслед, и если бы Кристина действительно растворилась, исчезла, будто ее и не было, Манн принял бы это как должное, но она всего лишь завернула за угол, и почему-то только тогда Манн услышал стук ее каблучков, разрезающий тишину ночи на две половинки — на до и после.

Стало холодно. Со стороны моря подул промозглый сырой ветер — возможно, он дул уже давно, но Манн только сейчас ощутил, как ветер вылетел на улицу из-за угла, за которым скрылась Кристина.

Его знобило, и он не понимал себя. Как можно жить, не понимая себя? До вчерашнего утра он был с собой в ладу. Он знал, в каком мире живет. Он не нуждался в вере.

Манн прошел чуть больше квартала и остановился. Что-то изменилось. Не ветер — он был таким же холодным и пробирал до костей. Не город — знакомые дома смотрели на него темными глазами окон. Не ночь — тучи мрачно висели без всякой поддержки и грозили обвалиться дождем.

Манн повернулся и пошел обратно, а потом побежал. Он должен был успеть. Мысль, пришедшая ему в голову, была следствием аксиомы. Не его аксиомы, но разве это имело значение?

Мансарда горела. Из распахнутых окон поднимались бесцветные в ночи клубы дыма, а пламя казалось почему-то не ярко-красным, а светлым, тусклым, почти невидимым. И запах... Неприятный, надсадный, заставляющий кашлять запахом крашеной холстины.

— А это ведь ваш гонорар, — сказал хриплый голос, и Манн резко обернулся: художник стоял под козырьком дома и был почти невидим.

— Господи! — воскликнул Манн. — Вы живы! Какое счастье!

— Ну... — пробормотал Ритвелд. — Вы решили, что я... Ну, знаете ли...

Манн отошел к навесу и встал рядом с художником. Здесь почти не дуло.

— Вызову пожарных, — детектив достал из кармана мобильник, но Ритвелд задержал его руку.

— Уже вызвал, — сказал он. — Слышите — едут?

Манн пока не слышал ничего, но слух у Ритвелда, наверное, был таким же острым, как зрение.

— Вы сожгли свой мир, — сказал Манн.

— Я должен был выбрать, — Ритвелд говорил будто с самим собой. — Я должен был выбрать, понимаете? Однажды мы обязаны выбрать...

— Там, — сказал Манн, — вы были в своей стихии.

— А здесь, — сказал художник, — я останусь с людьми.

— Это для вас важнее?

— Я всегда смогу вернуться, — сказал Ритвелд и отвернулся. Он не хотел разговаривать. Он не хотел объяснять. Он прощался.

— Вы вчера весь вечер работали, — сказал старший инспектор Мейден, пожав Манну руку и отметив про себя, что детектив выглядит невыспавшимся и заторможенным. — Есть полезная информация?

— Никакой, — вяло сказал Манн. — Пусто. Вы правы — случай решительно не криминальный. А что по делу о пожаре в студии Ритвелда?

— Не наша компетенция, — покачал головой Мейден. — Этим занимаются пожарная инспекция и страховая компания. Я слышал — неисправность электропроводки.

— Сгорели ценные полотна?

— Вот не везет Ритвелду, — оживился Мейден. — Семь лет назад у него сгорели такие же картины. Он нарисовал их заново, и вот опять... Рок какой-то, вы не находите?

— Вы думаете, он сам...

— Нет, — решительно сказал старший инспектор. — Просто я хотел сказать: мы порой недооцениваем роль случая. И видим в нем не то, что он есть на самом деле.

— А что же он есть на самом деле? — Манн думал о своем, но вопрос напрашивался, и нужно было его задать.

— Ничего, — сказал Мейден. — Совпадение. Миллионы событий случаются ежедневно. Совпадения неизбежны. Вы же не станете искать скрытый смысл в том, что кто-то выиграл миллион в лотерею. Кто-то всегда выигрывает.

— Вы думаете, Ритвелд выиграл от того, что...

— Конечно! Неизвестно еще, сумел бы он продать свои картины или нет. А так — получит страховку. Прощайте, Тиль. Вы плохо выглядите, идите-ка отдыхать.

— Да-да, — пробормотал детектив. — Получит страховку. Я и не подумал. Шестая часть — мой гонорар. Не так мало, наверно...

Кирилл ШАРОВ
ПОБЕДИТЕЛЬ

фантастический рассказ

Счетчик Гейгера зашкаливало.

Коридор заливал красный свет аварийного освещения, нудно гудели тревожные сирены, и под их аккомпанемент Рой взялся за лазерные резак.

— Предупреждение! Опасность! Температура реактора повышается. Предполагаемое время начала неконтролируемой реакции — 20 минут. Экипажу и пассажирам необходимо покинуть корабль. Безопасная дистанция удаления от корабля — пять километров, — сообщил центральный компьютер.

Рой криво усмехнулся, подумав, что из экипажа и пассажиров остался он один. Остальные погибли.

— Бернс, ты жадный тупой ублюдок! — пробормотал Рой, сосредоточенно орудуя резакими и пробивая себе проход в завалах коридора, ведущего на склад.

Он почти не сомневался, что виной гибели корабля был штурман Бернс, жадный до невозможности. Жадность его доходила до того, что он приобретал непротестированные курсовые матрицы. Естественно, они обходились ему в десять раз дешевле, но капитану Уэйду он говорил, что платит меньше только в пять раз. А разницу клал себе в карман. И он был настолько нагл, что провернул эту сделку на глазах у Роя.

Конечно, Рою нужно было сообщить об этом капитану, но Бернс за умеренную плату — так он выразился — устроил его на этот корабль, и если бы Рой хоть что-нибудь рассказал, Бернс нашел бы повод, чтобы выставить его вон. И Рой не сомневался, что заплаченные ему деньги Бернс не вернул бы.

Поэтому Рой промолчал.

И вот корабль выскочил из гиперпространства на час раньше расчетного времени и не на орбите Новой Венеции, а в двадцати километрах от поверхности совершенно другой планеты.

Сразу же сработали системы экстренного торможения и аварийной посадки, но скорость была слишком велика, а расстояние до поверхности планеты слишком мало, и корабль рухнул на горный хребет.

Собственно, ничего страшного не произошло бы, гравикомпенсаторы скомпенсировали бы силу удара и люди остались бы живы, если бы не одно но... В это самое время Рой по распоряжению капитана тестировал эти самые чертовы гравикомпенсаторы.

Он замкнул все их контуры на тестовую кабину, в которой

находился сам, и прогонял их во всевозможных режимах. Гравикомпенсаторы работали отлично. Рой собирался закончить тестирование через пять минут — за пятьдесят пять минут до расчетного времени выхода из гиперпространства.

Удар о скалу был ужасен. Огромная перегрузка мгновенно убила всю команду.

Скала, на которую они упали, буквально распорола корабль. От скалы откололся внушительный кусок горной породы, с огромной скоростью промчался по кораблю, круша все на своем пути, и пробил реактор.

Корпорация «Flyatomik» утверждала, что повреждение их реактора возможно только в одном из двухсот тысяч случаев, и Роя очень грела мысль о том, что теперь их реакторы долгое время будут являться эталонами надежности среди корабельных реакторов.

Пробитый реактор сразу же выплеснул приличную дозу радиации, которая убила бы и Роя, если бы он не был в скафандре высшей защиты — тестировать гравикомпенсаторы разрешалось только в нем.

Нужно было срочно уходить. Рой метнулся в корабельный эллинг и запрограммировал единственный чудом уцелевший гравикар на перевозку пассажиров в скафандрах высшей защиты. Восьмиместный гравикар начал трансформироваться в двухместный. Рой схватил в ремонтной зоне два лазерных резака и отправился пробивать дорогу на склад. Попутно он дал задание центральному компьютеру установить, на какой планете они оказались. Без этого он не мог определить, что ему понадобится для существования вне корабля.

Работал он быстро, и если бы не скафандр, то давно уже выбился бы из сил, но квазимышцы костюма не давали ему устать, а кондиционер — даже вспотеть.

Компьютер какими-то одному ему ведомыми способами установил, что это за планета, и сообщил:

— Данная планета значится как Танла. Это вторая планета звезды Эдорес. Гравитационная константа составляет 1,12 земной. Атмосфера пригодна для дыхания без ограничения...

— Скопируй данные на мой личный компьютер, — прервал поток параметров Рой.

— Копирование завершено, — почти сразу же сообщил компьютер.

До входа на склад оставалось буквально два метра, когда компьютер поднял тревогу:

— Внимание! Опасность! Добавлены коррективы — не-

контролируемая ядерная реакция произойдет через шесть минут. Всему экипажу необходимо срочно покинуть корабль!

Рой с тоской посмотрел на вход в склад, повернулся и побежал в эллинг.

Гравикар завершил трансформацию и парил в пяти сантиметрах над палубой.

Теперь необходимо было открыть шлюзы эллинга. Электрооборудование не работало, и Рой дернул рычаг аварийного открывания шлюза. Полыхнули струи плазмы, и створки шлюза выпали наружу.

Рой бросил лазерные резаки в инструментальный отсек гравикара и вскочил в машину. Прежде чем тронуться, он переключил телеметрию контроля над кораблем на свой скафандр и рванул машину с места.

Гравикар выскочил из корабельного эллинга, как пробка из бутылки, и помчался по склону горы, к подножию, где виднелась кромка простирающегося на огромное пространство леса.

За минуту Рой удалился от корабля примерно на два километра. Гравикар, не рассчитанный для передвижения на такой скорости по пересеченной местности, подпрыгивал на кочках, бился днищем о камни, высекая снопы искр, но уносил Роя все дальше от опасности.

Легонько щелкнули шлемофоны в скафандре. Роя, и компьютер сообщил:

— Неконтролируемая ядерная реакция начнется менее чем через минуту. Вы все еще находитесь в опасной зоне.

Рой гнал гравикар на предельной скорости к лесу, где у него было больше шансов избежать ударной волны, чем на открытом пространстве. Но и за минуту он туда никак не успевал.

Холодок пробежал по спине Роя. Он, всегда доверявший своей интуиции, тут же нажал клавишу катапультиации, и силовое поле упруго выкинуло его из гравикара.

И сразу же пришел огненный вал взрывной волны.

Роя сорвало с места, несколько раз трянуло, и он потерял сознание.

Он очнулся в пустоте, темноте и тишине. Он не знал, сколько находился в беспамятстве. Потом понял, что это не темнота — просто не работают датчики внешнего обзора, не тишина — не функционируют звуковые фильтры, не пустота — квазимышцы больше не обволакивают его тело..

Скафандр был мертв. Он истощил весь свой энергозапас, защищая от взрыва человека.

Нужно было выбираться из скафандра — теперь двигаться в нем было невозможно. Но сперва необходимо замерить радиационный фон снаружи. Рой вытащил руки из рукавных отделений. Квазимышцы обмякли, и он мог достаточно свободно двигаться внутри скафандра. Он нащупал на своем поясе панель терминалов систем скафандра, нашел терминал датчика радиационного контроля, вытянул его и подсоединил к своему личному компьютеру.

В его компьютер вообще-то был встроен датчик радиационного контроля, но сейчас требовался внешний анализатор.

Компьютер пискнул и высветил на экране сообщение, что фон превышает предельно допустимый для человека, но час-два снаружи можно находиться, если использовать соответствующие медикаменты.

Рой облегченно вздохнул — это было не самое страшное. Он дал нужную команду аптечке и почувствовал легкий укол в бедро — аптечка ввела ему дозу соответствующего лекарства.

Рой подождал, пока препарат разойдется по организму, потом завел руку за спину и нащупал едва заметный рычаг принудительного раскрытия скафандра. Потянул его на себя, опустил вниз и сдвинул влево. Оглушительно зашипели плазмопатроны, и скафандр развалился на две части, как орех.

Рой выбрался наружу. Был день. Небо было затянуто достаточно плотным слоем облаков какого-то зеленоватого оттенка.

Рядом лес. Видимо, Роя отбросило к нему ударной волной.

Рой посмотрел назад. В этот момент зеленоватый свет Эдореса пробился сквозь разрыв в облаках, и гора, на которую упал корабль людей, заблестела — ее склоны оплавилась и покрылись шлаковой коркой.

Рой вскрыл встроенный в скафандр контейнер с носимым аварийным запасом и достал оттуда специальный жилет, в карманах-контейнерах которого находились дистан, вибронож, трехдневный запас продуктов, вода в герметичной литровой фляжке, автоматическая аптечка, плазмозажигалка, фонарь и портативная станция планетарной связи.

Пока он надевал жилет, у него было время рассмотреть окружающую местность. Ему предстояло уйти в лес, разросшийся по всей долине, лежащей между двух гор — на одну из них и рухнул корабль. Долина имела в ширину, навскидку, около ста двадцати километров. Слева ее замыкал обрыв, тянувшийся от одной горы к другой. Вдали за ним виднелся горный хребет. Даже издали было видно, что полукилометровая кромка обрыва — сплошь открытая скальная порода, по-

этому лес не подступал к его краю вплотную. В одном месте Рой заметил небольшую реку, вытекавшую из леса и срывающуюся с обрыва водопадом.

Рой застегнул жилет, достал вибронож и быстро двинулся к лесу. Долго здесь оставаться было нельзя.

Рой уже шесть часов подряд прорубался через густейший подлесок. Было очень тепло и влажно, казалось, что от земли поднимается пар. Он обливался потом. Ветки хлестали его по лицу, оставляя неглубокие царапины. Их сразу же заливал пот, и поэтому они ужасно зудели. Рой знал, что на Земле тоже есть джунгли. Он даже знал, что в них в свое время жили племена, которые точно так же прокладывали себе в них дорогу. Но только теперь у него возник вопрос, как же они умудрялись пробираться через такие заросли, ведь у них не было мономорфных комбинезонов — таких, какой сейчас был на нем. Мономорфный комбинезон уже полсотни лет был стандартной и обязательной для ношения на корабле одеждой всех космонавтов. Рой мог себе представить, что стало бы с ним, если бы у него сейчас не было такого комбинезона, — все тело было бы исполосовано ветками и зудело бы от пота попавшего в царапины. Тем не менее, километров на шесть в лес он уже углубился. Радиометр показывал здесь радиационный фон значительно ниже — Рой уже отошел достаточно далеко от места взрыва.

Продираясь через лес, Рой одновременно прослушивал информацию об этой планете — компьютер монотонно сообщал ему все сведения о ней, бывшие в корабельном информатории.

Планету обнаружили около пятнадцати лет тому назад. Предварительные тесты и анализы указали на большую вероятность того, что планета может быть пригодной для колонизации. Снарядили исследовательскую экспедицию. Она проработала здесь всего полгода. Но тут случился очередной экономический кризис, и программу исследований пришлось сворачивать — исследовательская группа покинула планету, но прежде напичкала моря и океаны автоматическими зондами, нашла горные районы планеты сейсмодатчиками, повесила над планетой спутник... и оставила, законсервировав, исследовательскую станцию. И находилась она на противоположном склоне той горы, которая замыкала долину с другой стороны. Это была очень хорошая новость.

Компьютер поведал, что планетарная среда обитания по отношению к человеку не агрессивна: атмосфера и вода не содер-

жат каких-либо опасных для человека соединений и примесей, представители местной флоры и фауны, за несколькими исключениями, список которых приводился, пригодны для употребления в пищу. Это тоже было хорошей новостью.

Но при всем этом здесь обитал какой-то хищник, от зубов которого погиб один человек. Вот это уже было плохой новостью.

Рой попробовал уточнить информацию об этой зверюге, но кроме обиходного прозвища — крхаур, лесной призрак — ничего не нашел.

— Тоже мне исследователи. Прилетели, констатировали, что все здорово, а информацию об опасностях, хоть это и есть их прямая обязанность, не собрали, — пробормотал Рой.

Теперь ему приходилось решать, что делать дальше — вернуться назад и ждать, когда его подберут, или двигаться к исследовательской станции.

Первый вариант он отверг сразу же — рядом с местом взрыва сохранялся высокий уровень радиоактивного заражения, а запас лекарств в его автоаптечке, способных защитить от заражения радионуклидами, был мал. Его запас провианта тоже был весьма ограничен. Конечно, спутник, оставленный исследователями на орбите, должен был зафиксировать ядерную вспышку и передать информацию об этом на контрольную станцию. В этом случае для проверки прибудет патрульный корабль, поэтому лучше не отходить далеко от места взрыва. Но спутник мог в момент взрыва находиться над обратной стороной планеты. Тогда рассчитывать, что прибудет какой-либо корабль, нельзя. И опять же, оставаясь на открытой местности, Рой подвергал себя опасности встретиться с этим невиданным животным — крхауром.

Поэтому Рой решил двигаться к исследовательской станции. В этом случае вероятность встречи с крхауром была также высока, но он мог пересечь долину за четверо суток, а не сидеть на открытом месте неизвестно сколько. Помимо этого, отпадала необходимость использования лекарств и неприкосновенного запаса — Рой мог охотиться. А самое главное — на каждой исследовательской станции обязательно есть установка грависвязи, и Рой, добравшись туда, мог сам сообщить о случившемся.

Приняв это решение, Рой вскрыл флягу с водой, сделал несколько глотков и с новой силой принялся прорубаться сквозь лесную чащу.

Через два часа Рой совершенно неожиданно вышел к реке — он просто обрубил несколько веток, и вдруг оказалось, что больше ничего рубить не надо, а сам он стоит по шиколотку в воде.

Речка была около четырех метров в ширину, неглубокая — максимум по колено, — но достаточно быстрая. Рой решил, что это та самая река, которая, как он видел с горы, питает водопад.

Рой устал, ему хотелось есть и пить. Воды в его фляжке почти не осталось.

Рой извлек из корпуса компьютера крохотный стаканчик анализатора, зачерпнул им из речки воду и вставил обратно. Через несколько секунд компьютер сообщил, что вода здесь чистая и никакой опасности для человека не представляет.

Рой опустился на одно колено — благо мономорфный комбинезон не промокает — и стал черпать воду руками и пить. Напившись, он умылся. Царапины на его лице, промытые холодной водой, перестали зудеть. Рой испытал облегчение — у него как будто даже прибавилось сил.

Потом он вскрыл неприкосновенный запас, достал тубик с питательной пастой и выдавил его содержимое себе в рот. Рот наполнился густой кисло-сладкой массой, которую даже не требовалось жевать. Рой почувствовал, как двести граммов тщательно сбалансированной, высокопитательной, наполненной витаминами и минеральными веществами смеси опустились в его желудок.

Чувство голода отступило, и с ним ушла часть усталости.

Рой решил идти прямо по дну реки — так он доберется до водопада, а дальше пойдет вдоль обрыва к горе. Конечно, это крюк, зато не нужно прорубаться через весь лес.

Рой пошел вниз по реке, придерживаясь ее правого берега, — он рассудил, что со временем глубина может увеличиться и тогда переправиться на другую сторону будет труднее.

По его расчетам, до водопада оставалось около пяти километров. «Под горку — это час ходу», — решил Рой.

Он шел, внимательно осматривая лес, вплотную подступивший к реке. Самые длинные ветки окунались в воду, и течение тянуло их за собой. Мимо Роя то и дело проплывали сухие ветки и листья самых разных форм и размеров. Он слушал шум леса, звуки, издаваемые его невидимыми обитателями. Эти звуки, какие-то безмятежные, какие-то деловитые, лились на него со всех сторон — верный признак, что вокруг все спокойно. В одном месте Рой увидел небольшую,

едва заметную тропинку, идущую из леса к берегу речки. Там, где тропинка заканчивалась, трава вокруг была изрядно примята. Здесь явно находился водопой.

Рой, не доходя до него несколько метров, укрылся в лесу на берегу реки. Он достал дистан и стал ждать.

Примерно через двадцать минут у воды появился небольшой зверек. Бурая, местами переходящая в темно-зеленую, шкурка делала его практически невидимым в лесу — Рой подумал, что, даже наступи он на этого зверька, ничего бы не заметил. Ничего необычного в нем не было — такой же, как и на других планетах, — одна голова, одно туловище, четыре когтистые лапы, короткий, сантиметра в четыре, хвост. Только форма ушей вызывала ассоциации с обыкновенным земным зайцем. Рой так и окрестил его про себя.

Зверек тем временем внимательно осмотрелся, слегка присел на задние лапы и, вытянув мордочку, принялся. Видимо, его ничего не насторожило, потому что он подошел к воде и начал пить.

Рой проверил дистан — он стоял на малой мощности — и прицелился. Фигурка животного размылась в его глазах, пока он совмещал перекрестия прицела. Перекрестия совпали, и Рой плавно, как его когда-то учили, нажал спусковой крючок.

Дистан не издает ни звука, не имеет отдачи, и определить, что произошел выстрел, можно только по индикатору зарядов и по поражению цели. Индикатор на дистане Роя теперь показывал двести девяносто девять зарядов вместо трехсот, и зверек лежал у кромки воды с аккуратным отверстием в голове.

Рой убрал дистан в кобуру и подошел к своей добыче. Он поднял зверька — тот весил примерно пять-шесть килограммов, — забросил его себе на левое плечо и пошел дальше, придерживая трофей за задние лапы.

Он осматривал берег в поисках места для ночлега. Он прошел уже километра четыре, но так ничего подходящего и не заметил.

Река ощутимо расширилась и набрала глубину. Теперь ее ширина составляла около сорока метров, а проверять глубину у Роя желания не было. Скорость потока тоже уменьшилась.

Светило клонилось к закату, когда Рой наконец-то нашел подходящее место для ночлега — пройдя еще километр, он увидел, что река расширилась метров до пятидесяти и образовала небольшое озерцо перед водопадом, зажатое выломами скал. Метрах в пятистах от водопада и в десяти от занятого лесом правого берега над водой возвышался островок.

Это было наилучшее место для ночлега, какое вообще можно придумать. Рой сразу же отправился туда.

Островок имел в длину около десяти метров и в ширину — пять. Если бы не растущие на нем деревья, можно было подумать, будто бы он только что вынырнул из реки. Его дальний от водопада берег возвышался над водой всего-то сантиметров на тридцать, а ближний к водопаду — уже на два метра.

Рой опасался, что ему придется преодолевать десять метров между берегом и островом вплавь, но выяснилось, что в этом месте вода едва достигает его колен — видимо, река несла песок, но, так как течение здесь ослабевало, он оседал, со временем уменьшив ее глубину.

Наконец он добрался до островка. До наступления темноты нужно еще было успеть нарезать подходящих веток и развести костер. Хорошо, что на островке было несколько высоких деревьев, нижние и достаточно толстые ветки которых оказались сухими.

Рой срезал их виброножом и развел огонь.

«Зайца» он разделявал уже при свете костра — светило скрылось за дальним горным хребтом. Потом он обжаривал тушку зверька на вертеле, сооруженном из веток и прутьев.

Через некоторое время он убедился, что тушка прожарилась, и разрезал ее пополам. Половину решил съесть сейчас, а половину оставить на утро — ее он нанизал на прут, воткнул в землю две высокие рогатки и повесил на них свой завтрак.

Мясо оказалось жестким, но вкусным. Впрочем, Рой отдавал себе отчет, что оно кажется ему вкусным только потому, что он сильно устал, проголодался, а альтернативой его ужину мог послужить только рацион из аварийного запаса.

Он доел свою сегодняшнюю порцию, отпил воды из фляги и почувствовал, что не наелся. Появилось искушение съесть и ту половину, что он оставил на утро. Но Рой сдержался. Он сидел в круге неровного света у костра, ощущая его тепло, и прислушивался, что происходит вокруг. В полукилометре от его убежища шумел водопад. Рой начал засыпать. «А ведь здесь очень тихо...» — подумал он и провалился в сон.

Лишние двенадцать сотых «g» давали о себе знать — Рою сквозь сон казалось, что он сейчас задохнется. Ему снилось, что он маленький мальчик и мама читает ему какую-то сказку. Что это за книга и о чем она, он не мог разобрать, но знал, что она очень страшная. Потом мама отложила книгу и укрыла его одеялом, оказавшимся очень тяжелым. Оно придавило его к кровати, мешало дышать. Рой хрипел, пытался

скинуть с себя это ужасное одеяло, но ему не хватало сил. Он хотел проснуться, но кошмар начинался заново — мама опять стала читать эту страшную книгу.

Рой проснулся от того, что его лица коснулось что-то влажное — наступило утро, и все вокруг блестело от обильно выпавшей росы. Он вытер лицо рукой. «Будем считать, что утренний туалет мною выполнен», — хмуро подумал он. Обычной для него утренней бодрости не было. Все тело ныло после вчерашнего перехода. А еще всю ночь ему снился один и тот же кошмар, никак не прибавлявший хорошего настроения.

Рой приподнялся и некоторое время просто сидел, рассматривая, что происходит вокруг. Костер погас, и, видимо, давно — верхний слой пепла отсырел.

Он встал и потянулся. Тело неприятно ныло. Рой отдал команду автоаптечке и почувствовал несколько легких уколов в бедро. Аптечка ввела ему витамины, легкие стабилизаторы и нейтрализатор молочной кислоты — они должны были снять болевые ощущения. На это требовалось примерно полчаса, и Рой решил пока позавтракать.

Мясо было холодным, но это несколько не повлияло на аппетит — не прошло и десяти минут, как он употребил внушительный кусок. Затем открыл флягу и допил воду, оставшуюся со вчерашнего дня. Потом подошел к берегу, ополоснул в реке руки и наполнил флягу заново. Вода забулькала, заливаясь во флягу. Так же как и на Земле. И этот звук почему-то разбудил в нем воспоминания о Ванессе.

Он вспоминал ее улыбку, вызывающую, но при этом очень нежную, ее необычные глаза серого цвета, то прозрачные, как озера, через которые можно заглянуть в самые сокровенные тайники души, то вдруг абсолютно непроницаемые, обычные русые волосы, никогда не казавшиеся обычными, и ее мягкий и мелодичный голос, который она никогда и ни при каких обстоятельствах не повышала.

Солнце этой планеты — Эдорес — поднялось уже достаточно высоко. Пора была отправляться в путь. Рой посмотрел на место своего ночлега, хотя ничего забыть не мог — живет с носимым запасом на ночь он не снимал, — опустил потяжелевшую флягу в предназначенный ей карман и ступил в воду.

«Дальше глубина явно должна увеличиться, — подумал Рой, — поэтому нужно держаться кромки леса, тем более что пройти осталось метров триста». Он преодолел половину протоки, отделяющей островок от берега, и вдруг почувство-

вал, что в лесу кто-то есть и этот кто-то наблюдает за ним. Рой не остановился, но поменял направление движения, теперь он шел параллельно берегу, чуть опустив голову и внимательно наблюдая за лесом.

Но прошел он так всего несколько метров — дно понизилось, и вода теперь доходила ему до пояса. Пришлось все-таки приблизиться к лесу, где в трех метрах от берега воды было по колено. Рой осторожно двинулся вдоль берега, теперь уже не скрывая, что внимательно следит за лесом.

Он прошел так, почти боком, метров двадцать. И вдруг лес будто бы всколыхнулся — в нескольких местах резко качнулись заросли подлеска, раздались громкий шелест и хруст ломаемых веток. Дистан мгновенно оказался в руке Роя.

Слева раздался громкий треск. Рой быстро повернулся, готовый стрелять, и увидел, как прямо на него падает огромное сухое дерево. Он едва успел отпрыгнуть в сторону и целиком окунулся в воду. Дерево за его спиной оглушительно рухнуло, вспенив реку и придавив его ветками ко дну. Не выпуская дистан, Рой извернулся, левой рукой дотянулся до виброножа и включил его. Раздался отвратительный визг, и вибронож почти мгновенно перерубил две толстые ветки, прижавшие Роя ко дну.

Он ушел в воду на выдохе и, вынырнув, начал жадно глотать воздух. Со стороны леса доносился громкий треск — дерево, упав, отгородило его от берега, и теперь кто-то яростно ломился к нему. Рой автоматически увеличил мощность дистан до максимальной и, не отпуская спускового крючка, повел вдоль ствола, отправив веер зарядов в гущу веток. Сухое дерево вспыхнуло, как факел. Огонь резко рванулся к Рою, и он, с бешеной скоростью орудуя виброножом, едва успел прорубиться сквозь ветви упавшего дерева, избегая смертельных объятий пламени.

Теперь Роя отделял от леса двадцатиметровой длины огненный барьер. Под его прикрытием он, один за другим посылая заряды в лес, со всех ног кинулся к открытому месту, туда, где начиналась широкая полоса пространства, сплошь заполненного камнями различных размеров. Остановился он, только когда от леса его отделяли все пятьсот метров пустынного, искореженного скального панциря обрыва.

В голове стучало, не хватало воздуха — Рой никак не мог отдышаться. Рука, сжимающая рукоятку дистан, направленного в сторону леса, слегка дрожала. В левой руке по-прежнему был зажат вибронож. Мелькнула шальная мысль, а не

применить ли стимулятор. Но его тут же передернуло от воспоминаний о неизбежных последствиях — он однажды применял подобный препарат. Стимулятор увеличивал физическую силу, скорость, реакцию. Препарат выжимал из организма все резервы. Но последствия были ужасны. Нередко за жизнь человека, принявшего стимулятор, приходилось бороться медикам. Рой сразу же отверг этот вариант.

Рой посмотрел на индикатор зарядов дистан, их осталось сто пятьдесят шесть. «Ничего себе расход», — подумал он и уменьшил мощность оружия до уровня гарантированного поражения — заряды нужно беречь.

Единственное, что он мог сделать в этой ситуации, — это идти дальше. Чем дальше он уйдет от места нападения, тем лучше. А когда он доберется до исследовательской станции, то вообще будет в безопасности. Поэтому Рой убрал вибронож в карман на жилете, а дистан отправил в кобуру — открытое пространство перед обрывом делало неожиданное нападение невозможным, да и быстро выхватывать оружие Рой тоже умел.

Очень скоро он убедился, что идти вдоль обрыва не такое уж легкое занятие. Это был искореженный сплошной скальный вылом. Рою приходилось подниматься на угловатые каменные глыбы, потом спускаться с них. Чтобы сэкономить время, он иногда перепрыгивал с одного камня на другой, при этом сильно рискуя разбить себе голову. Но он стремился как можно скорее добраться до спасительного укрытия исследовательской станции. Рой отдавал себе отчет в том, что в нем заговорил животный инстинкт самосохранения, почти переходящий в панику, и чувствовал досаду на себя за то, что его разум не устоял, поддался страху смерти. Возникали утешительные мысли, что иначе просто не могло быть — слишком уж внезапным было нападение, — но Рой отвергал их. Он всегда четко, сознательно реагировал на возникавшие ситуации, пускай даже внезапные, и то, что произошло сегодня, подрывало его уверенность в себе.

Но было что-то еще. Что-то главное, объясняющее всю иррациональность его поведения. Но чем сосредоточенней Рой пытался размышлять над этим, тем более нечетким становилось это «что-то». В конце концов он бросил это занятие. Теперь он шел, особо ни о чем не думая, почти автоматически. Это каким-то образом сэкономило силы — будто бы он поймал скрытый ритм движения.

Рой прошел уже около семи километров, то взбираясь на куски скал, то спускаясь с них, протискиваясь между камен-

ных глыб или просто прыгая с камня на камень. Он взобрался на очередную базальтовую громадину, настороженно посмотрел вокруг и вдруг его осенило — он даже не знал, как выглядят напавшие на него. Вот что его потрясло по-настоящему, вот что заставило поддаться панике! Неизвестность, неопределенность опасности. И эта неопределенность делала свое дело — он до сих пор не мог предположить, что ждет его дальше, к чему нужно готовиться, и теперь отчаянно компенсировал это свое бессилие напряженной работой ног.

Очень хотелось пить; но Рой разрешил себе сделать только пару не очень больших глотков. Воду нужно было экономить — неизвестно, когда он теперь сможет пополнить ее запасы. Как назло, солнце нещадно пекло. Его лучи нагревали камни, и от них поднимались горячие воздушные волны.

За день, ни разу не остановившись, он прошел около тридцати километров. По такому бездорожью это очень много. Солнце висело над дальним горным хребтом и скоро должно было скрыться за ним. Пора готовиться к ночевке.

Рой присмотрел подходящее место почти у самого обрыва — каменную глыбу высотой метра в три с тремя крутыми склонами, заканчивающуюся достаточно большой площадкой примерно четыре на пять метров. Подняться на нее можно было только по четвертому склону, более пологому и расположенному со стороны обрыва. Самое главное, что от этого камня до другого ближайшего было расстояние около четырех метров.

Место он выбрал, теперь ему были нужны дрова для костра. Рой посмотрел по сторонам. Вокруг не было ни одной веточки, как и всю дорогу, пока он шел, — им просто неоткуда было здесь взяться. Нужно было идти к лесу — топливо можно взять только там.

Рой достал дистан и вибронож и осторожно двинулся к лесу. Чем ближе он подходил к опушке, тем сильнее чувствовал, что за ним наблюдают. «Успокойся, Рой, — сказал он себе, — ты слишком напряжен, и поэтому тебе это мерещится». Но ощущение не исчезало. Рой остановился, внимательно вгляделся в лес, словно мог проникнуть взором в его глубину и увидеть тех, кто скрывается там и наблюдает за ним. Но лес был тих и безмятежен, лишь, как и всегда, легонько шелестел на ветру. «Ну и долго ты здесь будешь торчать?! — разозлился Рой на себя. — Бойся не бойся, а дрова нужны!» Он тряхнул головой, словно пытаясь отделаться от неприятного ощущения своей нерешительности, и пошел к сухому дереву, стоящему на краю леса.

Возвращаться к дереву пришлось раз пять или шесть — он предполагал поддерживать огонь всю ночь, и поэтому дров нужно было много. Вибронож быстро отсекал толстые ветви, Рой разрезал их на части в локоть длиной и относил к месту ночевки. На это он потратил около часа. Вообще-то можно было обойтись и без костра. Ему не нужно было готовить пищу — он будет ужинать концентратом из аварийного запаса. Замерзнуть тоже не боялся, потому что мономорфный костюм достаточно надежно защищал от холода. Но без костра будет неуютно. И страшно. И все же Рой не был уверен, что костер сможет отпугнуть крхауров, потому что об этих животных вообще ничего не известно, и открытый огонь мог, наоборот, привлечь их внимание.

Когда солнце скрылось за дальним хребтом, Рой поджег плазмозажигалкой самые тонкие ветки. Весело заплясали первые язычки пламени, и скоро костер разгорелся в полную силу. Затем тонкие ветки, дававшие высокое яркое пламя, прогорели, огонь распространился на более толстые ветки и горел уже не так ярко, но зато ровно. Такой огонь давал много тепла и позволял растянуть запас дров на всю ночь.

Рой вскрыл тубик с пищевым концентратом и выдавил его себе в рот. Автоматически пожевал и проглотил. Потом Рой открыл флягу и приложился к ее горлышку губами. Сделал несколько глотков и оторваться смог только с большим трудом. Чувствуя, что не напился, он закупорил флягу и поболтал ее. В ней забултыхалась вода. «Примерно половина», — определил Рой. Желудок успокоился. По телу стало распространяться ласковое тепло.

Глаза начинали слипаться. Рой очень устал и теперь постепенно проваливался в полудрему. В костре стрельнула ветка. Рой вздрогнул и открыл уже почти закрывшиеся глаза. Придвинулся к костру и подложил в огонь еще пару веток. Потом встал, потянулся и прошелся вокруг костра. Снова сел, достал дистан из кобуры, снял его с предохранителя, убрал обратно и стал смотреть на огонь.

Постепенно Рой снова стал засыпать. Он начал клевать носом. Наконец его голова бессильно повисла — Рой заснул.

Проснулся он от какого-то необычного звука. Он резко вскочил, встал на одно колено, готовый в любой момент двигаться, обеими руками сжимая дистан, и теперь напряженно вслушивался в темноту. Что это был за звук, Рой не знал и ждал его повторения. Он осторожно расстегнул карман ава-

рийного жилета, достал фонарь и приготовился включить его, когда звук повторится.

Долго ждать ему не пришлось — сзади раздался глухой, но громкий шелчок. Рой развернулся на звук и включил фонарь. Ослепительный белый луч прорезал темноту и уперся в каменную глыбу. Там никого не было. Рой сразу же расширил угол освещения до максимума, но световой круг так и остался пуст. Рой поводит фонарем из стороны в сторону, но ничего не увидел. Он выключил фонарь и снова стал ждать.

Треск повторился снова, но уже слева. Рой поднял фонарь над головой и включил режим кругового освещения. Теперь он стоял в центре двадцатиметрового освещенного круга. Пустого круга, где кроме него не было никого. Он поворачивался из стороны в сторону, пытаясь определить источник звука. Ствол дистан следовал за его взглядом.

Следующий шелчок раздался в метре от Роя на спуске с площадки. Рой вздрогнул и выстрелил на звук, в пустоту, и тут же в сердцах плюнул и выключил фонарь — это трещали, остывая, нагретые солнцем камни.

Он убрал фонарь в карман, дистан — в кобуру и снова сел у костра. Сонливость как рукой сняло, сердце учащенно билось. Камни шелкали все чаще и чаще, и Рой теперь не обращал на это внимания. Сквозь треск он пытался расслышать другой звук — звук шагов крадущегося зверя.

Рой сидел совершенно неподвижно, только иногда шевелился, чтобы подбросить дров в костер. Он вслушивался в темноту, понимая, что крхауры уже подбираются к нему, пряча свои шаги за этими природными шумами. Ему вдруг стало очень спокойно, он даже хотел, чтобы крхауры на него напали. Вот тогда-то он мог как-то повлиять на ситуацию, а не убегать, как напуганный зверь.

Так он и сидел — смотрел на огонь, внимательно слушал ночь, его руки спокойно лежали на коленях, тело было ослаблено, но готово к мгновенному действию. Так Рой просидел до самого утра.

Закончились дрова, и костер прогорел, но в огне больше не было надобности — за спиной Роя вставало солнце. Камни за ночь сильно остыли, и их холод проникал даже через мономорфную ткань. Рой встал, потянул слегка затекшее тело и огляделся. Все пространство, занятое камнями, блестело от влаги. Сухим осталось только то место, где он сидел.

Рой коснулся аптечки и получил дозу витаминов и стабилизаторов. Он открыл очередной тюбик с концентратом и

позавтракал. Сделал несколько глотков из фляги, поднялся и начал спускаться с площадки.

Кругом было тихо. Рой спустился вниз и оказался в небольшом проходе между двумя большими камнями. Он собрался идти дальше, но вдруг услышал необычный для этой небольшой каменистой пустыни звук — где-то капала вода. Рой быстро двинулся к источнику звука. Он перелез через несколько невысоких камней, слегка поплутал по узким проходам среди огромных глыб и нашел то, что искал. Это была небольшая каменная чаша естественного происхождения. Над ней нависал выступ одного из камней. С него-то и капали в чашу капли воды.

Рой еле сдержался, чтобы сразу не начать пить. Для начала он проанализировал воду. В ней содержалось небольшое количество вредных примесей. Рой отстегнул аптечку от пояса, задал нужную программу и поднес аптечку к воде. Она впрыснула в лужицу нейтрализатор. Рой засек время и пристегнул аптечку на место. Через пять минут эта вода станет безопасной.

Он неотрывно следил, глядя на хронометр, как истекают эти пять минут. Время вышло. Теперь эту воду можно пить. Но сначала, с каким-то особым удовольствием, словно доказывая самому себе, что он все-таки полностью контролирует и себя и ситуацию, Рой наполнил свою флягу и только после этого позволил себе напиться. Выпил он много — когда оторвался от воды, лужица почти опустела. Рой посидел немного с ней рядом. Потом повернулся и стал взбираться на ближайший камень, чтобы не петлять по узким проходам.

Рой сел. И вдруг взглядом нашел на камне место, свободное от влаги. Примерно такое, какое он оставил на месте своего ночлега.

Его буквально подбросило в воздух, вернулся страх, почти паника, а в руке оказался дистан. Но в данный момент опасности не было, и Рой постепенно расслабился. «Твои реакции совершенно нерациональны, — сказал он себе. — Ты этой ночью был готов вступить в бой с кем угодно, а сейчас пугаешься пустого места». Эта трезвая мысль окончательно вернула ему спокойствие. Он пошел от камня к камню в поисках быстро исчезающих следов лесных призраков. Пока камни окончательно не высохли, Рой успел найти одиннадцать таких сухих пятен. Они располагались полукругом, каждое метрах в десяти-пятнадцати от того места, где ночевал Рой.

«Если они были так близко, то почему же не напали? — ломал он голову. — Или у них нет намерений нападать на меня?

А почему они меня тогда преследуют? Нет, скорее всего, они почувствовали, что я не сплю и готов их встретить. Кроме того, вспоминается незавидная участь одного из здешних исследователей. Да, так и есть. Эти зверюги вчера познакомились с дистаном и рисковать не собираются». Это было плохо. Нападение крхауров давало Рою шанс перебить их всех, а такое вот выжидание было не в его пользу. Рано или поздно на одной из ночевок он заснет и станет для них легкой добычей.

Рой до сих пор их не видел, даже не представлял, как они выглядят. Правда, теперь он знал их примерное количество и мог по размеру сухих пятен определить размеры крхауров. Выходило, что эти звери были с земного волка, может быть чуть крупнее. И были очень хитрыми. И держались стаями. Но вся эта информация абсолютно ничего ему не давала — он мог выжить, только добравшись до исследовательской станции.

Солнце уже нещадно палило, и нужно было идти дальше. Рой засунул дистан в кобуру и начал перепрыгивать с камня на камень. Сегодня он двигался гораздо быстрее и легче — сказывался вчерашний опыт. Глаза сами находили нужный камень, на который удобнее всего прыгнуть, толчковая нога безошибочно находила надежный упор и бросала тело вперед ровно с той силой, которая была необходима, а тело в прыжке легко и естественно сгруппировывалось, гася силу удара при приземлении и восстанавливая равновесие.

Рой шел до тех пор, пока его желудок не стал заявлять о себе. Рой остановился на одном из камней, проглотил концентрат и запил его несколькими глотками воды. Посидел так еще несколько минут, давая ногам немного отдохнуть, затем снова отправился в путь.

День прошел без происшествий. Только к вечеру Рой все-таки совершенно выбился из сил. Бессонная ночь давала о себе знать. Солнце клонилось к закату, нужно было подготовиться ночлег.

Такого хорошего места, как вчера, Рой найти не смог, поэтому выбрал самый высокий камень около края обрыва. Затем отправился к лесу в поисках сухих деревьев. Вскоре он снова почувствовал, что за ним наблюдают. Впрочем, об осторожности он не забыл — дистан снят с предохранителя, кобура расстегнута.

Как и вчера, оружие не понадобилось — дрова он натаскал совершенно беспрепятственно. Огонь развел, как только солнце скрылось за горной грядой. Рой поужинал концент-

ратом и запил его несколькими глотками воды. Он решил воды много не тратить, потому что такая удача с найденной им лужицей вряд ли повторится.

Рой смотрел на огонь, ожидая, когда камни вокруг начнут остывать. Сейчас он просто отдыхал. Пока он был в безопасности. Накатывала усталость, его тянуло в сон. Рой встал, потянулся, прошелся вокруг костра, немного размялся, чтобы прогнать сон, потом снова сел у огня. Он понимал, что долго без сна не продержится. Для того чтобы не спать, нужно было применить стимулятор, но его каждый раз мутило, когда он думал об этом.

Плохо было то, что физическая усталость влекла за собой усталость моральную. Роем постепенно овладевало отчаяние, он теперь почти не верил, что сможет дойти до станции. Подавленное настроение упорно рисовало только одну картину — крхауры подбираются к нему в темноте все ближе и ближе. А потом набрасываются на него с остервенением диких голодных животных. А его словно бы охватывает паралич, и он ничего не может сделать — нет ни сил, ни желания.

Его это в конце концов разозлило. «Прекрати киснуть! Тебе надо дойти, и ты дойдешь! Вспомни лучше о Ванессе!» Да, Ванесса! Рой не мог допустить, чтобы какие-то звери, пусть даже самые опасные, могли помешать ему увидаться с ней. «Я — человек, — сказал он себе, — и я убью любого, кто встанет у меня на пути». Это обещание прибавило ему сил и спокойствия. Рой отвлекся от печальных мыслей и стал думать о приятном.

Рой вспоминал их последнюю с Ванессой встречу.

Ванесса то прижималась к нему, он чувствовал влагу на ее теле, и они целовались, то выпрямлялась — он видел ее тело, казавшееся бронзовым в тусклом свете шара-осветителя, — и начинала двигаться, отбрасывая на стену густые тени.

Рой почти физически чувствовал прикосновение ее губ, шелковистость ее кожи, тяжесть тела. Его готова была захватить волна нежности, но ей что-то мешало. «А почему она отбрасывает несколько теней? Ведь светильник один», — пронеслось у Роя в голове — в следующее мгновение он уже стоял на ногах и стрелял в неясные тени на самой границе освещенного костром пространства. Он все-таки уснул, и звери воспользовались этим.

Рой выхватил фонарь и включил круговое освещение. Освещенный круг резко расширился, и он увидел размытые фигуры, сливающиеся с камнями. Они неуловимо быстро исчеза-

ли, скользили прочь от света. Прошло чуть больше секунды после того, как Рой включил фонарь и начал стрелять по этим пятнам, но световой круг к этому моменту был уже пуст. Он так и не понял, подстрелил кого-нибудь или нет.

Все произошло настолько быстро, что Рой просто не успел сообразить, что к чему. Его рука сама метнулась к аптечке, и игла уколола бедро, вводя стимулятор. Почти сразу же тело наполнилось рвущейся наружу энергией, сознание заработало с запредельной четкостью и скоростью, а темнота вчезла перестала быть помехой для его глаз.

Первым его желанием было пуститься вдогонку за ночными визитерами и устроить бойню. Но звери уже скрылись в лесу. Там была их территория, и Рой на ней стал бы легкой добычей. Даже несмотря на стимулятор. Поэтому он повернулся и побежал в сторону станции. Он бежал, отбросив мысли о том, что будет с ним, когда кончится действие стимулятора. Просто бежал, перепрыгивая с камня на камень. Он бежал, абсолютно не чувствуя усталости, даже дыхание не сбилось.

К утру Рой достиг первых скал — за ночь он преодолел два дневных перехода. Здесь лес отступал, и его сменял низкорослый кустарник. Рой начал ловко подниматься в гору. Он будто взлетел по узкому, почти вертикальному проходу на небольшую площадку на пятнадцатиметровой высоте. И в этот момент стимулятор перестал действовать. Если бы Рой не добрался до этой площадки, то сорвался бы вниз. Страшная судорога свела его тело, глаза застила мутная пелена. Желудок сам собой сжался, и Роя стошнило. Он не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть, сердце билось гулко и редко, казалось, на голову падают камни со скал.

Судорога длилась секунд двадцать. Потом она отступила, тело расслабилось, и Рой почувствовал себя совершенно обессиленным. Он знал, что через несколько секунд судорога повторится, и так будет еще несколько раз.

Рой с трудом повернул голову и увидел, что к скале осторожно, прячась среди кустов, приближаются странно согнутые фигуры крхауров. А у него не было сил даже поднять дистан. Оставалось только лежать и ждать. И он лежал и ждал, когда эти звери придут и перегрызут ему горло.

Но прежде пришла еще одна судорога. Рою казалось, что все мышцы его тела сейчас разом порвутся.

Судорога ушла. Рой лежал и наблюдал, как крхауры поднимаются по скале. Он собирался с силами. Крхауры в это

время собрались перед расщелиной, по которой поднимался на скалу Рой.

Он попробовал достать дистан. Ему пришлось приложить огромное усилие, чтобы просто сдвинуть руку с места, но он все же смог дотянуться до оружия. Теперь ему казалось, что он пытается сдвинуть с места скалу, на которой лежит. Рой несколько секунд собирался с силами и рывком вытянул руку с дистаном перед собой. Он выстрелил, и один из зверей упал вниз.

Рой стал целиться еще в одного крхаура, но вдруг его тело снова парализовала судорога. Когда она отступила, дистан у него в руке не было — он уронил его во время приступа.

Все — без дистан он обречен. Из оружия у него только вибронож, но в таком его положении он все равно ничего не смог бы им сделать. Оставалось одно... Рой знал, что вторая доза стимулятора может его убить, но сейчас это был единственный выход, последний шанс остаться в живых. И он ввел себе еще одну дозу препарата.

Его преобразование было великолепным. Тело снова переполняла сила. Теперь он точно знал, что боли в мире не существует. И только на самом краешке сознания умирала слабая мысль, что чрезмерная доза стимулятора изменяет мышление.

Рой вскочил на ноги, выхватил вибронож и прыгнул в расщелину, своим телом сбивая вниз поднимающихся крхауров. Рой упал на своих преследователей с пятнадцатиметровой высоты и приземлился на ноги — стимулятор творил чудеса. Но на животных это не произвело никакого эффекта — они сразу же кинулись на него. Рой отбросил одного ударом кулака, другого пырнул виброножом и рванул лезвие на себя, чтобы расширить рану. Голубоватая кровь крхаура сразу же забрызгала его комбинезон. Зверь беззвучно осел.

Сзади ему в левую руку вцепился другой крхаур, и еще несколько зверей готовились прыгнуть на него. Рой, совершенно не чувствуя боли, подскочил к ним и, пользуясь вцепившимся в его руку хищником, как дубиной, просто сбил зверей с ног. А потом перерубил виброножом шею повисшему на его руке зверю. Тело крхаура упало, а голова осталась на руке Роя.

Рой быстро развернулся и нанес два удара виброножом — два крхаура упали. На него прыгнул еще один зверь. Рой отступил, крхаур промахнулся, и Рой ударил его виброножом в спину.

Краем глаза он заметил еще двух крхауров, готовых его атаковать. Рой начал к ним поворачиваться, но вдруг понял, что делает это слишком медленно. Крхауры прыгнули и вцепились ему в руки. Рой потряхнул их с себя, но на него набро-

сились еще четыре зверя. Рой остуился и упал. В него сразу же вцепились еще трое животных. «Это конец. Я все же проиграл», — мелькнула в голове мысль, и он потерял сознание.

Он очнулся в каком-то помещении. Горел яркий, но не слепящий свет.

Он лежал на столе. На нем не было никакой одежды. Вдоль его тела туда-сюда скользила металлическая пластина.

— Капитан, он пришел в себя, — раздался чей-то голос.

Он увидел, что к нему наклонились два человека — оба в форме Патрульной Службы. Одному из них было на вид около сорока лет, второму — лет двадцать пять.

Тот, который постарше, сказал:

— Я капитан патрульного корабля «Black fish» Джеймс Норман. Это наш корабельный врач Майк Плотч, — указал он на второго. — А как вас зовут?

Он открыл рот, чтобы представиться, но вдруг понял, что не знает ни своего имени, ни кто он такой, ни что с ним происходило. Пораженный этим обстоятельством, он выдавил из себя:

— Я не знаю... Ничего не помню...

Капитан чуть нахмурился и вопросительно посмотрел на доктора.

— Это вполне возможно, — подтвердил доктор. — Передозировка стимулятора, — кивком указал Плотч на своего пациента, — а это отрицательно влияет на работу сознания. Я провел чистку организма. Стимулятор удалось полностью нейтрализовать. Но в его организме присутствует сложный биологический токсин. Вероятнее всего, это сказывается его действие. Я синтезировал антидот и ввел его, но как он действует и подействует ли вообще, не знаю.

Капитан в задумчивости покачал головой:

— Да, ему повезло, что мы вообще успели. Хорошо, Майк, оставляю нашего гостя на ваше попечение. Если что-то в его состоянии изменится, сразу докладывайте. Я буду у себя. — И капитан ушел.

Доктор тоже отошел от него.

Рой повернул голову и стал изучать помещение. Ничего особенного — несколько прозрачных шкафов-стеллажей с оборудованием и препаратами и электронный биоанализатор, за которым сейчас работал доктор. На его поясе висел дистан.

Доктор посмотрел на своего пациента:

— Не волнуйтесь. Даже если мой антидот не подействует,

все равно через несколько часов мы будем знать кто вы — капитан отправил в Центральный Информаторий запрос по вашей структурной модели ДНК. — Доктор еще раз посмотрел на него, словно сомневаясь, понял ли он хоть что-нибудь. — И вообще, советую вам поспать.

Рой посмотрел в потолок. Удивительно мягкий при такой яркости свет.

Над его телом скользила пластина биосканера. Время от времени он чувствовал легкие уколы в разные части тела — автоматика кибермеда вводила микродозы лекарств в нужные места. Он чувствовал усталость. Даже тот факт, что он не мог вспомнить, кто он, не казался ему сейчас значительным. И он уснул.

Крхауры появились из темноты. Он ждал их прихода. Он целился в ближайшего из них. Он чувствовал неумоимость и силу — воздействие стимулятора. Этот зверь бросился на него, он выстрелил. Промажнулся... И крхаур вцепился ему в горло и одним рывком порвал гортань и артерии. И когда ему в морду брызнула человеческая кровь, вся стая издала длинный радостный вой...

Рой проснулся.

Теперь он помнил все. «Хотя лучше было бы последние дни не вспоминать», — подумал он.

«Да, Ванесса, я снова победил», — улыбнулся он.

— Ну, как вы себя чувствуете? — появилось над ним лицо врача.

— Неплохо, — ответил Рой.

— Вспомнили что-нибудь? — со скрытой надеждой в голосе спросил доктор.

Рой отрицательно покачал головой. Было видно, что доктор немного расстроился. Он опять отошел к своему электронному биоанализатору:

— Ну, что ж... Пока вы спали, я несколько модифицировал антитод против токсина в вашей крови. Сейчас я вам его введу. Надеюсь, это поможет. — Доктор повернулся к пациенту — Рой медленно вставал со стола кибермеда.

— Что вы делаете?! Вам лежать надо! — воскликнул доктор и кинулся к нему.

— Мне срочно нужно к капитану. Рой встал на ноги. Вдруг он оступился и начал заваливаться на бок, но доктор вовремя подхватил его...

На маленьких кораблях свои понятия о дисциплине —

дверь в капитанской каюте оказалась не заблокирована, и Рой вошел без разрешения.

Капитан сидел в кресле перед шестимерной динамической проекцией того участка гиперпространства, где сейчас находился корабль. Он с некоторым удивлением посмотрел на вошедшего, не сразу узнав в человеке, одетом в мономорфный комбинезон, который Рой надел в медотсеке, спасенного им незнакомца. Он хотел что-то сказать, но в этот момент терминал связи оповестил, что пришло сообщение. Капитан непроизвольно повернул голову в ту сторону. Рука Роя быстро, но плавно скользнула за спину, где висел дистан, взятый у доктора, и отточенным движением вывела его в позицию для выстрела. Указательный палец мягко надавил на спусковой крючок, и капитан бессильно откинулся в кресле с простреленной головой.

Рой вытащил мертвого капитана из кресла, затащил его труп за компьютерный терминал и занял его место. Он повернулся к компьютерному терминалу и активировал последнее сообщение. Это были данные о нем.

«Рой Уильям Кеннинг. Дата рождения — 11 сентября 2387 года. Возраст — 31 год. Место рождения — Земля, Нью-Йорк. Не женат, детей не имеет. Образование — высшее, специализация — кризисная экономика...» Далее шли сведения о всех преступлениях, которые совершил Рой, — убийства граждан и полицейских, контрабанда и пиратство. Рой скользнул взглядом в самый конец сообщения. Там значилось следующее: «За поимку или информацию о месте нахождения Роя Уильяма Кеннинга Правительство Земли установило вознаграждение в размере одного миллиона гео».

Рой равнодушно уничтожил файл и открыл данные о расписании постов на корабле. Нужно было торопиться — получив структурную модель ДНК разыскиваемого, Центральный Информаторий должен немедленно оповестить спецслужбы. Наверняка сейчас в точку выхода корабля из гиперпространства мчатся их корабли. Он не мог позволить им поймать себя.

Рой снял с капитана дистан и повесил его себе на пояс слева. Он вышел из капитанской рубки, заблокировал за собой дверь и пошел по корабельному коридору.

На корабле оставалось еще шесть человек.

СЕРИЯ: МОЙ ПЕРВЫЙ УЧЕБНИК

СЕРИЯ: ВЕСЬ ИЗУМРУДНЫЙ ГОРОД

СЕРИЯ: СКОРО В ШКОЛУ

детектив • фантастика • приключения

ИСКАТЕЛЯ

журнал «Колокольчик»

журнал «Мир «Искателя»

